

KISI
 КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ
 СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
 ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
 РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Содержание

ЗА СТРОКОЙ ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА КАЗАХСТАНА

Абишева М.А. На пути к передовым социальным стандартам жизни 5

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Султанов Б.К. Российские казахи и проблемы казахстанско-российского гуманитарного сотрудничества 9
 Сыроежкин К.Л. Новая стратегия Китая (к итогам 4-й сессии ВСНП 10-го созыва) 18
 Кепбанов Ё.А. Туркменистан за равноправное и взаимовыгодное сотрудничество на Каспии 26
 Мирсайитов И.Э. К вопросу о противодействии распространению идей «Хизб-ут Тахрир» в Кыргызстане 34

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Нуралди Г.Н. Строительство новой модели управления для создания прочного мира 39
 Досмагамбетова Г.И. Местное самоуправление как элемент политической системы общества 43

ЭКОНОМИКА

Рахматулина Г.Г. Структурная перестройка экономики Казахстана 49
 Исингарин Н.К. Железнодорожный транспорт в социально-экономической жизни страны 55
 Кайгородцев А.А. Неформальная экономика как угроза экономической и продовольственной безопасности 64

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Утешев Д.А. Политическая реклама как фактор воздействия на поведение избирателей 72
 Асаибаев М.Б. Влияние географического фактора на становление общественной структуры и формирование институтов государственности на Аравийском полуострове 76
 Жумакаева Б.Д. Природа и специфика политического знания 86
 Завгородняя С.В. Казахстан — Россия: социально-политический аспект взаимоотношений в первой половине XIX в. 91
 Кушкумбаев А.К. Источниковедческие и историографические проблемы военной истории Золотой Орды 97

РЕЦЕНЗИЯ

Абишева М.А. Нысанбаев А., Малинин Т. «Нурсултан Назарбаев: Казахстан — территория мира и согласия» 104
 Лаумулин М.Т. Daly J.C.K., Meppen K.H., Socor V., Starr F.S. Anatomy of a Crisis: U.S. — Uzbekistan Relations: 2001—2005. 109

SUMMARY 114

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 119

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ
 СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
 ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
 РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
 Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Б.К.СУЛТАНОВ**,
 директор КИСИ при Президенте РК

Ответственный за выпуск У.М.Нысанбек
 Редактор-корректор Н.И.Шестакова. Дизайн и верстка: Т.В.Афанасьева, А.К.Салдакасов
 Адрес редакции: Республика Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык 87-б
 Телефон: (3272) 64-34-04, факс: (3272) 64-49-95, E-mail: office@kisi.kz
 Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №844
 При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей
 Отпечатано в типографии ОО «ШКОЛА XXI ВЕКА». Тираж 500 экз.

16.08.06

Contents

COMMENT FOLLOWING THE PRESIDENT'S ADDRESS

Abisheva M.A. Toward an Advanced Social Standards of Life 5

INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY

Sultanov B.K. Russian Kazakhs and Problems of the Kazakhstan-Russian Humanitarian Cooperation 9
 Syroyezhkin K.L. China's New Strategy (on the Results of the Fourth Session of China's Tenth National People's Congress) 18
 Kerbanov E.A. Turkmenistan Stands for Equal and Mutually Beneficial Cooperation in the Caspian Sea region 26
 Mirsayitov I.E. On the Problem of Counteraction to Distribution of Hizb ut Tahrir ideas in Kyrgyzstan 34

INTERNAL POLITICAL AND SOCIAL PROCESSES

Nuradil G.N. Development of New Model of Governing for Creation of Stable World 39
 Dosmagambetova G.I. Local Self-Government as an Element of Political System of Society 43

ECONOMY

Rakhmatulina G.G. Structural Reorganization of the Kazakhstani Economy 49
 Issingarin N.K. The Railway Transport in the Social-Economic Life of the Country 55
 Kaygorodtsev A.A. Informal Economy as Threat to Economic and Food Security 64

THEORETICAL PAPERS

Uteshev D.A. Political Advertising as the Factor that Influence Voting Behaviour 72
 Asanbayev M.B. Influence of the Geographical Factor on Formation of Public Structure and Institutes of Statehood on the Arabian Peninsula 76
 Zhumakayeva B.D. Nature and Specificity of Political Knowledge
 Zavgorodnyaya S.V. Kazakhstan — Russia: Socio-Political Aspect of Mutual Relations in the first half of the 20th century 86
 Kushkumbayev A.K. Source Study and Historiographic Problems of Military History of the Golden Horde 97

REVIEWS

Abisheva M.A. Nysanbayev A., Malinin T. "Nursultan Nazarbayev: Kazakhstan — Territory of Peace and Consent" 104
 Laumulin M.T. Daly J.C.K., Meppen K.H., Socor V., Starr F.S. Anatomy of a Crisis: U.S. — Uzbekistan Relations: 2001-2005. 109

SUMMARY 114

INFORMATION ABOUT THE AUTORS 119

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE FOR STRATEGIC STUDIES UNDER THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
 Quarterly since October 1994

Editor-in-Chief B.K.SULTANOV,
 Director of KazISS under the President of RK

Responsible for publication U.M.Nygenbek
 Editor-corrector N.I.Ghestakova. Design & Layout T.V.Afanassieva, A.K.Sedvakasov
 Address: 87-b Dostyk ave, Almaty-050010, Republic of Kazakhstan
 Phone (3272) 64-34-04. Fax (3272) 64-49-95. E-mail: office@kaziss.kz
 The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644
 All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles
 Printed in printhouse of PA School of XXI century, Copies 500.

Редакционный совет:

- Султанов Б.К. — шеф-редактор, председатель редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, кандидат исторических наук, доцент
- Кушкумбаев С.К. — заместитель шеф-редактора, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук, доцент
- Абишева М.А. — заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
- Абусентова М.Х. — директор Института востоковедения МОН РК, доктор исторических наук, профессор
- Ашимбаев М.С. — заместитель Руководителя Администрации Президента РК, кандидат политических наук
- Ертысбаев Е.К. — министр культуры и информации РК, доктор политических наук, профессор
- Закржевская О.Г. — заведующая кафедрой международных отношений Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, доктор исторических наук
- Ибрашев Ж.У. — доктор исторических наук, профессор
- Исningарин И.К. — генеральный директор ТОО «Экономтранс консалтинг», доктор экономических наук
- Косиченко А.Г. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор философских наук, профессор
- Лаумулин М.Т. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Малиновский В.А. — проректор Академии «Адилет», доктор юридических наук, профессор
- Нысанбаев А.Н. — директор Института философии и политологии МОН РК, академик НАН РК, доктор философских наук, профессор
- Суль Чжуаньчи — заведующий отделом Центральной Азии Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР, генеральный секретарь Центра по изучению ШОС АОН КНР, профессор
- Сыроежкин К.Л. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Тяжин М.М. — помощник Президента — Секретарь Совета Безопасности РК, доктор социологических наук, профессор
- Чуфрин Г.И. — заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Шоманов А.Ж. — первый заместитель директора Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК, кандидат философских наук, доцент

Editorial Board:

- Sultanov B.K.** — Editor-in-Chief, Chairman of Editorial Council, Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of History, Assistant Professor
- Kushkumbayev S.K.** — Deputy Editor-in-Chief, First Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of Political Sciences, Assistant Professor
- Abisheva M.A.** — Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Abusseitova M.Kh.** — Director, Institute of Oriental Studies at the Ministry of Education and Science of the RK, Doctor of History, Professor
- Ashimbayev M.S.** — Deputy Head, Administration of the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Yertyssbayev Ye.K.** — Minister of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Political Sciences, Professor
- Zakrzhevskaya O.G.** — Head of the Department of International Relations, Kazakh University of International Relations and World Languages named after Ablai Khan, Doctor of History
- Ibrashev Zh.U.** — Doctor of History, Professor
- Issingarin N.K.** — Director General, LLC "Economtransconsyting", Doctor of Economics
- Kossichenko A.G.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Philosophy, Professor
- Laumulin M.T.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Malinovsky V.A.** — Vice-Rector, "Adilet" Academy, Doctor of Jurisprudence, Professor
- Nyissanbayev A.N.** — Director, Institute of Philosophy and Political Sciences at the Ministry of Education and Science of the RK, Academician of the National Academy of Sciences of the RK, Doctor of Philosophy, Professor
- Sun Zhuanghi** — Director of Department for Central Asian Studies Institute of Russian, East European & Central Asian Studies Chinese Academy of Social Sciences, Secretary-General of Center for Shanghai Cooperation Organization Study, CASS, Professor
- Syroezhkin K.L.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Tazhin M.M.** — Assistant to the President, Secretary of the Security Council of the RK, Doctor of Sociology, Professor
- Chufrin G.I.** — Deputy Director, Institute of World Economy and International Relations at the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Corresponding-Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
- Shomanov A.Zh.** — First Deputy Director, Institute of World Economy and Policy at the First Kazakhstan President Foundation, Candidate of Philosophy, Assistant Professor

На пути к передовым социальным стандартам жизни

АБИШЕВА М.А.

Одной из составляющих нового этапа развития Казахстана, по мнению Президента страны, являются «высокое качество и передовые социальные стандарты жизни всех слоев населения». Экономический подъем последних лет вывел страну на качественно новый виток развития, однако для дальнейшего роста экономической политике необходимо задать социальную детерминанту. Поэтому экономическое развитие страны необходимо рассматривать в социально-экономическом контексте. Дальнейший экономический прогресс будет зависеть не только от эффективности экономических рычагов, но и от перехода к социальной экономике. Необходимость *социализации* экономических реформ определяется Третьим приоритетом Стратегии вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира: «Современная социальная политика, защищающая наиболее уязвимые слои населения и поддерживающая развитие экономики».

Таким образом, успешное вхождение Казахстана в число самых конкурентоспособных государств зависит также от осуществления социальной политики, направленной на создание платежеспособного спроса и обеспечение социальной стабильности, без чего невозможен экономический рост.

Эксперты относят социальную политику к критериям прогресса рыночных преобразований, считая, что от выбора концептуального направления социальной политики значительно зависят стратегическая устойчивость и стабильность конкретной политической системы.

В целом социальная политика является важным адаптационным механизмом политической системы, поэтому ее надо рассматривать во взаимодействии «политического» и «социального». При этом «социальное» часто рассматривается как синоним «общественного», поэтому одной из задач социальной политики считается достижение определенного уровня равновесия в общественной жизни с использованием механизмов воздействия и контроля.

Для достижения определенного уровня равновесия в общественной жизни основные направления социальной политики обычно группируются по блокам: (1) борьба с нищетой; (2) сохранение человеческого капитала; (3) адаптация человеческого капитала к требованиям рынка.

Социальная политика должна быть направлена на эффективное взаимодействие экономических и социальных процессов, при котором достигается наибольшая степень реализации экономических и социальных целей при приоритете последних. Во взаимодействии с экономической политикой государства социальная политика должна быть направлена на достижение конечной цели — всемерного повышения благосостояния и качества жизни населения. При этом одной из основных задач социальной политики являются разрешение социальных противоречий, сохранение или восстановление баланса стратегических и тактических общественных интересов.

В представленной Президентом Н.А. Назарбаевым Стратегии вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира социальная политика осуществляется по компенсаторному, амортизационному и проблемно-ориентированному направлениям. В первом направлении государство компенсирует экономически слабым слоям населения потери, связанные с развитием текущей экономической ситуации (дополнительная надбавка к пенсиям; льготы определенным категориям граждан и т.п.).

Вторым направлением достигается определенный уровень равновесия в общественной жизни на основе предоставления государственных гарантий для амортизации социальных рисков.

В третьем направлении проблемно-ориентированная социальная политика должна решать важнейшие социальные проблемы, возникающие по ходу общественного и экономического развития. Это — проблемы здравоохранения, жилищные, экологические проблемы и др.

В Послании Президента народу Казахстана социальная политика рассматривается как единство четырех крупных подсистем: политики доходов, политики социальной защиты, политики занятости и политики в социальной сфере.

Политика доходов представляет собой совокупность государственных мер по повышению общего уровня благосостояния: повышение с 2007 г. заработной платы работников бюджетной сферы в среднем на 30% и др.

Политика социальной защиты населения включает в себя комплекс государственных мероприятий по поддержке наиболее уязвимых слоев населения: увеличение с 1 июля 2006 г. размеров специальных государственных пособий для определенных категорий населения; разовое дифференцированное повышение размеров пенсий для пенсионеров силовых структур с 1 июля 2006 г.; переход с 2007 г. к осуществлению пенсионных и социальных выплат за текущий месяц и др.

Политика занятости представляет собой совокупность государственных мер по распределению и развитию трудовых ресурсов в соответствии с требованиями экономической модернизации.

Политика в социальной сфере охватывает вопросы жилищного строительства и развития рынка недвижимости, перехода на современные принципы и стандарты в организации сферы здравоохранения, обеспечения охраны окружающей среды и экологической безопасности в соответствии с международными стандартами.

Показателями данных подсистем, определяющими степень реализации социальной политики, выступают доходы населения, уровень занятости, здоровье, жилье, окружающая среда. Эти показатели находятся в центре непосредственного воздействия социальной политики, выражающей постоянное и сознательное влияние общества на социальные и экономические процессы в целях уменьшения противоречий и повышения эффективности общественной системы и ее отдельных звеньев.

Таким образом, основными *задачами* социальной политики на современном этапе развития являются:

- повышение доходов и степени социальной защиты населения;
- оптимизация социально-трудовых отношений;
- всемерное развитие отраслей социальной сферы.

При этом *критериями* социальной политики должны стать максимальное удовлетворение потребностей населения, всемерное повышение благосостояния, качества

жизни населения, что, в свою очередь, является национальным приоритетом развития нашей страны.

Главным содержанием социальной политики выступает правильное освоение выстроенной Президентом страны системы приоритетов:

- поддержка наиболее уязвимых слоев населения;
- переориентирование системы социальной поддержки в соответствии с условиями рыночной экономики;
- вопросы жилищного строительства и развития рынка недвижимости;
- переход на современные принципы и стандарты в организации сферы здравоохранения;
- обеспечение охраны окружающей среды и экологической безопасности в соответствии с международными стандартами;
- внедрение международных стандартов социальной ответственности бизнеса;
- создание эффективной системы развития трудовых ресурсов.

При этом нужно четко разграничивать две цели:

- 1) защитить от жесткого воздействия рынка социально уязвимые слои населения, которым не обойтись без социальной поддержки государства;
- 2) способствовать средствами социальной политики экономической активизации различных слоев населения.

Функция социальной защиты является основной в процессе реализации социальной политики. Данная функция предусматривает обеспечение прожиточного минимума нетрудоспособных и социально уязвимых слоев населения, их прямую и социально-психологическую поддержку государством, предоставление определенных Конституцией РК социальных гарантий в обеспечении равенства социальных шансов для всех членов общества.

В рамках социальной защиты осуществляются действия, гарантирующие нижний порог материального обеспечения (минимальная заработная плата, минимальная пенсия) или предусматривающие дополнительную помощь материально менее обеспеченным лицам (стипендии, компенсации, доплаты и пр.).

Согласно Концепции социальной защиты населения Республики Казахстан *социальная защита* — это система, призванная обеспечивать определенный уровень доступа к жизненно необходимым благам и определенный уровень благосостояния граждан, которые, в силу обстоятельств (старость, состояние здоровья, потеря кормильца или работы и иные законные основания), не могут быть экономически активными и обеспечивать себя доходами путем участия в достойно оплачиваемом труде.

Однако защитная функция не должна сводиться только к пассивной форме, связанной с материальной поддержкой нетрудоспособных и социально уязвимых слоев населения, когда выгодней получать социальное пособие, чем работать. Рост экономически неактивного населения, зависящего от социальной помощи, чреват нарушением социальных связей в обществе и ростом слоя иждивенцев. Поэтому действие социальной политики должно быть направлено на создание возможностей продуктивной занятости населения и устойчивых источников средств к существованию. Соответственно, ключевая роль в Послании Президента Казахстана отводится *политике занятости*, одним из приоритетов которой является содействие трудоустройству граждан путем повышения их конкурентоспособности на рынке труда (обучение, переподготовка, получение новой профессии).

Повышение производительной активности групп населения способствует реализации трудового потенциала и на этой основе — наращиванию совокупного трудового вклада всех социальных групп в социально-экономическое развитие страны.

Важнейшей составляющей механизма реализации социальной политики становится *взаимодействие государственных структур с представителями негосударственных секторов экономики*. Это важно не только с точки зрения дифференциации подходов к социальной политике, но и потому, что новые рыночные структуры становятся одним из важнейших ресурсов осуществления эффективной социальной политики. Действенным способом решения многих социальных вопросов, и в частности социальной защиты, может стать участие отечественного бизнеса в реализации мероприятий социальной политики.

Стратегическая цель современной социальной политики сегодня — это переход к передовым социальным стандартам жизни через взаимную ответственность государства и частного бизнеса. Необходимо понимать, что реальное воплощение определенной Главой государства задачи возможно лишь с консолидацией усилий государства, общества и граждан, основанной на индивидуальной ответственности и солидарности всех членов общества и социальной ответственности не только государства, но и бизнеса за стабильность системы социальной защиты.

Существует несколько моделей разделения социальной ответственности: социально-демократическая модель скандинавских стран, где государство берет на себя значительную долю ответственности по социальной защите; неолиберальная модель (США), где проблемы социальной защиты преимущественно решаются между предпринимателями и наемными работниками в лице их профсоюзов; неоконсервативная модель (Германия), основанная на смешанном государственно-частном решении социальных проблем (ответственность отдельного предпринимателя заменена системой их обязательной коллективной ответственности под контролем государства).

В Казахстане основным принципом осуществления политики социальной защиты является государственное регулирование. Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира предполагает, что государство должно содействовать альтернативному участию частного сектора в системе социальной защиты и предоставлении социальных услуг (образование, здравоохранение, культура). При этом государство останется основным источником финансирования системы социальной защиты населения. Роль государства будет ведущей даже в случае высокого уровня развития системы социального страхования и накопительной пенсионной системы, финансируемой не из государственного бюджета, так как контроль за деятельностью участников системы будет оставаться за государством.

Наше государство обладает всеми необходимыми ресурсами и возможностями для осуществления приоритетных направлений дальнейшей модернизации социальной сферы. Реализация данных направлений нацелена на достижение конечной цели — всемерного повышения благосостояния и качества жизни населения.

Сегодня это — ключевая формула модернизирующегося государства, обеспечивающего ее воплощение эффективной социальной политикой, поддерживающей развитие экономики.

Российские казахи и проблемы казахстанско-российского гуманитарного сотрудничества

СУЛТАНОВ Б.К.

Одной из важнейших целей политики России является интеграция постсоветского пространства, как в рамках СНГ, так и путем развития двусторонних отношений со странами Содружества. Причем в этом направлении одним из ключевых моментов был признан гуманитарный аспект сотрудничества, призванный содействовать свободному развитию национальных традиций, языков и культур народов СНГ и построению между ними единого информационно-коммуникативного, научно-образовательного и культурно-языкового пространства, а также согласованного подхода в иммиграционной политике, без которого сложно определить контуры долгосрочной политико-экономической интеграции.

Предпринятый Россией ряд гуманитарных инициатив и последовавшие за ними события развивались именно в этом ключе. Так, в 1999 г. правительством РФ было принято Постановление «О федеральной целевой программе «Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации с государствами — участниками СНГ и государствами Балтии на 1999—2000 гг.»» [1], где были обозначены основные направления в гуманитарной сфере сотрудничества между Россией и странами СНГ. В частности, в данном документе на законодательном уровне впервые была закреплена политика России по укреплению взаимопонимания и сохранению национально-культурной самобытности народов, проживающих в странах СНГ, защите их нравственных и духовных ценностей и созданию благоприятных условий для расширения контактов между представителями общественности этих стран.

В 2005 г. Россия инициировала подписание Соглашения о развитии гуманитарного сотрудничества стран СНГ, направленного на развитие связей в сферах культуры, науки, образования, информации и массовых коммуникаций, спорта и туризма. В рамках реализации данного Соглашения государствам — участникам СНГ было предложено создание координирующего органа — Совета по гуманитарному сотрудничеству стран СНГ, деятельность которого была бы направлена на содействие рациональному использованию ресурсов в гуманитарной области в интересах всех государств — участников СНГ [2].

Особо следует отметить инициативу России по созданию Международного фонда гуманитарного сотрудничества, о котором официально было заявлено в Московской декларации от 8 мая 2005 г. Этот орган, формирующийся по аналогии с соответствующими международными и региональными фондами, должен привлекать средства (прежде всего, внебюджетные) на программы многостороннего гуманитарного сотрудничества в рамках СНГ, содействуя при этом развитию на взаимовыгодной основе цивилизованного рыночного пространства в сфере оборота гуманитарных услуг. Предполагается, что путем выплаты грантов, стипендий и

премий Фонд будет оказывать поддержку талантливым людям культуры, науки, образования, спорта из разных государств — членов СНГ [3].

Таким образом, акцент в сторону гуманитарного сотрудничества становится неотъемлемой составляющей региональной политики России, способствующей развитию межгосударственных отношений со странами постсоветского пространства в сферах образования, науки, культуры и информации.

Особенно наглядно это проявляется в развитии гуманитарной сферы сотрудничества между Россией и Казахстаном, где взаимное сочетание государственных интересов нацелено на сохранение сложившихся связей, установление подлинно добрососедских отношений во благо общего будущего и обеспечение прав и интересов народов двух стран.

Во многом стратегический характер сотрудничества между Россией и Казахстаном в сфере гуманитарного сотрудничества обусловлен общностью истории, культуры, традиций, менталитета и многовековой дружбы между русским и казахским народами, осознанием народами двух стран духовного родства и единства. Однако специфичность данной ситуации заключается в том, что любая политика в этой области не возымеет успеха без отсутствия политической воли и искренних добрососедских и партнерских намерений сторон, взаимного учета и уважения национальных интересов и прав народов Казахстана и России.

Не случайны взаимное доверие и приверженность дальнейшему укреплению гуманитарного сотрудничества между Казахстаном и Россией — общность истории и родственные чувства между народами двух стран не раз отмечались в выступлениях Президента РК Н.Назарбаева [4].

Аналогичным образом о стратегическом союзе и деловом партнерстве между Россией и Казахстаном, добрососедстве и дружбе между народами двух стран постоянно заявляет и Президент России В.Путин [5].

Однако, несмотря на то, что казахстанско-российские отношения давно уже вышли на качественно новый уровень взаимодействия, став стабилизирующим фактором на всем пространстве СНГ и внося весомый вклад в региональную стабильность и безопасность, в отношениях между двумя странами существует и ряд проблемных моментов, решение которых необходимо рассматривать в контексте казахстанско-российского гуманитарного сотрудничества.

Казахское население на протяжении пяти веков проживает в основном в сопредельных с Республикой Казахстан степных и полустепных районах Российской Федерации, таких, как Кулундинский и Благовещенский районы Алтайского края, Кош-Агачский и Улаганский районы Республики Алтай, Камызякский, Харабалинский, Володарский и Красноярский районы Астраханской области, Паласовский район Волгоградской области, Краснокутский район Саратовской области, Домбаровский, Первомайский, Соль-Илецкий и Илецкий районы Оренбургской области, Есилькульский, Нововаршавский и Таврический районы Омской области, Аббатский, Бердюжский и Ишимский районы Тюменской области и т.п.

Точные данные о численности казахского населения в Российской Федерации отсутствуют, поскольку разные источники приводят различные цифры. Однако в целом можно отметить, что их количество варьируется от 700 тыс. [6] до свыше 1 млн человек [7]. Соответственно, данные о численности казахского населения в Российской Федерации в региональном разрезе нередко разнятся. Так, например, количество казахского населения, проживающего в приграничной с Казахстаном

полосе России, по одним данным, составляет в Алтайском крае 11 тыс. человек, в Республике Алтай — 12 тыс. человек, в Астраханской области — 142 тыс. человек, в Волгоградской области — 3,8 тыс. человек, в Курганской области — 15 тыс. человек, в Новосибирской области — 12 тыс. человек, в Омской области — 81,6 тыс. человек, в Оренбургской области — 200 тыс. человек, в Самарской области — 15 тыс. человек, в Саратовской области — 80 тыс. человек, в Свердловской области — 9 тыс. человек, в Томской области — 2 тыс. человек, в Тюменской области — 20 тыс. человек, в Челябинской области — 36 тыс. человек [8].

По другим данным, количество казахского населения составляет в Алтайском крае 24 тыс. человек, в Республике Алтай — 12 тыс. человек, в Астраханской области — 135 тыс. человек, в Волгоградской области — 46 тыс. человек, в Курганской области — 19 тыс. человек, в Новосибирской области — 14 тыс. человек, в Омской области — 80 тыс. человек, в Оренбургской области — 115 тыс. человек, в Самарской области — 16 тыс. человек, в Саратовской области — 78 тыс. человек, в Свердловской области — 9 тыс. человек, в Татарстане — 2 тыс. человек, в Томской области — 2 тыс. человек, в Тюменской области — 18 тыс. человек, в Челябинской области — 37 тыс. человек [9].

Как видно из вышеприведенных данных, казахское население составляет значительное количество населения в пяти субъектах Российской Федерации — в Алтайском крае, Республике Алтай, а также в Астраханской, Омской и Оренбургской областях. В остальных областях Российской Федерации казахи составляют лишь незначительную часть населения, не превышающую 5-процентный барьер населения всей области.

В социальном разрезе география расселения казахского населения везде примерно одинаковая. В основном это жители сельской местности. Такой характер расселения казахского населения отмечен в Алтайском крае, Республике Алтай, а также в Самарской, Саратовской, Свердловской, Омской, Оренбургской, Тюменской и Челябинской областях Российской Федерации. Исключение составляют лишь казахи Астраханской и Волгоградской областей. В этих областях доля городского казахского населения составляет 12,8% и соответственно 11,6% [10].

В отличие от казахского населения, на протяжении многих веков проживающего в сопредельных с Казахстаном регионах России, становление и формирование казахской диаспоры в Российской Федерации начинается лишь в советское время, особенно в 50—80-е гг. XX в., когда Москва и близлежащие к Казахстану региональные научно-академические и производственные центры, такие, как Оренбург, Омск и Новосибирск, стали местом притяжения для молодых специалистов-казахов.

Вполне естественно, что основной костяк казахской диаспоры в Российской Федерации составляет прослойка казахов-москвичей из числа бывших советских служащих и партийных работников, представителей творческой и научной интеллигенции. Со временем социальная структура казахской диаспоры Москвы по своему возрастному, профессиональному и статусному составу сильно изменилась. В нее, помимо представителей номенклатуры и научной интеллигенции, вошли многочисленные представители творческих профессий — артисты, художники, драматурги, режиссеры, а также бизнесмены и коммерсанты постперестроечной волны, по тем или иным причинам осевшие на постоянное место жительства в городе.

Согласно переписи 1979 г., в Москве проживало 4,4 тыс. казахов, в 1989 г. их число достигло 8225 тыс. человек [11]. По другим данным, в 1989 г. в Москве официально зарегистрирована 10-тысячная казахская диаспора [12].

В новейший период истории, т.е. после 1991 г., казахская диаспора Москвы в немалой степени пополнялась и за счет студентов-казахов, приезжающих из Казахстана для учебы в престижных московских вузах — МГИМО, РУДН и МГУ. Частично пополнение диаспоры идет за счет сотрудников дипломатических представительств, государственных и негосударственных учреждений и организаций, бизнесменов и предпринимателей из Республики Казахстан.

Определенный приток казахских эмигрантов в Москве ощущался и после 1991 г., в сложный период радикального перехода к рыночным отношениям, когда на волне эмиграционной активности в период с 1993 по 1999 г. из Казахстана уехало более 76 тыс. казахов. Вероятнее всего, что именно эта миграционная волна уже из независимого Казахстана, как правило, довольствующаяся лишь регистрацией, и увеличила ряды казахской диаспоры в Москве. Так, например, по оценкам президента казахской диаспоры, в Москве в 2006 г. численность казахской диаспоры в совокупности прописанных и довольствующихся временной регистрацией лиц казахской национальности достигла 25 тыс. человек [13].

В этой связи весьма неслучайным является тот факт, что наибольший энтузиазм к консолидации проявляет именно община московских казахов, представляющая из себя наиболее крупную и представительную часть казахской диаспоры в России. Так, в начале 1991 г. в Москве по инициативе москвичей-казахов, деятелей науки, культуры и образования, было учреждено Московское общество «Қазақ тілі», деятельность которого направлена на изучение и сохранение казахского языка и культуры, истории казахского народа. В 1997 г. оно было преобразовано в региональную общественную организацию содействия сохранению казахского языка и культуры «Қазақ тілі».

В 1993 г. в целях взаимодействия с казахскими общественными объединениями в регионах России ряд общественных и коммерческих организаций учредили Московский фонд «Казахская диаспора».

В 1997 г. была учреждена Казахская региональная национально-культурная автономия Москвы, создание которой дало возможность на более высоком уровне, с учетом статуса региональной организации, проводить национально-культурную деятельность всех казахских общественных объединений, через которую ныне и осуществляется поддержка администрацией Москвы казахских объединений и обществ города Москвы. В ее состав вошли многие видные представители казахской диаспоры — председатель Московского общества «Қазақ тілі» доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН Казахстана К. Мусаев, известная российская актриса Н. Аринбасарова, доктор исторических наук Н. Бекмаханова, доктор физико-математических наук Н. Камбаров, ученый-монголовед Ш. Нандиров и другие.

Эта организация сегодня выполняет и главную функцию модератора всех региональных казахских общественных объединений России. Так, в 1998 г. Казахская региональная национально-культурная автономия Москвы совместно с Министерством по делам национальностей Российской Федерации, Комитетом образования Правительства Москвы и Комитетом общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы провела межрегиональное совещание «Обеспечение

и пути реализации прав на сохранение и развитие казахского языка и казахской культуры в Российской Федерации». Принявшие участие в работе данного совещания представители 12-ти региональных казахских национально-культурных объединений провели комплексный анализ современного состояния и перспектив сохранения и развития казахского языка и культуры, рассмотрели проблемы обеспечения образования на казахском языке, озвучили актуальные для казахского населения России проблемы, возможные пути их разрешения.

С 1999 г. в рамках Казахской региональной национально-культурной автономии Москвы была создана международная ассамблея женских неправительственных организаций «Евразия», призванная содействовать сохранению традиций тюркоязычных народов.

Не остаются в стороне и представители казахской молодежи. В 1997 г. в Москве ими были созданы молодежное общество казахской культуры «Мурагер» и ассоциация казахских аспирантов и студентов «Зерде». В 1999 г. при Российском университете дружбы народов было создано молодежно-студенческое землячество «Сана», по инициативе которого в ночном клубе «Вокзал» каждый четверг проводятся казахские клубные вечера. Основной задачей этого землячества является объединение казахской молодежи, обучающейся в вузах города Москвы для содействия «пропаганде казахских традиций и обычаев, а также поддержания высокой репутации Республики Казахстан в России» [14]. Здесь важно отметить, что за годы Советской власти в Москве практически всегда действовали студенческие объединения студентов, аспирантов и стажеров из Казахстана, объединявшие большие группы студенческой молодежи. Все они были фактически неформальными объединениями, деятельность которых нередко пресекалась властями как несоответствующая идеологическому настрою того времени. Ярким примером было молодежное объединение казахстанских студентов «Жас Тулпар», существовавшее в начале 1960-х гг. и расформированное по обвинению в националистическом уклоне.

Большой вклад в дело укрепления связей между казахами по всей России вносят и частные энтузиасты. Так, например, А. Жумаева создала в Москве в 1999 г. первый казахский интернет-журнал «Арба», который публикует новости из жизни казахской диаспоры, статьи о национальной культуре, контактную информацию для казахов, проживающих в Российской Федерации, различные размышления и вариации на тему о жизни казахской диаспоры, о реалиях и перспективах развития исторической Родины, Республики Казахстан [15].

Особого внимания заслуживает созданный в 2002 г. Международный казахский сервер, деятельность которого направлена на обеспечение информационной и коммуникативной поддержки казахов, проживающих в различных уголках мира. «Посетителями сайта и вдохновителями проекта являются все, кто интересуется Казахстаном, казахами, их культурой, историей и современностью» [16].

В целом казахской диаспоре в Москве удалось выстроить довольно развитую организационную структуру, наладить тесные связи с администрацией города, сформировать положительный имидж в глазах местной общественности.

Что касается других регионов и городов Российской Федерации, не входящих в приграничную с Республикой Казахстан полосу, т.е. вне казахского этноареала, то здесь удельный вес казахской диаспоры весьма незначителен и поэтому не имеет серьезной перспективы для роста, консолидации и оформления в организованную

силу. Исключение составляет лишь «8-тысячная казахская диаспора Санкт-Петербурга» [17], где функционирует городское общество казахов «Атамекен» и имеются предпосылки для пополнения местной диаспоры за счет студентов-казахов из Казахстана, обучающихся в вузах города.

В целом распад СССР и обретение Республикой Казахстан статуса независимого государства стали поворотным и определяющим моментом в судьбе российских казахов, поскольку в новых политических реалиях вполне естественными являются рост национального самосознания, повышение интереса к истории, языку, культуре казахского народа и актуализация вопроса о будущем российских казахов. Все эти обстоятельства усилили среди российских казахов стремление к консолидации и самоорганизации в рамках национально-культурной автономии для сохранения национального языка, культуры, обрядов и других выразителей этнического самосознания. По мере развития казахстанско-российских межгосударственных отношений эти вопросы стали главными составляющими двухстороннего сотрудничества.

Впервые об этом официально было озвучено в ходе подписания между Республикой Казахстан и Российской Федерацией Соглашения «О сотрудничестве в области культуры, науки и образования» от 1994 г., где, в частности, подчеркивается, что «Стороны гарантируют свободное и равноправное развитие культуры своих народов, проживающих на территории друг друга, путем создания благоприятных условий для сохранения и развития национальной самобытности, языка, реализации их духовных и религиозных потребностей, создания условий для получения образования на родном языке» [18].

Но главной юридической основой сохранения и развития национально-культурных традиций российских казахов считаются законодательные акты Российской Федерации, направленные на законодательно-правовое обеспечение и регулирование государственной политики в сфере межнациональных отношений, такие, как «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации» (принята в 1996 г.), представляющая собой систему современных взглядов, принципов и приоритетов в сфере национальных отношений, а также ряд федеральных законов, регулирующих деятельность национально-культурных объединений и организаций:

1. Закон «О национально-культурной автономии в Российской Федерации» (принят в 1996 г.), определяющий правовые основы национально-культурной автономии Российской Федерации для защиты национальных интересов граждан Российской Федерации в процессе выбора ими путей и форм своего национально-культурного развития.

2. Закон «Об общественных объединениях» (принят в 1995 г.), регулирующий общественные отношения граждан в связи с реализацией их прав на объединение с целью достижения защиты общих целей и интересов.

3. Закон «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» (принят в 1995 г.), позволяющий иметь на правовой основе национальные районы.

Согласно действующему в настоящее время в Российской Федерации законодательно-правовому регулированию, в местах компактного проживания российских казахов функционируют несколько десятков местных и региональных общественных объединений и национально-культурных центров. А именно: «Общество Казахстан» в городе Казань, национальный центр «Акбота» в городе Уфе, культур-

ный центр «Жерлестер» в городе Элиста. Аналогичным образом в Оренбургской области успешно работают региональная национальная автономия казахов, созданная в 1998 г. на базе нескольких районных автономий — Акбулакского и Домбаровского районов Оренбургской области и города Оренбурга, Оренбургская областная общественная организация казахов «Ак-жайык», а также национально-просветительские центры в Новоорском и Домбаровском районах Оренбурга.

В Астраханской области созданы и также успешно проводят свою деятельность казахское областное общество культуры «Жолдастык» и фонд «Курмангазы», в Омской области — региональный национально-культурный центр «Молдир», в Тюменской области существует общественное объединение «Достык», в Саратовской области работает казахский культурный центр «Казахстан», культурный центр «Арман», «Ассоциация Поволжских казахов» и «Лига Волжских казахов». В Волгоградской области работают региональное общество «Казахстан» и казахский клуб «Самал», в Алтайском крае — это «Духовное объединение мусульман Алтайского края», в Челябинской области — «Казахское культурное общество».

Всего в Российской Федерации существует более 20-ти национально-культурных автономий, общественных объединений и организаций российских казахов, 5 из которых обладают статусом региональных организаций. На стадии оформления Межрегиональный координационный центр, призванный объединить деятельность всех существующих национально-культурных и общественных объединений и организаций российских казахов. Учредительный съезд Межрегионального координационного центра состоялся в декабре 2005 г. в городе Самара.

В целом российские казахи считают себя коренными жителями Российской Федерации, расценивая историю своего пребывания и свое нынешнее положение в составе российского государства как вполне естественный и закономерный этап в своем развитии. В особенности это касается сибирских казахов, которым очень сложно представить свое будущее вдали от здешних мест. Большинство из них не допускает и мысли уехать в соседний Казахстан по национальным или религиозным мотивам, чему в немалой степени способствовал «достаточно длительный и интенсивный характер русско-казахских этнокультурных контактов, в результате которых между ними установились тесные хозяйственные, торговые, культурные связи, межнациональные браки» [19]. В этой связи слова руководителя одного из региональных сибирских центров казахской культуры о том, что казахи Сибири не считают себя диаспорой и, вообще, против того, чтобы их так называли, можно расценивать как обобщающий вывод вышесказанному [20].

Даже существование в Российской Федерации серьезных проблем, связанных в последнее время с вспышкой насилия на почве национальной неприязни (если в 2004 г. имело место 254 случая нападения на национальной почве, то в 2005 г. было зафиксировано 394 аналогичных случая) [21] и в целом с ростом различных форм ксенофобии — расовой, этнической и конфессиональной нетерпимости, национализма и шовинизма в отношении различных инородных народов, этнических групп и диаспор, для казахского населения является несколько преувеличенным. Дело в том, что в местах проживания казахского населения, так же как и башкирского, татарского и других коренных национальностей России, эти проблемы, надо признать, не стоят так остро. Ведь в течение многовекового соседства и достаточно длительного периода совместного проживания в рамках российской государственности между многими периферийными коренными народами России и русскими образо-

валась культурная, ментальная и этническая общность сознания, высокий уровень межэтнических контактов. Можно констатировать, что между ними выработалась природная толерантность, устойчивый этноисторический симбиоз и открытый межкультурный диалог. В этой связи среди российских ученых нередко наблюдается попытка идентифицировать коренные народы России как составной компонент российского суперэтноса, а некоторые представители национальных меньшинств ныне и сами активно претендуют на этнокультурное самоопределение в рамках Российской Федерации под лозунгом «все мы россияне», «все мы русские».

Напротив, в центральной полосе России, в частности, в Москве и ее окрестностях, в Воронежской, Тамбовской и других областях, периодически происходят акты насилия и хулиганства на этнической и религиозной почве.

Но определенные проблемы, с которыми сегодня столкнулось казахское население России, все же существуют. Прежде всего, необходимо отметить, что российские казахи в последнее время подвергаются усиленному влиянию окружающей действительности, поскольку им все труднее становится сохранить свои национальные особенности — язык, культуру, традиции и т.п., чему способствуют следующие причины.

Во-первых, это связано с нехваткой средних и высших учебных заведений, осуществляющих обучение на казахском языке, и, соответственно, необходимых к ним методических пособий, учебников и в целом печатных изданий на казахском языке. Если в прошлом выпускавшиеся в Казахстане учебно-методические материалы, произведения художественной литературы, казахские газеты и журналы беспрепятственно поступали в приграничные с Казахстаном регионы России, то в последнее время приходится констатировать, что сегодня казахстанские издания в Россию не поступают. Газеты «Шалкар», «Қаза елі», «Жас казак», журналы «Алтын бесік», «Ислам Әлемі», «Парасат» и другие казахские издания стали недоступными для российских казахов. Аналогичным образом имеются трудности в получении ими информации из радио- и телеисточников на казахском языке, вещающих из Казахстана в места компактного проживания российских казахов. Так, например, максимально сузилось вещание радиопрограммы «Шалкар», которая, несмотря на возобновление деятельности, так и не смогла достичь своего прежнего уровня, практически недоступным остается вещание программ Казахского радио.

Во-вторых, настоящей проблемой для российских казахов стал рост внутренней миграции казахского сельского населения в урбанизированные города и крупные промышленные областные центры Российской Федерации. Между тем именно изолированное и обособленное расселение казахского населения Российской Федерации в рамках исторически сформировавшегося этноареала долгие годы способствовало сохранению их этнического самовыражения, языка и культуры. В итоге люди среднего и, в особенности, молодого возраста почти не знают своего родного языка, на котором говорят лишь старики, а сам язык местами перестает оказывать даже коммуникативную функцию в каждодневном быту.

Таким образом, в целом необходимо отметить, что основные сложности, с которыми сегодня столкнулось казахское население России, как правило, связаны с проблемами сохранения российскими казахами родного языка, культуры, традиций и национальной самобытности. Причем во многом те достижения и успехи, которых добились российские казахи в этом направлении, являются результатом усилий собственно казахских общественных организаций и объединений, активно ведущих

свою деятельность по сохранению национальной самобытности казахского народа. Именно энтузиазм и стремление различных общин российских казахов, по сути, являются двигателем всех тех позитивных начинаний и усилий, благодаря которым российским казахам пока еще удается организовывать национально-культурные центры и автономии, сохранять язык, культуру, традиции и национальную самобытность. В особенности важно отметить тесное взаимодействие с российскими властями казахских общественных организаций и объединений города Москвы, которым удалось добиться значительных успехов в законодательно-правовом обеспечении интересов московской казахской диаспоры. Позитивным фактором для разрешения вышеуказанных проблем являются стратегический характер межгосударственного сотрудничества между Казахстаном и Россией, личная дружба и понимание между главами государств, активное взаимодействие между двумя странами на уровне правительства и глав приграничных областных администраций двух стран.

К сожалению, пока отсутствует в Казахстане стратегия и политика в отношении казахского населения в России, что в целом обусловлено особенностями казахстанской диаспоральной политики. Суть этой политики заключается в том, что с момента провозглашения независимости в Казахстане осуществляется курс на постепенное возвращение этнических казахов на историческую родину. При этом отсутствует четкая позиция в отношении тех зарубежных казахов, которые все же предпочитают оставаться в местах нынешнего проживания, т.е. вне территории Казахстана. Более того, российские казахи никогда не рассматривались в качестве самостоятельного фактора, способствующего продвижению интересов Казахстана в России, где они компактно проживают. Поэтому Казахстан, как правило, относится к решению проблем этнических казахов как в России, так и в целом за рубежом в контексте особенностей развития двустороннего сотрудничества, рассматривая вопросы защиты их прав и интересов в зависимости от конкретной ситуации. Поэтому в настоящее время в Казахстане назрела необходимость более углубленной разработки и детализации основных направлений государственной политики в отношении этнических казахов, проживающих за рубежом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства РФ от 12 ноября 1999 г. за №1241 «О федеральной целевой программе "Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации с государствами — участниками СНГ и государствами Балтии на 1999—2000 гг."» // Сайт Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека // <http://www.sovetpamfilova.ru/text/1968>. 12.11.99.
2. Воробьев-Родосский А. СНГ — курс на сближение // Портал Содружества независимых государств // <http://www.cis-vmeste.ru/show>.
3. Там же.
4. Выступление Президента РК Н.А.Назарбаева в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации // <http://www.akorda.kz>.
5. Интервью официального представителя МИД России. А.Яковенко агентству «Интерфакс» в связи с проведением Года России в Казахстане // Информационный бюллетень МИД РФ // <http://www.mid.ru>.
6. Қазақ диаспорасы: бүгінгі мен ертеңі (Казахская диаспора: настоящее и будущее). — Астана: Елорда, 2005. — С. 78.
7. Неизвестное казахское зарубежье. Интервью с первым заместителем председателя Всемирной ассоциации казахов Калдарбеком Найманбаевым // <http://www.kazakh.ru>.
8. Ларина Е. «Елемей» — по-казахски «Родина» // Агентство политических новостей — Казахстан // <http://www.apn.kz>.

9. Қазақ диаспорасы: бүгін мен ертеңі... С. 66.
10. Там же.
11. Мамажанова А., Поляников Т. Казахский дом в Москве // *Континент*. — 2003. — №7 (94). — С. 20.
12. Қазақ диаспорасы: бүгін мен ертеңі... С. 66.
13. Джамалов П. Этнокультурный сюжет в поликультурном интерьере (ч. 1) // *Международный казахский сервер* // <http://www.kazakh.ru>.
14. «Приложим усилия во имя Родины» — таков девиз студентов из Казахстана, обучающихся в Москве // *Международный казахский сервер* // <http://www.kazakh.ru>.
15. Мамажанова А., Поляников Т. Казахский дом в Москве // *Континент*. — 2003. — №7 (94). — С. 20—21.
16. Джамалов П. Указ. соч. (ч. 2).
17. Қазақ диаспорасы: бүгін мен ертеңі... С. 66.
18. Мансуров Т. Развитие казахстанско-российских отношений в процессе суверенизации Казахстана (1991—1995) (опыт историко-политического анализа) // *Докторская диссертация*. — М., 1996. — С. 299.
19. Жигунова М. Печки-лавочки, куда тусу // *Родина*. — 2004. — №2. — С. 51.
20. Сибирячка Алтынай // *Мегалополис*. — 06.11.03.
21. Силаев Н. Кровь на почве // *Эксперт*. — 2006. — №16 (510). — С. 81.

Новая стратегия Китая (к итогам 4-й сессии ВСНП 10-го созыва)

СЫРОЕЖКИН К.Л.

Прошедшая 5—14 марта 2006 г. в Пекине 4-я сессия ВСНП 10-го созыва подвела итоги 10-й пятилетки и подтвердила новую стратегию, взятую на вооружение тандемом «Ху — Вэнь». В своем сегодняшнем виде эта стратегия сформировалась не сразу. Три с половиной года, прошедшие после XVI съезда КПК, на котором начался процесс передачи власти «четвертому поколению», вместили в себя очень много отнюдь нерядовых событий.

1-я сессия ВСНП 10-го созыва (март 2003 г.) законодательно оформила приход к власти «четвертого поколения» руководителей Китая. Председателем КНР стал генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао, его замом — член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Цзян Цинхун — креатура Цзян Цзэминя. Сам Цзян Цзэминь сохранил за собой пост председателя Центрального военного совета КНР. Специфика формирования высшего слоя китайской элиты давала основания предполагать, что в КНР намечается своего рода подготовка к возобновлению института «старцев», который, достаточно эффективно функционируя после ухода Дэн Сяопина со всех партийных и государственных постов, показал себя действенным и нужным в условиях современного Китая.

Однако этого не произошло. Тандем «Ху — Вэнь» демонстрировал, что, соглашаясь в целом со стратегией развития — возрождение национального величия Китая, для достижения этой цели он предпочитает не только иную команду, но и

иную тактику. Три главные темы, которые обсуждались в первые годы после XVI съезда КПК, — укрепление институтов рыночной экономики, изменения в конституции и ограниченные реформы внутри КПК. Эту пирамиду венчала по-новому прочитанная Ху Цзиньтао идея Цзян Цзэминя о «тройном представительстве». С его точки зрения, сущностью «тройного представительства» являются «установление партии для всех» (*ли дан вэй гуи*) и «осуществление правления для народа» (*чжи чжэи вэй минь*) [1]. «Когда сердце народа отворачивается — это основная причина, определяющая упадок политической партии, политического авторитета. Лишь следуя помыслам народа, помышляя об интересах народа и заполучив сердце народа, теоретическая линия марксистской политической партии, ее политический курс и вся ее работа смогут получить поддержку и одобрение народа, только так они смогут навсегда занять беспроблемную позицию» [2].

И с этим не поспоришь. В обществе, которое еще совсем недавно исповедовало идеологию уравниловки и презрения к богатству, «новые китайцы», разбогатевшие первыми, естественно, должны испытывать неприязнь и даже антагонизм со стороны большинства населения страны. Эта напряженность в обществе вполне могла привести к нарушению социальной стабильности, остановить процесс модернизации и экономического роста, подорвать международный авторитет КНР, и допустить этого КПК не могла.

Именно поэтому основной акцент во всех выступлениях партийных и государственных лидеров делался и делается на «породнении с народом», борьбе с коррупцией, необходимости исправления и улучшения стиля работы чиновников, заботе партии о сохранении баланса в социальной сфере, приоритете социальных вопросов, особенно в сельской местности. И это, по-видимому, правильно. Исторический опыт свидетельствует: столь масштабные перемены, какие мы наблюдаем в Китае, никогда и нигде не происходили без социальных катаклизмов. И главная задача правящего режима заключалась в том, чтобы нащупать ту «нить Ариадны», которая вывела бы страну из транзитного тупика, в котором она оказалась.

НОВЫЙ КУРС

III пленум ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) принимает решение ЦК КПК «О некоторых вопросах совершенствования системы социалистической рыночной экономики» [3], 2-я сессия ВСНП 10-го созыва (март 2004 г.) законодательно оформляет новый курс и вносит ряд весьма существенных поправок в Конституцию КНР.

Первое, что обращает на себя внимание, — утверждение нового подхода к развитию (*фацжэнь гуань*). Прежняя модель обеспечивала беспрецедентные темпы экономического роста, но не способствовала столь же впечатляющему увеличению производительности труда. Экономический рост достигался благодаря наращиванию инвестиций, то есть экстенсивным образом, а не посредством повышения эффективности. Ключевую роль в реализации модели играло государство, которое не только считало быстрый экономический рост своей целью, но и обеспечивало его с помощью государственных ресурсов*.

* Главным двигателем экономического роста в конце 1990-х — начале 2000-х гг. служили капиталовложения, прежде всего — государственные (в отдельные годы — до 90% всех капиталовложений) и сопутствующие им кредиты государственных коммерческих банков государственным же предприятиям. Увеличение инвестиций обеспечивало 65% роста ВВП, тогда как рост потребления — только 22%.

(Гуанмин жибао. — 06.12.02)

Тандем «Ху — Вэнь» решил этот подход изменить. Развитие начало трактоваться как комплексный, многоаспектный общественный процесс, который недопустимо сводить исключительно к экономическому росту. Это крайне необходимо ввиду того, что в среднесрочной или долгосрочной перспективе отдельные кризисные явления могли перерасти в общий системный кризис. Такую возможность в перспективе пяти — десяти лет признали 45,9% экспертов — социологов, экономистов, правоведов, политологов, управленцев, опрошенных в октябре-ноябре 2003 г. проблемной группой Академии общественных наук Китая. 24,8% эту возможность отвергли, но 11% сочли ее в высшей степени вероятной [4].

Второе направление нового курса — переход к «пяти единым планированиям» (*угэ тунчюу*): экономического и социального развития, города и деревни, регионов, гармоничного развития человека и природы, внутреннего развития и внешней открытости. По ряду оценок, социальное развитие отстало от экономического минимум на 5—8 лет, причем в первую очередь это касается деревни, где по-прежнему проживает большая часть населения.

При этом, учитывая бедственное положение китайской деревни и все увеличивающееся число выступлений крестьян, новое китайское руководство приоритеты экономического развития сместило в сторону развития сельского хозяйства и социальной сферы деревни. В докладах на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва четко прослеживалась мысль о том, что крестьянство было, есть и длительное время еще будет одной из краеугольных опор социальной стабильности и развития Китая [5]. И здесь — не только забота о крестьянстве или беспокойство перед «крестьянским бунтом», а простой экономический расчет — низкие доходы крестьян, составляющих основную массу китайского населения, мешают тому, чтобы внутреннее потребление стало наконец наиболее динамичным источником экономического роста, восполнив в этом качестве опережающее наращивание инвестиций и экспорта.

Третье направление — смена не только модели развития, но и модели экономического роста. В новой модели предполагается, что главным инвестором станет не государство, а негосударственные предприятия, а главным двигателем роста — платежеспособный спрос населения. Если раньше основные усилия направлялись на удовлетворение минимальных жизненных потребностей населения, или, по китайской формуле, на обеспечение уровня «тепла и сытости» (*вэньбао*), то теперь на первый план выходит повышение качества жизни и смягчение тех противоречий, которые возникли и обострились на предыдущих этапах реформ.

Эта концепция отталкивается от выдвинутого Ху Цзиньтао принципа «ставить во главу угла человека» (*и жэнь вэй бэнь*)*, провозглашающего ключевой целью экономического развития страны всестороннее совершенствование человеческой личности, удовлетворение коренных интересов, материальных и культурных потребностей народа, целенаправленное обеспечение его экономических, политических и культурных прав.

Четвертое — совершенно новая трактовка отношения к частному предпринимателю и его роли в реализации поставленных задач. Новая концепция указывает на необходимость «всемерного развития смешанного сектора экономики с участием государственного, коллективного и необщественного капитала, реализации плюрализма субъектов инвестирования в целях превращения акционерной системы в

* Эта формулировка, начиная с октября 2003 г., присутствует во всех партийных и государственных документах.

главную форму общественной собственности». Другими словами, китайское руководство делает основную ставку на использование потенциала отечественной негосударственной экономики, в том числе в первую очередь — частного национального капитала. Новая буржуазия перестала рассматриваться как «чуждый элемент», и ей недвусмысленно предлагается поработать на пользу всего общества*.

На III пленуме ЦК КПК 16-го созыва прозвучал призыв «активно развивать частный сектор экономики и предоставить частным предприятиям равные с государственными предприятиями права в области инвестиций, налогообложения, землепользования и доступа к внешней торговле» [6], а также было принято решение внести соответствующую поправку в конституцию страны**.

2-я сессия ВСНП 10-го созыва законодательно оформила ключевое понятие западной экономики и юриспруденции — право собственности (*чань цюань*)***. И это было не только признанием социальных реалий Китая, где быть богатым становится неопасно. Главное, это позволяло начать наступление на бастион так называемого «стального треугольника» — едва ли не последнюю и главную крепость, сохранившуюся со времен плановой экономики. Каждая из вершин этого треугольника прочно скреплена с двумя другими: первая из них — правительство, вторая — крупные государственные предприятия, особенно в монопольных отраслях, третья — финансы и рынок капиталов. Признание и реализация права собственности позволяют окончательно размежевать независимое предпринимательство и правительственное администрирование, отграничить первое от второго. Это получило и юридическое оформление путем подтверждения установки на почти сплошное акционирование, которое в новом курсе названо главной формой общественной собственности.

И в этом есть своя логика. По расчетам Всемирного банка, частный сектор производит около одной трети ВВП и «проявил себя как самый динамичный компонент экономики Китая». Он растет приблизительно на 20% в год — вдвое быстрее, чем экономика в целом, и именно ему экономика обязана ростом числа рабочих мест и 60-процентным ростом капиталовложений. Доля смешанной экономики уже в начале 2000-х гг. достигла 40%, и, по расчетам, в ближайшие пять-десять лет может возрасти до 80% [7].

* Кстати говоря, об этом говорилось и на XVI съезде КПК. Ключевой пассаж доклада Цзянь Цзэминя съезду заключается в простых и понятных новом поколению китайцев словах: «Следует уважать и охранять все виды труда, полезного народу и обществу. Как физический, так и умственный, как простой, так и сложный труд, словом, все виды труда, идущие на пользу нашей социалистической модернизации, — дело чести и заслуживают признания и уважения. Вся предпринимательская деятельность китайских и зарубежных инвесторов в процессе нашего строительства должна поощряться. Следует охранять все законные трудовые и нетрудовые доходы. Нельзя упрощенчески брать за критерий для определения политической прогрессивности либо отсталости людей то, есть ли у них имущество, а если да, то сколько. Здесь главным образом надо смотреть, каковы они по своему идейно-политическому состоянию и реальным поступкам, как появилось у них имущество, как они им распоряжаются и как его используют, какой вклад они вносят своим собственным трудом в дело социализма с китайской спецификой».

(Документы XVI Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. С. 19—20)

** Дело в том, что, несмотря на присутствие в Конституции термина «частное имущество», права, связанные с частной собственностью граждан, в ней не оговаривались. Конституция КНР недвусмысленно запрещала любым организациям и частным лицам посягать на государственное и коллективное имущество или наносить ему ущерб, тогда как применительно к частному имуществу такого запрета в ней не содержалось. Она провозглашала, что государство охраняет легальные доходы, сбережения, жилища и другое имущество населения, но не разъясняла, как и в какой мере обеспечивается такая защита. Отсутствовало в ней и понятие частной собственности.

*** Статья 13 новой редакции Конституции КНР провозглашает: «Законное частное имущество граждан неприкосновенно. Государство в соответствии с положениями закона защищает право частной собственности граждан и право наследования. Государство может в общественных интересах по закону отчуждать или использовать частное имущество граждан с выплатой компенсации» // Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа (Конституция Китайской Народной Республики).

(Жэньминь жибао. — 16.03.04)

Этот подход позволяет решить ряд сложных проблем социально-экономического и политического развития страны. Что касается экономики, то это — расширение сферы занятости, постепенный отход от преимущественного стимулирования экономического роста с помощью государственных инвестиций, облегчение постоянно возрастающей нагрузки на дефицитный государственный бюджет и на государственные банки и, наконец, создание конкурентной среды для доминирующих сегодня в китайском экспорте предприятий, принадлежащих иностранным компаниям, а следовательно — создание противовеса избыточной зависимости страны от иностранного капитала, которая в экстремальной ситуации сопряжена с серьезными рисками.

В политической сфере — социализация национальной буржуазии, «связывание» избыточной рабочей силы, в том числе и освобождаемой в ходе реформы государственных предприятий, следовательно — локализация, а в перспективе и профилактика возможных социальных конфликтов, расширение и укрепление размываемой социальной базы КПК и как результат — продолжение курса на реформы и открытость.

IV пленум ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2004 г.) формально был посвящен вопросам адаптации руководящей роли КПК к новым социально-экономическим реалиям. Во всяком случае, именно об этом говорит принятое им постановление ЦК КПК «Об усилении руководящего потенциала КПК», в котором была признана необходимость согласования различных интересов, существующих внутри общества, и формирования механизмов, которые позволяли бы социальным группам отстаивать свои интересы «разумным правовым» путем без ущерба для стабильности в обществе [8]. Идеологическим оформлением этого стал новый лозунг строительства «социалистического гармоничного общества».

Другими словами, было признано, что возникшая в конце 1970-х гг. модель Дэн Сяопина, ориентированная на «опережающее обогащение» наиболее активной части общества и поддержание высоких темпов роста ВВП, исчерпала свой потенциал. Пришло время обратить внимание на качество роста, попытаться сгладить социальные противоречия, дать сотням миллионов китайцев доступ к бесплатному среднему образованию и недорогому здравоохранению, позаботиться о сохранении окружающей среды, снизить расход энергии и сырья.

Сегодня в Китае, как и в большинстве транзитных стран, очевидно, что в результате проведенных реформ экономические и политические властные ресурсы сконцентрировались в руках крайне узкого слоя населения. Это, с одной стороны, те, кто сумел вовремя перестроиться и приспособиться к рыночным условиям. А с другой — бюрократия, использующая в целях личного обогащения партийный и административный ресурсы*.

Если успехи и благосостояние первой категории воспринимаются «народными массами» как должное, то богатство второй вызывает в обществе аллергию. Нередко органы власти, в особенности на нижних организационных уровнях, ассоциируются с мафиозными группировками, изымающими прибыль у легальных и нелегальных предприятий и одновременно с помощью государственной монополии

на применение силы подавляющими сопротивление подобной практике. Китайские социологи говорят даже о системе «капитализации власти», в которой политическая власть систематически обменивается на экономическое влияние и материальные льготы и это наиболее опасная часть наследства, оставленного «четвертому поколению» китайских руководителей. Согласно социологическому опросу руководящих кадровых работников, проходящих переподготовку в Центральной партийной школе ЦК КПК, проведенному в октябре-ноябре 2003 г., наименее урегулированными в китайском обществе рассматривались отношения между различными социальными группами. Такое мнение высказали 42,2% респондентов. Второе место по степени напряженности и срочности урегулирования заняли отношения между регионами (34,5%), третье, четвертое и пятое места — отношения между городом и деревней, соотношение социально-экономического развития со строительством духовным и соотношением экономической и политической реформ [9]. За всем этим, как не трудно догадаться, просматривался социальный взрыв со всеми вытекающими из него последствиями. Другими словами, Китай вплотную подошел к той черте, когда потребовался пересмотр ряда основополагающих установок и соответствующих им методов и средств мобилизации общества.

Совершенно новый подход руководители «четвертого поколения» продемонстрировали и в отношении политической реформы. Не отрицая необходимости дополнения социально-экономических реформ политическими, они, тем не менее, высказались за неприемлемость для Китая «слепого копирования опыта западных демократий».

Накануне IV пленум ЦК КПК 16-го созыва Ху Цзиньтао на торжественном собрании, посвященном 50-летию Всекитайского собрания народных представителей, выступил с весьма примечательной речью. Отметив, что «Китаю удалось создать социалистическую политическую систему, адаптирующуюся к реальным условиям жизни страны... ядром которой являются собрания народных представителей, многопартийное сотрудничество под руководством КПК, механизмы политических консультаций, а также региональные автономии для национальных меньшинств», Ху Цзиньтао счел необходимым подчеркнуть, что в ближайшее время введения альтернативных выборов в парламент не планируется, а само ВСНП не должно восприниматься как место для споров и дискуссий. «Законодатели должны осознанно признать руководство партии, в то время как партия будет реализовывать свое лидерство главным образом через проведение руководящей политики, выдвижение законодательных предложений и кандидатов на высшие должностные посты». Затем, ссылаясь на уроки истории, Ху Цзиньтао обосновал необходимость дальнейшего укрепления руководящей и направляющей роли КПК и неприменимость в Китае таких атрибутов западной демократии, как разделение властей или демократические выборы. «История показывает, что неразборчивое копирование политических систем Запада заводит Китай в тупик», — сказал он, сославшись на «провальный» опыт демократической республики, основанной Сунь Ятсеном после буржуазно-демократической революции 1911 г. [10]*.

* Эта же мысль подчеркивается и в изданной пресс-канцелярией Госсовета КНР брошюре «Строительство демократии в Китае», в которой подчеркивается: «После трудных и сложных поисков и борьбы китайский народ, наконец, осознал, что для Китая копирование капиталистической политической системы Запада — это путь, ведущий в тупик, и что в целях спасения Родины и решения антиимпериалистических и антифеодалных задач необходимо с помощью новых идей и новых теорий открыть новый путь китайской революции и создать качественно новую политическую систему». (<http://russian.china.org.cn/russian/207420.htm>)

* В 2002 г. было осуществлено обследование свыше двух млн частных предпринимателей по всей стране. Выяснилось, что 17,4% являются депутатами собраний народных представителей разного уровня, 35,1% — членами политических консультативных органов. 29,9% предпринимателей являются членами Компартии Китая. 25,8% частных предприятий возникли в результате фактической приватизации государственных или «коллективных» заводов и фабрик.

[Чжунго сыин цие дяоча (Обследование частных предприятий Китая) // <http://www.china.com.cn>]

Другими словами, ожидания радикальных политических реформ, возвращенных в китайском социуме в период правления Цзян Цзэминя, не оправдались. Прагматики и технократы Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, по-видимому, сочли их преждевременными. И в этом заключается одна из основных интриг IV пленума ЦК КПК. «Коллективное руководство четвертого поколения» разошлось с Цзян Цзэминем во взглядах не только на стратегию экономического, но и политического развития Китая, и Цзян Цзэминь был вынужден отказаться от руководства армией и позволить новой команде руководить страной уже без постоянного контроля с его стороны.

При этом новое руководство не отрицает необходимости совершенствования политической системы. По словам Ху Цзиньтао, «использование власти без ограничений или контроля приведет к злоупотреблениям и коррупции... мы должны совершенствовать и укреплять контролирующую роль представительных органов и повышать эффективность этой работы» [11].

С фактами не поспоришь. В 2003 г. было рассмотрено 18 515 серьезных дел, связанных с коррупцией, взяточничеством, хищением и присвоением государственных средств. В связи с этими делами подозревались 2728 кадровых работников уездного уровня и выше, 167 чиновников уровня начальника управления и 4 чиновника провинциального уровня [12].

Не менее угрожающе было и то, что большая часть «руководящих кадров» — «подснежники». Так, согласно социологическим исследованиям, проведенным в 2003 г., среди кадровых работников уездного звена и выше 66,9% «недостаточно компетентны в вопросах рыночной экономики»; 58,1 — «не обладают достаточным научным потенциалом»; 35,7 — «слабо реагируют на сложную обстановку»; 43,4 — «игнорируют принцип политического руководства на основе закона»; 19,9 — «вообще не владеют ситуацией» [13]. Понятно, что с такой командой идти на либеральные политические реформы в стране было не только невозможно, но и опасно. «Четвертое поколение» китайских руководителей, чье становление пришлось на период «культурной революции», на собственном опыте знакомо со всеми прелестями политической либерализации и включения «народных масс» в активную политическую жизнь, а потому его реакция на все политические нововведения вполне закономерна — лучше «управляемая демократия», нежели неуправляемый хаос.

Принятием на IV пленуме ЦК КПК 16-го созыва постановления ЦК КПК «Об усилении руководящего потенциала партии» новое руководство Китая как раз и пыталось решить эту дилемму. Главный пафос этого документа состоял в том, что КПК была, есть и должна остаться руководящей и направляющей силой общества. При этом руководство партии, по-видимому, понимало, что без изменения («самоусовершенствования» в терминологии документов пленума) роли партии в китайском обществе решить задачу адаптации КПК к современным внутри- и внешнеполитическим условиям не представляется возможным. Отсюда пусть и не совсем новые, но чрезвычайно значимые тезисы о необходимости «ставить во главу угла человека», о том, что «усиление руководящего потенциала КПК — требование времени и требование народа», наконец, что «партия служит обществу, осуществляет свое политическое руководство во имя народа, с начала и до конца плотью и кровью связана с народными массами». И это была не просто игра в слова. Коэффициент Джини, отражающий разрыв в уровнях доходов бедных и

богатых, перешел границу, признаваемую терпимой*, и не учитывать этого обстоятельства правящая партия не могла.

У пленум ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2005 г.) окончательно сформулировал новую стратегию «четвертого поколения руководителей». Впервые на столь высоком уровне было признано, что результатом почти 30-летнего периода реформ стало одновременное существование двух совершенно разных Китаев: один — шокирующий мировое сообщество темпами экономического роста, новостройками и растущей мощью; и другой — аккумулирующий в себе почти 80% населения страны, о котором предпочитают часто не упоминать. Пленуму предстояло найти ответ на почти неразрешимый вопрос: как примирить переживаемый Китаем бурный экономический рост со все более серьезными издержками этого роста, то есть растущей политической и социальной нестабильностью. Причина, по которой китайское партийное руководство решилось признать очевидное и «вынести сор из избы», вполне объяснима — «цветные революции» напугали не только политических лидеров постсоветских государств, но и могучий Китай. Группа экспертов ЦК КПК даже подготовила по этому поводу специальный доклад, в котором говорилось, что если в течение пяти лет социальные проблемы не будут решены, страну ждет революция. И дабы не доводить до греха, руководство КПК решило сыграть на опережение. Суть «Дорожной карты», предложенной тандемом «Ху — Вэнь», сводится к следующим положениям:

- покончить с ростом «факторов дисгармонии» и обратить основное внимание на проблему достижения социальной стабильности;
- всестороннее осуществление концепции научного подхода к развитию;
- необходимость безотлагательного решения проблемы несоответствия между существенным развитием в области экономики и слабым развитием социальной сферы. Акцент на концепции Ху Цзиньтао, предусматривающей «достижение всеобщего процветания» и ориентированной, прежде всего, на человека («и жизнь взей бэнь»);
- переход от экстенсивных методов развития экономики к повышению эффективности и экономическому росту через повышение качества труда и технического прогресса;
- осуществление единого планирования в пяти направлениях**;
- приоритет доктрине «устойчивого развития», в которой «рост не является конечной целью развития»;
- переориентация основного потока инвестиций на развитие сельского хозяйства и инфраструктуры села.

На реформе политической системы акцент не делался, что вполне объяснимо. Ни Ху Цзиньтао, ни Вэнь Цзябао, ни члены их команды к либералам не относятся. Безусловно, они сознают необходимость проведения политических реформ, но только как дополнение к экономическим преобразованиям. Наверное, такой подход в сегодняшних условиях Китая единственно верный. Либерализация политической жизни порождает ожидания, которые потом трудно удовлетворить. А что такое крестьянский бунт, в котором принимают участие не десятки, сотни и даже

* Коэффициент Джини в Китае уже превысил отметку в 0,4. По данным исследования, проведенного Пекинским статистическим управлением, если в 2000 г. разница между доходами богатейшей и беднейшей групп населения столицы Поднебесной составляла 3,1:1, в 2003 г. — 4,7:1, то в минувшем году она достигла 5,8:1. (<http://www.utro.ru/articles/2005/01/11/394608.shtml>)

** Единое планирование развития города и села, регионального развития, развития экономики и социальной сферы, гармоничного развития человека и природы, а также развития внутри страны и открытости для внешнего мира.

тысячи недовольных, а миллионы и десятки миллионов, объяснять, по-видимому, не имеет смысла. Именно поэтому пленум посчитал, что «необходимо, исходя из требований построения гармоничного социалистического общества, базирующегося на демократии и управлении на основе законов, справедливости, искренности, полноценности жизни, спокойствию и порядку, гармонии человека и природы, правильно регулировать сложившиеся в новой обстановке противоречия внутри народа, по-настоящему разрешать наиболее актуальные, значимые для народных масс и непосредственно связанные с ними проблемы» [14]. На этих проблемах, а также на стратегии развития Китая в 11-й пятилетке и было сосредоточено внимание 4-й сессии ВСНП 10-го созыва.

(Продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРА

1. Дискуссия в Институте Дальнего Востока РАН «Первый год нового руководства КНР: итоги, проблемы, перспективы» // Проблемы Дальнего Востока. — 2004. — №4. — С. 9.
2. Ху Цзиньтао. Цзай «саньгэ дайбяо» чжуньяо сысян лилунь яньтаохуэй шан да цзянхуа (Речь на семинаре по изучению важной идеи «тройного представительства»). — Пекин, 2003. — С. 17.
3. Чжунгун чжуньян гуаньюй ваньшань цзэхуйчжун шичан цзинцзи тичжи жогань вэньти ды цзюедин (Решение ЦК КПК о некоторых вопросах совершенствования системы социалистической рыночной экономики) // Синьхуа шэ. — 21.10.03 // <http://www.xinhua.org>.
4. Бергер Я. Социально-экономическое развитие и углубление рыночных реформ в Китае // Проблемы Дальнего Востока. — 2004. — №1. — С. 11.
5. Доклад о работе правительства на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва (5 марта 2004 г.) // <http://www.russian.xinhuanet.com>.
6. Чжунгун чжуньян гуаньюй ваньшань цзэхуйчжун шичан цзинцзи тичжи жогань вэньти ды цзюедин.
7. Бергер Я. Указ. соч. С. 19.
8. Чжунгун чжуньян гуаньюй цзянцян дан да чжичжэн нэнли цзяньшэ цзюедин (Постановление ЦК КПК об усилении руководящего потенциала КПК). — Пекин, 2004. — С. 23—26.
9. Бергер Я. Указ. соч. С. 26—27.
10. Коммерсантъ. — 17.09.04.
11. Синьхуа шэ. — Пекин, 07.09.04.
12. Агентство Синьхуа. — 10.03.04.
13. Синьхуа шэ. — Пекин, 16.09.04.
14. Ди шилю цзю чжуньян вэйюань хуй ди уци цюаньти хуйи гунбао (Коммюнике V пленума ЦК КПК 16-го созыва) // Синьхуа шэ. — Пекин, 11.10.05.

Туркменистан за равноправное и взаимовыгодное сотрудничество на Каспии

КЕПБАНОВ Ё.А.

Переговорный процесс по вопросу о новом правовом статусе Каспийского моря между прибрежными странами берет свой отсчет с 1992 г. и продолжается по настоящее время. Определение правового статуса Каспия остается острой геополитической проблемой региона, который ныне превратился в важный узел ми-

ровой политики, где сходятся интересы региональных и внерегиональных стран. За последние годы, хотя и произошли заметные сдвиги в сближении позиций прикаспийских государств, тем не менее, задача определения нового правового статуса Каспийского моря остается нерешенной, «переговоры по Каспию, поиски взаимоприемлемых решений приобрели довольно затяжной характер...» [1].

Вместе с тем сегодня определенно ясно, что без выработки нового правового статуса Каспийского моря нельзя рассчитывать на успешное освоение богатств моря, охрану его природной среды, решение вопросов региональной безопасности. Только на основе прочной и всесторонней договорно-правовой базы можно обеспечить долговременное сотрудничество прикаспийских стран, во многом обеспечить вопросы безопасности Каспийского региона.

Новый статус Каспия позволит выработать четкие правила игры в акватории Каспия, ускорит приток иностранных инвестиций в нефтегазовую сферу, снизит «политизированность» решения задач по транспортировке углеводородного сырья и в значительной степени уменьшит трения между прикаспийскими государствами.

Туркменистан, будучи одним из участников каспийской пятерки, расположен на восточном побережье Каспийского моря. Он владеет более чем пятой частью акватории Каспия и обладает огромными запасами углеводородного сырья на его шельфе*.

С самого начала Туркменистан активно участвует в переговорном процессе по определению нового правового статуса Каспия, многое сделал для выработки основных принципов и отдельных положений жизнедеятельности на море. Однако в средствах массовой информации, политической, юридической литературе и иных научных изданиях содержится недостаточно материалов, касающихся позиции Туркменистана по правовому статусу Каспийского моря. Причем публикации на этот счет не всегда отражают реальное положение вещей, о чем свидетельствует большой разброс мнений и оценок.

Одни исследователи считают, что Туркменистан избрал наиболее гибкую позицию по вопросу о статусе Каспия, постоянно оставляя себе возможность для маневров [2]. Это выражается в принципиальной готовности поддержать любой из вариантов статуса Каспия, при котором имело бы место согласие всех прикаспийских государств [3]. Другие считают, что «Ашгабад проводит двусмысленную политику, пытаясь оставить открытыми все варианты» [4]. Третьи оценивают ее как выжидательно-нейтральную [5], указывая на то, что «Туркменистан “молча” следил за всеми процессами в регионе и не выступал с какой-либо конкретной позицией» [6].

Обобщая такого рода высказывания, важно отметить, что они во многом определялись в зависимости от схожести либо различия подходов тех или иных прикаспийских государств по отношению к позиции Туркменистана, либо поверхностного знания информации по данному вопросу.

В ряде публикаций по статусу Каспия высказывалась точка зрения относительно того, что Туркменистан первоначально рассматривал Каспий в качестве моря. При этом ссылались на Закон Туркменистана «О государственной границе» 1993 г., который установил 12-мильное территориальное море на Каспии

* Протяженность береговой линии Туркменистана на Каспии составляет 1200 км, площадь сектора — 78 тыс. км², а углеводородный потенциал на море оценивается в объеме 12,0 млрд т нефти и 6,2 трлн м³ природного газа.
(Инвестиционные возможности нефтегазовой отрасли Туркменистана // Аналитический обзор. — Ашгабад, 2000. — С. 45.)

(ст. 6) и закрепил такие правовые категории международного морского права, как «внутренние воды» (ст. 7), «морская экономическая зона» и другие [7].

Действительно, в Законе Туркменистана о государственной границе используются указанные категории Конвенции ООН по морскому праву 1984 г. Однако такой шаг был продиктован не в целях признания Каспия морем, а для того, чтобы в условиях независимости обеспечить свою безопасность, защитить национальные интересы страны. Это объясняется и тем, что в первые годы независимости для Туркменистана, как и для других прикаспийских стран, сложилась совершенно иная, не имеющая аналогов в мировой практике ситуация, связанная с определением нового правового статуса Каспийского моря. Объективно сложность проблемы состояла в том, что в мире не существовало правовых прецедентов, каковым является режим Каспия, и прикаспийским странам впервые приходилось решать такого рода вопросы. Вот почему в первое время Туркменистан, как и другие прикаспийские государства, не до конца ориентировался в тонкостях правового режима Каспия, не вполне осознавал его важности в геополитическом отношении. Поэтому указанные положения Закона о государственной границе не следует толковать как попытку Туркменистана признать Каспий морем и, соответственно, в одностороннем порядке определить пределы своей юрисдикции на море.

На начальном этапе переговорного процесса по определению правового статуса Каспийского моря Туркменистан был сторонником **концепции совместного пользования морем (принцип кондоминиума)**, которой придерживались Россия и Иран. Это означало признание ресурсов Каспия объектом совместного использования, а также принятие решений с участием всех прикаспийских государств.

Такой шаг, на наш взгляд, был продиктован следующими обстоятельствами. Во-первых, существующей договорно-правовой базой, сложившейся на Каспии, которой Туркменистан строго придерживался в качестве правопреемника бывшего Союза ССР. Взяв на себя обязательства бывшего СССР, правительство Туркменистана понимало, что до принятия нового правового статуса советско-иранские договоры по Каспию 1921 и 1940 гг. продолжают оставаться в силе. Во-вторых, объективно учитывался российско-иранский фактор в регионе и ясно осознавалось, что без согласованного взаимодействия с Россией и Ираном невозможно рассчитывать на сохранение безопасности в бассейне Каспийского моря и в регионе в целом. При решении статуса Каспия для Туркменистана как постоянно нейтрального государства аспекты безопасности являлись и являются исключительным приоритетом во внешнеполитической стратегии. Безусловно, для Туркменистана разработка углеводородных ресурсов Каспия имеет важное значение, но, тем не менее, первоочередной задачей считается сохранение Каспийского бассейна в качестве зоны мира и многостороннего сотрудничества.

Таким образом, руководство Туркменистана исходило из объективных реалий: только в пятистороннем формате было возможным изменение российско-иранских договоренностей 1921 и 1940 гг. Кроме того, с геополитической точки зрения не мог не учитываться российско-иранский фактор в регионе, что с учетом долгосрочной перспективы представляется наиболее верной позицией.

Первые шаги Туркменистана в развитии принципа кондоминиума нашли свое отражение во многих двусторонних документах, принятых им вместе с Россией и Ираном.

В целях реализации принципа кондоминиума Туркменистан, Россия и Иран также 13 ноября 1996 г. в Ашгабаде подписали Меморандум о сотрудничестве в освоении минеральных ресурсов Каспийского моря, тем самым намереваясь учредить совместную трехстороннюю нефтяную компанию в целях разведки и разработки углеводородных ресурсов на Каспии [8]. Однако в связи с нерешенностью ряда организационно-правовых вопросов его положения не обрели своего практического воплощения.

В этот период Туркменистан поддержал российское предложение о 45-мильных прибрежных водах на Каспии, которое было оглашено на первом совещании министров иностранных дел прикаспийских стран, состоявшемся в Ашгабаде в ноябре 1996 г. Суть этих предложений сводилась к тому, что в пределах 45-мильной зоны каждое прибрежное государство обладало бы суверенными правами на минеральные ресурсы морского дна.

В свою очередь, Туркменистан категорически выступил против предложения России относительно «точной» ресурсной юрисдикции за пределами 45-мильной прибрежной зоны. Суть российских предложений сводилась к тому, что если какое-либо прибрежное государство уже осуществляло морскую добычу углеводородов на Каспии за пределами 45-мильной прибрежной зоны, то оно автоматически обладало бы ресурсной юрисдикцией на соответствующие месторождения.

Такой подход противоречил политике Туркменистана, так как узаконивал бы односторонние действия Азербайджана по самовольному захвату морских месторождений на Каспии, а также подрывал бы всякую основу для ведения дальнейших переговоров Ашгабада с Баку по поводу существующих между ними спорных месторождений на море.

Преобладающая в начале концепция кондоминиума постепенно стала утрачивать свой смысл после односторонних разработок на Каспии Азербайджана, а также отказа от нее России.

В Совместном заявлении президентов Российской Федерации и Республики Казахстан, принятом в начале января 1998 г., отмечалось, что «достижение консенсуса предстоит найти на условиях справедливого раздела дна Каспия при сохранении в общем пользовании водной поверхности, включая обеспечение свободы судоходства, согласованных норм рыболовства и защиты окружающей среды». Данный подход чуть позже был согласован в ходе казахстанско-российских консультаций по вопросам правового статуса Каспийского моря, состоявшихся 9—10 февраля 1998 г. в Астрахани. Окончательное решение по данному вопросу было принято 6 июля 1998 г. в Соглашении «О разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование» [9].

К российско-казахстанской позиции по разделу дна Каспия постепенно перешел и Азербайджан. Так, в частности, по итогам российско-азербайджанских консультаций по вопросам правового статуса Каспийского моря, состоявшихся 27 марта 1998 г. в Баку, было выражено мнение, что раздел дна Каспийского моря как элемент его правового статуса может способствовать достижению консенсуса всех прикаспийских государств в отношении Конвенции о правовом статусе Каспия. Они согласились, что раздел дна Каспийского моря на секторы/зоны осуществляется по договоренности между соответствующими сопредельными и противолежащими государствами на основе принципа равноудаленных точек (срединой

линии), других общепризнанных принципов международного права и с учетом сложившейся практики на Каспии.

Несколько месяцев спустя в совместном азербайджанско-российском заявлении, принятом по итогам визита делегации Российской Федерации в Азербайджанскую Республику 28—29 июля 1998 г. (Баку), был подтвержден вопрос о разделе дна Каспийского моря на соответствующие секторы/зоны.

Шаги, предпринятые Россией, Казахстаном и Азербайджаном, свели на нет принцип кондоминиума на Каспии, который утратил какой-либо смысл. Вот почему, имея в виду именно эти обстоятельства, Туркменистан был вынужден отказаться от концепции кондоминиума и отдать предпочтение разделу Каспия на национальные секторы.

Позиция Туркменистана по секторальному делению Каспия впервые была отражена в совместном заявлении по итогам переговоров министров иностранных дел и экспертных групп Туркменистана и Азербайджана от 5 февраля 1998 г., в котором договорились, что «...приступили к переговорам по определению координат срединной линии, взяв за основу принципы деления на национальные секторы и зоны юрисдикции, в соответствии с нормами международного права и международной практикой» [10].

Чуть позже в Коммюнике о работе второго заседания Специальной рабочей группы по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря от 17 декабря 1998 г. было зафиксировано, что Туркменистан выступает за полный раздел Каспийского моря, что предполагает деление как дна, так и водной поверхности и толщи [11].

Таким образом, переход Туркменистана к концепции секторального раздела Каспия явился вынужденным шагом, который был связан, во-первых, с односторонними действиями Азербайджана на Каспии по разработке морских нефтяных месторождений и, во-вторых, с изменением позиции России, предложившей делить дно Каспия при сохранении в общем пользовании водной поверхности. Как справедливо отмечают специалисты, такой неожиданный поворот России в каспийской политике поставил в весьма двусмысленное положение Туркменистан, выступавший с близкой ей позицией [12].

Вот почему нельзя согласиться с высказываниями отдельных авторов относительно того, что «особую позицию до поры, до времени занимала Туркмения, формально солидаризирующаяся с мнением России и Ирана, но на практике выжидавшая выгодный момент для заявления своих претензий» [13], «Туркменистан с завидным постоянством менял свою позицию, склоняясь, то к азербайджанскому, то к российско-иранскому варианту...» [14].

Хотя Туркменистан склонился к секторальному разделу Каспия, тем не менее он продолжает выступать за гибкость подходов при выработке статуса Каспия. По этому поводу президент Туркменистана С.А.Ниязов подчеркнул, что Туркменистан устраивают как принцип секторального раздела моря, так и преобладавшая ранее концепция кондоминиума. Главное для Туркменистана, чтобы были в полном объеме учтены интересы всех прибрежных государств, чтобы сотрудничество на Каспии строилось на основе взаимоуважения, равноправия и взаимной выгоды [15].

В первое время Туркменистан явно отрицательно отреагировал на действия России и смену ее позиции по статусу Каспия. Особенно это проявилось, когда Россия пошла на сближение с Азербайджаном путем участия российских компаний

в разработке нефтяных месторождений в «азербайджанском секторе» Каспия, а также в поддержке Баку в споре с Ашгабадом по поводу нефтяных месторождений на море. Эти обстоятельства явились основанием для сближения Туркменистана с Ираном по вопросу о статусе Каспия.

Туркменистан не заставил себя долго ждать. 16 мая 1998 г. президент Туркменистана С.А.Ниязов, выступая перед дипломатами, аккредитованными в Туркменистане, заявил, что «наши позиции с Ираном полностью совпадают... мы никогда не утверждали, что иранская зона должна остаться в пределах границы Гасанкули — Астара, то есть бывшей границы с СССР. Это, конечно, несправедливость — всем сопредельным странам должна быть обеспечена равная доля на Каспии. Это единственно верный принцип. Было бы ошибочно делить Каспий по старым линиям, а также делить его по дну, оставив общей акваторию, как предлагает Россия».

Так вот, если делить море по дну, а воду оставить общей, тогда придется оформлять статус Каспия и по дну, и по воде, и по экологии. Такое множество статусов приведет к бесконечным спорам. По этому вопросу нам предстоит поработать. Мы с Хатами говорили и пришли к общему мнению: пять государств, пять равных частей Каспия» [16].

Чуть позже в интервью «Независимой газете» президент Туркменистана С.А.Ниязов подверг объективной критике Россию, обвинив ее в односторонних действиях. Он, в частности, сказал, что «наши российские партнеры, активно выступавшие против односторонних действий на Каспии, в какой-то степени изменили своей первоначальной позиции, договорившись о разделе северной части моря с Казахстаном» [17].

Солидарность с Ираном со стороны Туркменистана была проявлена также при попытке давления на Тегеран со стороны России и других прибрежных государств, учитывая его особую позицию по правовому статусу Каспия. Следует напомнить, что имела место попытка оставить Иран в тех условных границах, которые отделили его на Каспии в бытность Советского Союза. В частности, планировалось создание своеобразного альянса прикаспийских стран СНГ для того, чтобы склонить Иран к изменению его нынешней политики на Каспии. Имелось в виду, «...что раздел Каспия — это, прежде всего, проблема четырех прикаспийских государств, возникшая как непосредственное следствие развала СССР» [18].

Туркменистан отказался от такой постановки, заявив, что не намерен вести переговоры без участия Ирана. Тем самым Туркменистан однозначно дал понять, что выступает за полное равноправие всех участников процесса вне зависимости от того, является ли то или иное государство членом СНГ или нет. Правительство Туркменистана ясно сознает, что проблема статуса Каспийского моря представляет собой вопрос о сферах влияния и, соответственно, предстает как территориальная проблема. Поэтому создание различного рода коалиций и союзов против того или иного прикаспийского государства чревато обострением ситуации и никоим образом не отвечает планам обеспечения региональной безопасности. Важно понять, что взаимодействие в Каспийском бассейне может быть эффективным только на основе полной паритетности всех ее участников.

Давление на Иран в плане изменения его позиции по статусу Каспия, попытки его изоляции могут отрицательно сказаться не только на общем региональном климате, но и, прежде всего, на положении Туркменистана. Во-первых, Иран является важным соседом Туркменистана и имеет с ним общую и весьма протяженную гра-

ницу, включая морскую. Их объединяют весьма тесные отношения во всех областях политической, экономической и социально-культурной жизни. И, во-вторых, важно иметь в виду и то обстоятельство, что по сравнению с другими прибрежными государствами Туркменистан и Иран на своем участке моря пока не имеют соответствующих договоренностей. И если брать в расчет особую позицию Ирана по статусу Каспия, Туркменистану весьма сложно в двустороннем формате будет договориться относительно разграничительной линии на Каспии. Поэтому становится возможным ухудшение отношений с Ираном, что не в интересах Туркменистана.

Безусловно, Туркменистан устраивает любой вариант статуса Каспия, если он будет поддержан всеми прикаспийскими государствами. Поэтому, говоря о разделе дна Каспия на предмет раздельного освоения его ресурсов при сохранении в общем пользовании водной толщи, Туркменистан, возможно, поддержит и этот подход. Такой вывод основывается на высказывании президента Туркменистана С.А.Ниязова, который по итогам визита в Казахстан в 2001 г. отметил, что его точка зрения ничем не отличается от позиции Москвы и Казахстана [19]. Кроме того, данный подход подтверждается и тем, что в центральной газете «Нейтральный Туркменистан» за 28 января 2005 г. опубликовано «Сообщение к вопросу о переговорах между Туркменистаном и Азербайджанской Республикой по разграничению дна и недр Каспийского моря между Туркменистаном и Азербайджанской Республикой», в котором отмечается, что «Туркменистан является активным участником разработки международно-правовых документов по определению правового статуса Каспийского моря. При этом Туркменистан, будучи сторонником международно-правового разграничения дна и недр Каспийского моря, последовательно выступает за его осуществление на основе принципа срединной линии с учетом общепризнанных норм международного права» [20].

Что касается водной толщи и водной поверхности Каспия, Туркменистан выступает за создание 12-мильной прибрежной зоны и 35-мильной зоны экономических интересов. Остальная срединная часть моря должна стать объектом общего пользования для свободы судоходства.

Действительно, если обратиться к Закону Туркменистана «О государственной границе» 1993 г., то в нем закреплена норма о 12-мильной территориальной зоне, внешние очертания которой являются государственной границей. Настоящая правовая норма до сих пор остается в силе. Поэтому туркменская сторона, говоря о создании 12-мильной прибрежной зоны, имеет в виду установление государственной границы на Каспии.

Вместе с тем российская сторона категорически возражает против установления государственных границ на Каспии, ссылаясь на сложность обеспечения свободы судоходства. Предлагаемая Россией 15-мильная зона на море не предполагает статуса суверенной территории. По существу, речь идет об отсутствии на определенном морском участке суверенных государств государственной границы, что чревато последствиями, влияющими на их безопасность.

Бесспорно, государственная граница (основной целью которой является обеспечение интересов политической, экономической и военной безопасности прибрежного государства) — это неотъемлемый атрибут любого государства. Вот почему представляется, что вопросы об установлении территориального моря и, соответственно, государственной границы на Каспии не должны вызывать каких-либо сомнений. Такой подход по аналогии с Конвенцией ООН по морскому праву не

препятствует свободе судоходства на Каспии, так как при определенных условиях позволяет беспрепятственно осуществлять проход через соответствующие морские участки (право мирного прохода).

(Продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнов В.А. Каспийская нефть // Экономика и геополитика. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — С. 174.
2. Александров А. Кому выгоден раздел Каспия // Независимая газета. — 23.09.98; Жильцов С.С., Зонин И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. — М.: Международные отношения, 2003. — С. 89.
3. Кочумов Я.Х. Проблемы Каспия в контексте национальных интересов государств // Материалы 6-ой международной конференции «Нефть и газ Туркменистана в "Золотом веке" туркменского народа». — Ашгабад, 17—18.10.01. — С. 137.
4. Райнер — Фрайтаг — Вирнингхаус. Политические объединения и политическая напряженность в борьбе вокруг новых трубопроводов // Вестник Каспия. — 1999. — №1.
5. Мамедов Р. Современный международно-правовой статус Каспийского моря: политика, дипломатия, право // Национальная и региональная безопасность центральноазиатских стран в бассейне Каспийского моря. — Алматы: Акыл кітабы, 2000. — С. 89.
6. Мамедов Р. Нефтяная дипломатия Баку // Международная жизнь. — 2001. — №3. — С. 54.
7. Закон Туркменистана «О Государственной границе Туркменистана» от 1 октября 1993 г. с изменениями и дополнениями от 08.08.1997 г., 10.12.1998 г., и 14.06.2003 г. // Ведомости Меджлиса Туркменистана. — 1993. — №9-10, ст. 74; 1997. — №4, ст. 48, ч. 3; 1998. — №4, ст. 70; 2003. — №2, ст. 10.
8. Меморандум о сотрудничестве Ирана, России и Туркменистана в освоении минеральных ресурсов Каспийского моря от 13 ноября 1996 г. // Вестник Каспия. — 1997. — №1. — С. 2.
9. Вестник Каспия. — 1998. — №4. — С. 3—5.
10. Вестник Министерства иностранных дел Туркменистана. — 1998. — №1. — С. 24.
11. Там же. №4. — С. 60—61; Вестник Каспия. — 1998. — №6. — С. 71.
12. Петров Э. Общим Каспию уже не быть // Независимая газета. — 22.12.98.
13. Куртов А. Каспийское море: непоследовательность России наносит ущерб национальным интересам // Вестник Каспия. — 2000. — №3. — С. 20.
14. Гусейнов В.А. Указ. соч. С. 175.
15. Ниязов С. Туркменистан встречает XXI в. с надеждой и верой в себя и в человечество // Независимая газета. — 20.06.98.
16. Ниязов С.А. Наш нейтральный курс — курс на постоянное взаимовыгодное сотрудничество. Выступление на встрече с иностранными дипломатами. 16 мая 1998 г. // Внешняя политика нейтрального Туркменистана. Речи, выступления и интервью Президента Туркменистана Салармурата Туркменбаши. — Ашгабад: Министерство иностранных дел, 1999. — С. 95.
17. Независимая газета. — 27.10.99.
18. Жильцов С.С., Зонин И.С., Ушаков А.М. Указ. соч. С. 82.
19. Панорама. — 07.07.01.; Коммерсантъ. — 06.07.01.
20. Нейтральный Туркменистан. — 28.01.05.

К вопросу о противодействии распространению идей «Хизб-ут Тахрир» в Кыргызстане

МИРСАЙТОВ И.Э.

17 августа 2005 г. вышел в свет Закон Кыргызской Республики «О противодействии экстремистской деятельности». Законом, в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности КР, определяются правовые организационные основы противодействия экстремистской деятельности, устанавливается ответственность за ее осуществление [1].

А в ноябре 2003 г. Верховный Суд Кыргызстана вынес решение по отношению к партии «Хизб-ут Тахрир аль Исламия» (ХТ — прим. автора) и признал ее экстремистской организацией [2]. Суд установил, что прокламации ХТ разжигают религиозную вражду, внушают чувство превосходства ислама над другими религиями. Как отметила экспертная группа теологов, содержание листовок носит политический характер, суть аятов Корана, приведенных в них, передается в искаженном виде.

В период с 1999—2005 г. правоохранными органами страны за религиозную экстремистскую деятельность задержаны более 300 человек, из них более 150-ти привлечены к уголовной ответственности. Подсудимые обвинены по ст. 299 ч. 1. УК КР «Возбуждение национальной, расовой, религиозной вражды» и по ст. 147 УК КР «Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов».

Активность религиозных экстремистов побудила Правительство КР направить в Законодательное Собрание Жогорку Кенеша КР проект Закона КР «О внесении дополнения в УК КР» (в ст. 299 УК КР предусматриваются меры наказания за изготовление, хранение, распространение, перевозку и пересылку видео-аудио кассет, литературы, содержание которых, направлено на возбуждение национальной расовой или религиозной вражды и унижение национального достоинства) [3].

Шейх Алавудин Мансур Рустамов — руководитель Центра по изучению и переводу Корана в г. Карасу — охарактеризовал данную организацию как «СПИД для Ислама» [4]. Эта оценка совпадает с мнением эксперта Мухаммада Ходжажа из Египта, который констатировал, что «ХТ — это головная боль всего мусульманского мира». Он отметил, что «члены партии забыли ислам и увлеклись просто политикой» [5].

Как известно, «Хизб-ут Тахрир аль Исламия» (Исламская партия освобождения) [6] была организована в 1953 г. судьей апелляционного шариатского суда в Иерусалиме Таки-ад-дином Набхани Аль-Фаластини. Данная организация отделилась от известной терактами экстремистской организации «Братья-мусульмане». ХТ выбрала другие по преимуществу идеологические методы борьбы, такие, как исламское просвещение — «д'ават». Она имеет свою штаб-квартиру в Лондоне.

В 1953 г. Совет Улемов Иордании (прототип парламента) дал возможность ХТ участвовать в предвыборной кампании. Около трех лет ХТ была легальной организацией. Но после того как государственные структуры и духовные лидеры поняли, что у ХТ нет будущего, нет конкретных целей и задач, а существуют ложные цели и ориентиры, идущие в разрез с исламом, ее запретили. ХТ не слишком популярна в странах ислама из-за своеобразного толкования исламского вероучения [7].

Как показывает анализ, активность ХТ в различных уголках мира приобрела радикальный характер после ликвидации вооруженных формирований движения «Талибан» и успешной операции антитеррористической коалиции в Афганистане. С 2001 г. ХТ распространила листовки с утверждениями, что США и Великобритания «объявили войну мусульманам». При этом, призывая к джихаду против «неверных», организация сочувствует «смертникам», совершающим теракты в Израиле и других странах мира.

Наряду с этим, ХТ критически высказывается в отношении деятельности правительств Индонезии, Иордании, Алжира, Нигерии, Турции, Сирии, Пакистана и руководства Палестины, обвиняя их в «геноциде собственного народа», в «потакании американскому насилию» [8].

В 2002 г. Германия предприняла меры по пресечению деятельности ХТ «за призывы к политическому насилию и антисемитскую пропаганду в университетах», что соответствует Закону ФРГ о борьбе с терроризмом. По данным немецких правоохранительных органов, издаваемый в Германии журнал «Эксплицит» является рупором организации ХТ, которая «восхваляет самоубийц-террористов как мучеников» [9].

При этом обнаружена связь членов ХТ с другими крупными международными экстремистскими организациями. Как заявил министр внутренних дел ФРГ О.Шили, ХТ «является опасной организацией», «выступает против взаимопонимания между народами», «подрывает действующий конституционный порядок». Несомненно, что запрет деятельности ХТ в Германии является серьезным шагом на пути к международной изоляции одной из самых опасных религиозно-экстремистских групп в мире [10].

Наблюдаются некоторые изменения в подходах Соединенных Штатов Америки к оценке деятельности ХТ. В заявлении Госдепартамента США отмечается, что «ХТ — это радикальное исламское политическое движение, выступающее за реализацию чистой исламской доктрины и создание исламского халифата в Центральной Азии». В конце 2002 г. Офис по делам Центральной Азии Госдепартамента США охарактеризовал ХТ как «транснациональную организацию, пытающуюся свергнуть правительства Центральной Азии» [11].

Происходит поступательная трансформация «миролюбивой» организации (как называли ХТ и до сих пор называют практически все правозащитники) [12] в транснациональную сетевую структуру, способную прибегнуть к политическим методам борьбы.

Особенно это заметно по размаху активности ХТ в регионе Евразии. Россия, испытывая возрастающую угрозу своей национальной безопасности со стороны ХТ, включила ее в список международных экстремистских организаций. Согласно заявлению директора ФСБ РФ, «ХТ посягает на конституционный строй государств» и «организует незаконные вооруженные формирования, а также участвует

в них» [13]. Очевидно, расползание религиозно-политического экстремизма в России несет весьма серьезные риски для обеспечения и дальнейшего укрепления национальной безопасности страны, где проживает более 20 млн мусульман.

Если деятельность ХТ за пределами Евразии можно считать вялотекущей или умеренной, то в Центральной Азии ее работа носит активный, в отдельных районах массовый, характер. ХТ претендует на роль исламской политической партии и имеет цель построения средневекового теократического государства — халифата [14], а также стремится к возвращению современного общества к исламскому образу жизни. ХТ пытается стать транснациональной организацией, распространяет свои идеи, принципы и цели через средства массовой информации (журнал «Аль-Вафй») и всемирную паутину Интернета [15].

Широкое распространение ХТ в Центральной Азии обусловлено рядом субъективных причин. На наш взгляд, одной из самых главных из них является недооценка сущности и последствий действий этой организации, что привело к полярным подходам стран Центральной Азии к этой проблеме. В то время как Узбекистан ведет репрессивную политику против ХТ с первых лет ее проникновения, другие страны региона — Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан — до последнего времени не придавали ей серьезного значения.

В Ферганской долине всегда существовали неофициальные формы исламского воспитания. И в этом смысле — это одна из нераскрытых страниц бытования ислама в Центральной Азии. И появление в 90-х гг. прошлого столетия множества неофициальных проповедников и имамов обрело благодатную почву. Истоки организованного и сильного исламского подполья существовали задолго до появления ХТ. Имеется в виду традиционное существование многочисленных школ-мактабов (худжра), особенно в районах с узбекским и таджикским населением. Обучение в них ведется раздельно.

Мальчиков обучают мужчины (мулло, муаллим), а девочек обучают женщины (бибихотун, бибихалифа) [16]. Из учеников школ набираются преподаватели других школ, и даже имамы неофициальных мечетей. По подсчетам французских этнографов, в 1990-х гг. в Ферганской долине действовало 200 скрытых мечетей. Цифра эта весьма условна и минимальна. Также необходимо отметить, что исламское неофициальное движение, так или иначе, может использоваться для политических действий.

Либеральную реакцию в Таджикистане по отношению к членам ХТ можно объяснить занятостью правительства разрешением межтаджикского конфликта (на первых порах в эту организацию входили граждане узбекской национальности). Оценка организации ХТ в отдельных странах Центральной Азии, а также и в России, сводилась к тому, что «ее джихад носит пропагандистско-агитационный характер и воевать она не собирается».

В настоящее время практически все страны Центральной Азии склонны признать проблему ХТ. Так, более отчетливой становится позиция Кыргызстана, который все чаще сталкивается с практическими устремлениями активистов этой организации. В частности, по мнению кыргызских экспертов, необходимо признать, что ХТ является одной из самых опасных международных экстремистских организаций в регионе. При этом указывается, что ХТ имеет внерегиональный источник поддержки и стимуляции, активно используется в большой геополитической игре как средство воздействия на правительства стран региона [17].

Одной из причин распространения идей ХТ, наряду с влиянием сложной социально-экономической ситуации в странах Центральной Азии, является отсутствие квалифицированной теологической подготовки и образования у служителей официального ислама. Это, в свою очередь, привело, с одной стороны, к бесконтрольному проникновению религиозных миссионеров с радикальными идеями в страны региона и, с другой — к отправке из центральноазиатских стран студентов в зарубежные исламские учебные заведения. Как показала практика, такие связи оказались весьма сомнительными, а порой и просто опасными.

Интенсивная идеологическая обработка, сопровождаемая в ряде случаев вербовкой и усиленной подготовкой в рядах вооруженных террористических группировок, привела к серьезной дестабилизации ситуации в регионе. В этой связи становится очевидным, что глубоко законспирированная деятельность ХТ, претендующая стать оппозиционной политической силой в государствах Центральной Азии, однажды приведет к созданию условий для социально-политического взрыва ситуации изнутри [18].

Однозначно закономерным следствием в этом случае является проявление амбивалентности знака ислама как культурного, так и идеологического феномена, осложняющего процесс самоидентификации общества. В этой связи увеличивается вероятность того, что религия способна стать эффективным инструментом определенных социальных групп, преследующих собственные политические цели, для манипуляции общественным сознанием и поступками. В случае с ХТ в начале 1990-х гг. явно прослеживалось у стран Центральной Азии отсутствие опыта борьбы с подобными явлениями.

Для понимания сущности этой организации мы предлагаем некоторую периодизацию деятельности ХТ на территории Кыргызстана, оценку ее программы и содержания деятельности.

По нашему мнению, деятельность ХТ на территории Кыргызстана можно разделить по активности действий на несколько этапов.

Первый этап — с 1990 по 1995 г. Это период, когда партия была локальной организацией с базой в Узбекистане. На данном этапе ХТ ведет себя в качестве просветителя ислама среди молодежи Южного Кыргызстана, и в основном среди узбекского населения. Особую популярность она получила среди молодежи Оша, Узгена, Аравана, Карасуу. Как пишет У.Ботобеков: «ХТ сконцентрирована в основном в Ошском регионе, где, по данным спецслужб, осели многие узбекские исламисты, бежавшие от преследований (узбекских властей — прим. автора). Они имеют здесь большую свободу действий, чем в Узбекистане, и оказывают негативное влияние на религиозную ситуацию в киргизской части Ферганской долины. ХТ получила распространение в Киргизии в середине 90-х гг. XX в. через андижанских и наманганских радикальных мусульман. Ее поддерживает в основном узбекская часть населения Южной Киргизии» [19].

ХТ ставит перед собой задачи вовлечения в свои ряды безработной, малообеспеченной молодежи, маргиналов, выброшенных за борт общественной жизни. И поэтому она обращается к проблемам молодежи в своих многочисленных публикациях [20], где даются простые и, на первый взгляд, «верные» ответы на сложные жизненные вопросы.

«Каждый член ХТ в Кыргызстане, вступая в партию, дает обещание, что 20% от его заработной платы будут поступать в виде взноса в казну партии. Если член

партии безработный, то партия стремится найти ему работу, дать место на торговых рынках. В настоящее время деятельность ХТ в Оше ослабла, но усилилась в Араване, Узгене, Карасуу и Жалалабате», — говорит востоковед А.Салиев [21].

(Продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРА

1. О противодействии экстремистской деятельности // Эркинтоо. — 19.08.05. — №67.
2. Решение Верховного Суда Кыргызской Республики от 20 августа 2003 г.
3. Постановление Правительства КР от 22 августа 2000 г. №510.
4. Интервью автора с шейхом А.М.Рустамовым, 16 декабря 2003 г. (л.а.а.).
5. Интервью автора с М.Ходжажем — преподавателем ОшГУ, выпускником Каирского Университета, членом приемной комиссии в медресе по Южному региону от казията г. Ош, 10 декабря 2003 г. (л.а.а.).
6. Бабаджанов Б. О деятельности «Хизб ат-Тахрир ал-Ислами» в Узбекистане // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. — М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001. — С. 155.
7. Мякинников В. Сажать, сажать... А что вырастет? // Эхо Оша. — 20.08.03.
8. <http://www.hizb-ut-tahrir.org>.
9. Ulrich, A. Dolich im Herzen // Der Spiegel. — 2002. — №47.
10. Jbid.
11. Государственный департамент США. Политика Вашингтона в Центральной Азии в вопросах и ответах // Центральная Азия (интернет-журнал). — М., 2002.
12. Пономарев В. Рост исламского радикализма в Узбекистане обусловлен внутренними причинами // Центральная Азия (интернет-журнал). — М., 2000.
13. Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г.
14. Центральная Азия в XXI в.: сотрудничество, партнерство и диалог. — Ташкент, 2004. — С. 21.
15. <http://www.hizb-ut-tahrir.org>.
16. Шукуров Ш.М., Шукуров Р.М. Центральная Азия (опыт истории духа) // Центр стратегического планирования Оренбургской области. — М., 2001. — С. 132; Habiba Fathi. Olines: the unknown women clerics of Central Asian Islam // Central Asian Survey. — 1997. — №16 (1). — Pp. 27—43.
17. Центральная Азия в XXI в.: сотрудничество, партнерство и диалог... — С. 20—22.
18. Акмалов Ш. «Хизб ут-Тахрир» как источник угроз региональной безопасности // Центральная Азия (интернет-журнал). — М., 2003.
19. Ботобеков У. Внедрение идей партии «Хизб ат-Тахрир ал-Ислами» на юге Киргизии // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. — М.: Бизнес Арт Центр, 2001. — С. 129—153.
20. Концепция «Хизб-ут Тахрир» // <http://www.hizb-ut-tahrir.org>.
21. Интервью автора с А.Салиевым — востоковедом, преподавателем ОшГУ, 10 декабря 2003 г. (л.а.а.).

Строительство новой модели управления для создания прочного мира

НУРАДИЛ Г.Н.

Человеческая цивилизация — это непрерывная цепь рождения, расцвета и ухода с исторической арены народов и государств. Зачастую данный процесс принимает глобальный характер: на протяжении только XX в. такие события проходили по меньшей мере трижды. Сначала — после первой мировой войны, когда в результате крушения ряда империй образовались несколько суверенных государств. Вторая волна появления новых государств была связана с национально-освободительным движением и крушением колониализма. В ту пору, на рубеже 50—60 гг., некоторые бывшие колонии выступили с требованием пересмотра существующих границ и открыто заявили о готовности применить насильственные методы.

В странах Азии, Африки и Латинской Америки в период от окончания второй мировой войны и до 1990-х гг. произошло более 50-ти территориальных конфликтов.

Время и трагический опыт все же заставили понять, что в условиях этнического многообразия, присущего большинству стран, попытки установить государственные границы в соответствии с этническими рубежами несут угрозу самому существованию молодых государств. Постепенно возобладала концепция неприкосновенности границ и территориальной целостности независимых государств, исходящая из здравого смысла — сохранение территориального статус-кво при всех его недостатках предпочтительнее кровавых конфликтов.

В 90-х гг. прошлого столетия мир пережил третий этап, связанный с крушением социалистической системы. Распад Советского Союза поставил вопрос о сохранении международной стабильности. В связи с этим возникли дисбалансы в мировой геополитике, которые привели к росту нестабильности не только на территории СНГ, но и за его пределами.

Право выбора каждой страной собственного будущего неоспоримо. Однако осуществление этого права не должно нарушать прав и интересов других этносов. События в Югославии и трагические конфликты в некоторых регионах постсоветского пространства убедительно свидетельствуют о дезинтеграционных, разрушительных тенденциях, угрожающих взрывом колоссальной силы. Их крайним проявлением являются большие и малые войны на этнической и территориальной почве. Межэтническая напряженность и разной степени столкновения характерны для всех этапов развития человечества. И вспышка конфликтности в постсоциалистическом мире в какой-то мере была неизбежна. Она связана с прохождением многими народами через этап взаимного отторжения.

Все это свидетельствует о том, что универсальных рецептов решения национального вопроса не существует. К сожалению, мы живем в очень хрупком и

нестабильном мире. После распада Советского Союза многие «аналитики» прогнозировали обострение национального вопроса в Республике Казахстан. Основой этому суждению стал многонациональный состав народа. По оценкам экспертов, в ходе крестьянской колонизации в дореволюционный период в Казахстан из России, Украины, Белоруссии прибыло 1 млн 150 тыс. человек. Во время коллективизации из центральных районов Советского Союза в Казахстан было сослано 250 тыс. раскулаченных крестьян. Для промышленного строительства в предвоенные годы из всех уголков страны, в основном из европейской части, переселено 1 млн 200 тыс. человек. Вследствие депортации народов население республики увеличилось на 1 млн 500 тыс. человек. Во время войны в Казахстан было эвакуировано 350 тыс. человек. На целину прибыло 1,5 млн человек, а закрытые военные объекты приняли еще 150 тыс. И это не считая других ведомственных «оргнаборов» рабочей силы и естественной миграции в нашу республику.

В итоге только с начала XX в. в Казахстан было переселено 5 млн 600 тыс. человек, в том числе 3,5 млн за последние 40—50 лет, не считая сосланных и эвакуированных.

Межнациональные отношения в полиэтничной стране — сфера весьма деликатная и чуткая. И оттого, какое внимание данному вопросу уделяется государством, зависит будущее самого государства, его поступательное развитие. В этом отношении Казахстан — на редкость удивительная страна и, пожалуй, единственная на просторах СНГ, которую после распада Союза не затронули конфликты на этнической почве. С одной стороны, это результат проводимой Казахстаном и Президентом страны политики в области межнациональных отношений, направленной на поиск точек соприкосновения разных культур в пределах одного государства, расширение зон доверия и согласия между народами. С другой стороны, в этом большая заслуга всех наций и народностей, проживающих в республике. Благодаря атмосфере дружбы и согласия, исторически установившейся между ними, Казахстан для многих стран стал позитивным примером создания реальной стабильности в Центральноазиатском регионе.

Имея такую уникальную полиэтничность (причем в ее основе лежала трагедия многих народов), Казахстан избежал печальной участи наших ближайших соседей в странах СНГ, ввергнутых в братоубийственные войны в начале распада Советского Союза. Ведь в мире существуют три подхода к решению национального вопроса. Первый — когда некоторые страны проводят политику «выдавливания» инонационального населения, что никогда не было присуще казахскому народу, по-братски принявшему переселенцев. Здесь не нужно объяснять, что любые претензии народа к народу бессмысленны и опасны по своим последствиям, путь конфронтации ведет к колоссальным взрывам и многочисленным человеческим жертвам. Второй — вообще не придавать значения национальному вопросу и надеяться на то, что проблемы отпадут сами по себе. Но и это не выход. Стране остается только третий, единственно верный путь, по которому мы идем, требующий трудоемкой и кропотливой работы. Это поиск точек соприкосновения, расширение согласия и доверия между народами. Главная линия страны под руководством Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева основывается на развитии всех национальных групп через поиск компромиссов и укрепление объединяющих начал. Именно политика согласия и разумная национальная стратегия помогли решить главные задачи дальнейшего развития страны. Мир с соседями пред-

ставляет задачу первостепенной важности, однако она не будет решена, если страну станут раздирать внутренние противоречия. Если различные группировки, независимо от того, что их объединяет — политическая идеология, религиозные, этнические или классовые интересы, — находятся в состоянии противодействия, то это приведет к опасной ситуации, при которой народ будет отвлекаться от цели — достижения общего блага и реализации своих национальных интересов.

Модель будущего общества страны четко определена в Стратегии развития Республики Казахстан до 2030 г., разработанной Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым. «Мы — евразийская страна, имеющая свою собственную историю и свое собственное будущее. Поэтому наша модель не будет похожа ни на чью другую. Она впитает в себя достижения разных цивилизаций. Перед нами не будет стоять вопрос то, или другое. Мы будем диалектичны и станем использовать и то, и другое, перейдем лучшие достижения всех цивилизаций, доказавших на деле свою эффективность».

Казахстанская модель должна отражать конвергенцию разных моделей общественного развития. Согласно Конституции РК, Казахстан строит социально-рыночную экономику. Наша модель будет определять наш собственный путь развития, сочетая в себе элементы остальных моделей, но опираясь в основном на наши специфические условия истории, новую гражданственность и устремления, учитывающая конкретность этапов развития.

В первые годы независимости республики в стране происходили весьма сложные процессы, связанные с духовной жизнью общества, его социальным самочувствием, возрождением национального самосознания. И именно тогда, в начале 90-х гг. прошлого века, переосмыслив многое заново в нашей истории, во имя сохранения главного нашего достояния — дружбы народов на 1-м форуме народов Казахстана в 1992 г. Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым была высказана идея о необходимости перевода этого форума на постоянную основу. А 1 марта 1995 г. на общественно-политической арене республики появился новый институт в области национальной политики — Ассамблея народов Казахстана. Были созданы надежные механизмы предупреждения и разрешения вопросов в межэтнической сфере.

Тогда на заре Независимости, наиболее остро стоял именно национальный вопрос, который определял специфику внутривнутриполитической ситуации в стране. Но в отличие от многих наша страна сумела избежать ловушки межэтнических распри и столкновений, дестабилизации и распада общества. Избежала благодаря тому, что с самого начала казахстанцы, полностью осознавая, что преодолеть все трудности переходного периода они смогут только вместе, объединившись во имя общей идеи построения нового государства и общества равных возможностей, определили национальное согласие главным приоритетом внутривнутриполитических реформ.

За истекший период национальная политика страны по своей направленности характеризовалась как демократическая, миротворческая созидательная и прогрессивная. Ассамблея народов Казахстана, будучи одной из активных частей казахстанского общества, придает ему необходимую энергию и подвижность. Доступ гражданско-общественных инициатив, рождающихся в Ассамблее на ее сессиях, к политической системе является одним из условий функционирования казахстанского общества. Благодаря поддержке Ассамблеи, была обеспечена стабильность в обществе и задан мощный импульс масштабным реформам, на годы вперед определившим логику развития Казахстана.

Ассамблея отразила глубинную суть казахстанского общества — взаимопонимание людей разных национальностей. Особенно теперь, когда реальным содержанием наполнен суверенитет Казахстана, наш опыт представляет огромную ценность для дальнейшего укрепления государства. Сегодня Ассамблея как уникальный институт достижения межнационального согласия состоялась, проникая своей деятельностью в поддержку курса реформ во все слои общества и становясь его основой.

Возрос международный авторитет Ассамблеи. По опыту Казахстана аналогичные общественные структуры созданы в ряде стран СНГ. Казахский опыт с большим вниманием изучает мировое сообщество. За рубежом проведены крупные международные конференции по широкому аспекту проблем в сфере межнациональных отношений. Казахский опыт получил высокую оценку международных экспертов в Вене, Локарно, Санкт-Петербурге, Таллине и Алматы.

В ходе деятельности Ассамблеи народов Казахстана накоплен огромный позитивный опыт, который мы сообщаем вносим в мировую практику решения межэтнических проблем. Этот вклад по достоинству оценивается на самом высоком мировом уровне. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан назвал Казахстан «примером межнационального согласия, стабильного и устойчивого развития для других государств мира».

Прошедшие десять лет ознаменовались большими достижениями Ассамблеи. Создание демократической правовой базы в сфере межэтнических отношений, реализация Государственной программы развития языков, Стратегии развития Ассамблеи позволили совершить прорыв в сознании людей и добиться возрождения культуры и традиций народов, проживающих в стране.

Только в области национального образования у нас активно действуют более 100 этнических школ, 170 воскресных языковых центров.

В школах национального возрождения работают 29 отделений по изучению 11 языков. На финансовую поддержку воскресных школ правительство страны выделяет ежегодно 12 млн тенге. Кроме того, им оказывается помощь и из местного бюджета.

Много интересного появилось в сфере этнокультуры, которая все больше и больше играет консолидирующую роль в обществе, меняется и сам ее характер. Примечательно, что начавшийся активный процесс возрождения национальных культур привел к созданию только за прошлый год 174 региональных национально-культурных центров. Всего же их сегодня 471. Государство поддерживает деятельность 19 республиканских и региональных национальных газет, радио- и телепрограмм, 6 национальных театров.

В целом, размышляя о прожитом и реализованном в сфере национальной политики, можно отметить следующие позитивные итоги:

Первый. Концентрация опыта и интеллектуального потенциала. Ассамблея народов Казахстана, национальных объединений показала их большие консолидирующие возможности.

Второй. Гражданский мир и согласие в Казахстане — это осознанная позиция граждан страны в необходимости толерантного, уважительного отношения к культуре, языку и традициям этнических групп.

Третий. Ассамблея способствовала росту международного авторитета Республики Казахстан как страны, эффективно решающей проблемы межэтнических отношений. В этом направлении она занимает явно лидирующее положение.

Четвертый. Взаимное понимание, бережное восприятие духовных и культурных ценностей людей разных национальностей, составляющие глубинную суть казахстанского общества, позитивно отразились на менталитете народа, сформировали общие для всех этносов идеалы и ценности.

Пятый. Государственная национальная политика обеспечила поистине прорыв в развитии духовной сферы жизни общества. Прежде всего, в этнообразовании и культуре казахстанцев.

В настоящее время особое внимание уделяется пропаганде казахстанской модели межэтнического взаимодействия за рубежом через международные институты.

Позитивный опыт регулирования межнациональных и межконфессиональных отношений является объектом внимания многих стран мира, лидеры и государственные деятели которых по праву считают основателем казахстанской модели межнационального и межконфессионального согласия Президента Республики Н.А. Назарбаева.

В Казахстане выработана и активно действует стратегия межнационального согласия, обеспечивающая консолидацию полиэтнического и поликонфессионального общества.

Местное самоуправление как элемент политической системы общества

ДОСМАГАМБЕТОВА Г.И.

Сегодня ни у кого уже не вызывает сомнения утверждение о том, что главной предпосылкой демократического развития нашей страны выступает становление и успешное развитие институтов гражданского общества. Вместе с тем практика казахстанских реформ рубежа XX—XXI вв. показала, что без создания сильного государства данная цель представляется едва ли достижимой, и в такой ситуации принципиально важной и актуальной становится задача выявления форм и механизмов взаимосвязи гражданского общества и государства. Одним из основных способов разрешения данной проблемы, обеспечивающих демократический характер взаимосвязи сильной государственности и высокой гражданской активности, является, как свидетельствует практика, местное самоуправление.

Местное самоуправление — самая близкая народу ветвь власти. Участвуя в его формировании, люди учатся демократии, законопослушанию, гражданственности, умению уважать интересы других, искать адекватные формы решения возникающих проблем. Самоуправление представляет собой одновременно и продукт гражданского общества, и инструмент его построения и развития. На местном уровне берут начало все общественно-политические процессы, проявляются в

самой непосредственной форме политические настроения масс, реальные и мнимые противоречия между социальными группами. Здесь закладываются отношения между социумом и государством, формируются основы гражданской активности людей.

В этих условиях возрастает интерес к фактору устойчивости демократических традиций, апробированных как в Казахстане, так и в других государствах. Учреждение местного самоуправления — необходимое условие реформирования общества на демократических принципах, поскольку это демонстрирует актуальность человеческого фактора в политических преобразованиях. Граждане, включаясь в реальный процесс принятия общественно значимых решений, формируются политически, в частности происходит становление демократической культуры населения, необходимой для успеха либеральных реформ. Известный американский политолог Р. Даль отмечал: «Чем меньше демократическая единица, тем выше потенциал участия граждан в управлении» [1].

Создание института местного самоуправления позволило бы политически и экономически активной части населения Казахстана включиться в проведение реформ на местах. Данное предположение основано на том, что местные органы власти воспринимаются, как свидетельствует история, гарантом основных демократических ценностей. Во-первых, они наиболее доступны и отзывчивы для населения; во-вторых, в большей степени приспособлены учитывать местные потребности и использовать ресурсы для их удовлетворения; в-третьих, укрепляют отношения власти на местном уровне. На этом уровне политика освобождается от негативного имиджа и приобретает свой подлинный и изначальный смысл, который заключается в регулировании отношений между людьми и социальными группами, а также в создании наиболее оптимальных условий жизни человека. Таким образом, местное самоуправление в проектах демократического переустройства общества выступает свособразным элементом, инициирующим внутреннюю перестройку всего общественного организма и обуславливающим постепенный переход правового государства к демократическому политическому режиму.

Для государства органы местного самоуправления важны, прежде всего, как властные структуры, находящиеся в непосредственном контакте с населением. Они должны замыкать управленческую цепочку, обязаны стать основным источником информации как для населения, так и органов государственной власти. Государство должно не только позволять органам местного самоуправления нормативное и вместе с тем самостоятельное исполнение социальных дел, но и возлагать на них ряд собственных полномочий, как правило, сопряженных с постоянными контактами с населением. Таким образом, местное самоуправление является социальной властью, производной от государственной и действующей строго в рамках, обозначенных государством в законах, и обладает рядом особенностей:

- местное самоуправление является составной частью управления обществом;
- система местного самоуправления не входит в структуру государственного механизма, оно самостоятельно;
- в отличие от государственной власти местное самоуправление — это власть подзаконная, действующая в пределах и на основании законов, принимаемых органами государственной власти;
- местное самоуправление возможно лишь тогда, когда строго определена часть общественных дел, которыми оно занимается (предметы его ведения);

- для реализации полномочий по этим предметам ведения местного самоуправления должно иметь собственные ресурсы в виде самостоятельного бюджета и собственности;

- формирование предметов ведения органов местного самоуправления происходит двойко: со стороны населения, которое поручает местному самоуправлению исполнение определенных функций; со стороны государства, которое передает местному самоуправлению также исполнение некоторых своих полномочий.

Интерес к анализу политических аспектов становления института местного самоуправления в Казахстане проявился не сразу. Первоначально казалось, что для успеха трансформации политического режима из тоталитарного в демократический достаточно ликвидировать наиболее одиозные структуры прежней системы. Однако на деле этот процесс растянулся на длительный период и приобрел характер многоплановой, противоречивой политической эволюции. Множественность и взаимообусловленность экономических, политических, социокультурных проблем, разрешаемых обществом и властью с разной степенью успеха, точнее с различными результатами, вызывало опасность возникновения кризисных ситуаций. На этом фоне процесс становления местного самоуправления представлялся вторичным, зависящим от решения первоочередных экономических и социальных задач. Но в конце десятилетия реформ, когда стало более прогнозируемым поведение политических институтов и стабилизировалась экономическая система, выяснилось, что на пути достижения демократии на местном уровне (это и создание финансово-экономической базы местного самоуправления, и достижение реального участия населения в решении местных дел, и появление ответственной местной элиты и т.д.) общество почти не продвинулось.

Говоря о значении становления института местного самоуправления в системе демократических преобразований в нашей стране, важно отметить степень динамичности этого процесса. Известно, что трансформация политического режима в Казахстане осуществлялась форсированно, без промежуточных этапов. В итоге по прошествии десятка лет реформирование системы местного управления не оправдало надежд. Учрежденные органы государственного местного самоуправления были наделены правами, но не подкреплены ресурсами для реализации самоуправления. Неспособность справиться с текущими вопросами, отчуждение местной власти от населения — таково общее впечатление от результатов реформ власти на местах.

Уместно вспомнить, что становление демократического политического режима в истории Европы неизменно сопровождалось развитием института местного самоуправления, обеспечивавшего участие населения в принятии политических решений на местном уровне. Принятая в октябре 1985 г. в Страсбурге «Европейская хартия о местном самоуправлении» стала квинтэссенцией многовекового опыта западной цивилизации в использовании самоуправленческих начал в развитии демократии. На взаимосвязь и взаимообусловленность этих процессов делается акцент в преамбуле: «Органы местного самоуправления составляют одну из основ любого демократического строя... право граждан участвовать в управлении государственными делами относится к общим для всех государств — членов Совета Европы демократическим принципам. Это право непосредственно может быть осуществлено именно на местном уровне» [2]. Страны — члены Совета Европы, подписывая Хартию, признают, что «... защита и упрочение института местного самоуправления в странах Европы являются важным вкладом в построение Евро-

пы на основе принципов демократии и децентрализации власти» и выражают уверенность в том, «что это подразумевает наличие местных органов власти, наделенных демократически созданными структурами и механизмами принятия решений и обладающих весьма широкой автономией в вопросе определения своих обязанностей, методов и способов выполнения таких обязанностей и в вопросах определения объемов средств, необходимых на такое выполнение».

Таким образом, суть местного самоуправления состоит в том, что населению конкретной территории предоставляется право самостоятельно и под свою ответственность управлять своей жизнедеятельностью, решая местные проблемы. Жители могут как непосредственно, так и через создаваемые ими органы, которые на этом уровне наиболее приближены к населению, участвовать в управлении.

Можно предположить, что развитие местного самоуправления должно привести к дальнейшему развитию демократии в обществе. Однако подобный механический подход неприемлем при изучении социальных отношений в современном казахстанском обществе. Необходимо рассматривать местное самоуправление не столько с точки зрения внешних, формальных атрибутов демократического режима, сколько с позиций внутреннего содержания института самоуправления. Опыт всех стран однозначно свидетельствует, что центральное правительство не может действовать успешно, если органы местного самоуправления неэффективны. Ведь, если в центре принимаются те или иные законы, необходимо, чтобы на местах имелись сильные органы местного самоуправления, которые бы эти законы претворяли в жизнь. Кроме того, всякая власть (в том числе и местное самоуправление) существует для человека, а местное самоуправление — естественный уровень власти, где люди будут самоорганизовываться в любом случае. Как справедливо пишет российский исследователь проблем местного самоуправления А.А.Замотаев, практически у всех народов существовал обычай решать вопросы, затрагивающие коллективные интересы, «всем миром — на сходе, вече, круге, джирге, курултае и т.д.» [3].

Наше государство также имеет опыт коллективного решения проблем общества. На современном этапе наличие местного самоуправления в Казахстане законодательно закреплено в Конституции республики [4]. Как наиболее приближенная к населению власть местное самоуправление возникает из необходимости регулировать отношения на определенной территории, обеспечивать удовлетворение основных жизненных потребностей населения и поэтому действует в непосредственном контакте с ним, приобретая формы как государственного, так и общественного института.

Однако институализация местного самоуправления в Казахстане осложняется по причине: во-первых, законодательного вакуума по вопросам реформирования низовых органов власти; во-вторых, неготовности местной элиты воспользоваться предоставленными ей правами. Местные власти в большинстве случаев оказались не готовы нести самостоятельную ответственность перед населением и тяготеют к привычной зависимости от «вышестоящих органов».

Между тем местное самоуправление, в первую очередь, является политической организацией. Его нельзя отнести к коммерческому предприятию, поскольку в его задачу не входит получение прибыли как основной цели хозяйственной деятельности. Нельзя его назвать и общественной организацией, потому что его органы выступают в качестве публичной власти. Местные органы власти должны избираться населением, которое доверяет им управление общими делами, и выделять

для этого ресурсы из собственных средств. Поэтому главная функция органов местного самоуправления — умелое распоряжение этими средствами, что и составляет функцию органов власти. Если понимать под властью возможность осуществления воли путем контроля над ресурсами, то местное самоуправление, безусловно, выполняет политические функции.

Двойственный характер местного самоуправления объясняется самой его природой. Будучи, с одной стороны, специфическим общественным (гражданским) институтом, если иметь в виду организацию власти, местное самоуправление в то же время занимается организацией жизнедеятельности и развития данной территории, то есть осуществляется местное управление. «Местное самоуправление представляет собой ту специфическую ветвь власти, которая на местном уровне, с одной стороны, участвует в осуществлении воли государства, с другой — наиболее полно учитывает интересы населения» [5]. Двойственная природа местного самоуправления является его главной сущностной чертой.

В государственно-общественном характере местного самоуправления заключается его особенность как элемента политической системы Казахстана. Обладая признаками института государственной власти, органы местного самоуправления, в соответствии с Конституцией РК, организационно обособлены и не входят в систему органов государственной власти [6]. Организационная обособленность позволяет говорить об определенной автономии местного самоуправления в системе органов публичной власти, а не об исключении его из структуры государства. Выделение органов местного самоуправления из системы органов государственной власти и установление его главной задачи как задачи по удовлетворению основных жизненных потребностей населения позволят автономизировать местный уровень власти. Он необходим для обеспечения благоустроенного существования низовых общностей как элемент системы сдержек и противовесов в отношениях между центральными и региональными органами государственной власти. Очевидно, что основанные на партнерстве властные отношения между Центром и регионами не исключают конкуренцию различных уровней власти по поводу объема и полномочий, и распределения ресурсов, спускаемых на местный уровень.

Одновременно местное самоуправление является одной из форм самоорганизации граждан, что также идентифицирует его как общественный институт, которая выражается в самоуправленческих принципах. Речь идет об общественных объединениях, где люди, проживающие на общей территории, самоорганизуются для решения своих собственных задач, то есть о функционировании самоуправления.

Местное самоуправление, обладая всеми признаками политического устройства — обозначенными границами и населением, правом сбора налогов, наличием публичной власти, — определяет тем самым политическое пространство этой системы. Органы местного самоуправления выступают политическим центром этого пространства. Кроме органов местного самоуправления, в него входят местные партийные и общественные организации, средства массовой информации, политические лидеры.

Одновременно оно выступает частью политической системы общества. Особое значение в этом случае приобретают способы и формы его взаимодействия с центральным элементом политической системы — государством.

В деятельности местного самоуправления зарубежных стран прослеживается следующая тенденция: чем больше компетенция местных органов власти, тем меньше

их самостоятельность, тем жестче контроль государства и, наоборот, чем больше самостоятельность, независимость местного самоуправления от государства, тем меньше компетенция. В отличие от этой практики особенности политического и экономического развития Казахстана позволяют надеяться, что органы местного самоуправления в нашей стране займут место активного участника политического процесса.

Современная казахстанская политическая система является переходной, трансформирующейся. Следовательно, нужна концепция и переходного типа местного самоуправления. Целью начавшейся реформы системы местной власти, ввиду ее неудовлетворительного современного состояния, является попытка отрегулировать ряд позиций правового и экономического характера и, внося необходимые изменения в структурную организацию местных органов власти, обеспечить дееспособность всей системы местного самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль Р. О демократии. — М., 2000. — С. 108.
2. Европейская Хартия о местном самоуправлении // Социологические исследования. — 1997. — №1. — С. 90.
3. Замотаев А.А. Местное самоуправление: основные понятия и термины. — М., 1999. — С. 13.
4. Конституция Республики Казахстан. — Алматы, 1995.
5. Игнатов В.Г., Рудой В.В. Местное самоуправление. — Ростов-н/Д, 2001. — С. 12.
6. Конституция Республики Казахстан. Ст. 89.

Структурная перестройка экономики Казахстана

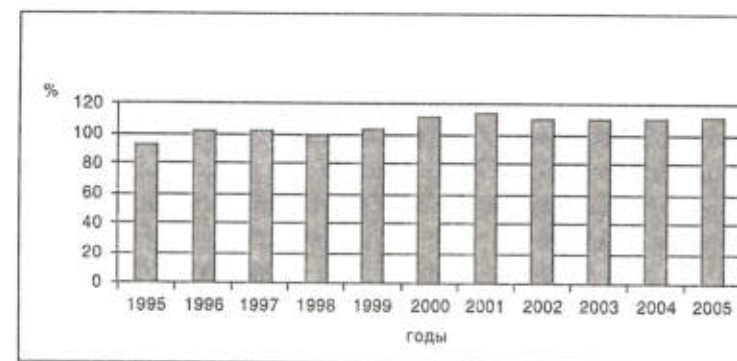
РАХМАТУЛИНА Г.Г.

Для экономики Казахстана в настоящее время характерны очень высокие темпы развития. Так, средний темп роста ВВП республики за 2000—2004 гг. составил 10,3%. По итогам 2005 г. темп роста ВВП составил 9,4%.

Динамика ВВП Казахстана (индексов физического объема) представлена на рисунке 1.

ВВП Республики Казахстан (индексы физического объема, в % к предыдущему году)

Рисунок 1

Источник: построено по данным Агентства Республики Казахстан по статистике.

Адекватно экономическому росту происходило повышение уровня жизни населения Казахстана. Так, уровень реальной заработной платы в 2004 г. возрос по сравнению с 2000 г. на 50,2%, средней пенсии — в 1,9 раза, минимальной пенсии — в 1,7 раза. Соответственно, численность безработных сократилась с 906 тыс. человек в 2000 г. до 641,3 тыс. человек в 2005 г. Уровень безработицы, составлявший в 2000 г. 12,8%, сократился в 2005 г. до 8,1%. Реальные денежные доходы населения в январе — ноябре 2005 г., по данным Агентства Республики Казахстан по статистике, возросли по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 11,4%.

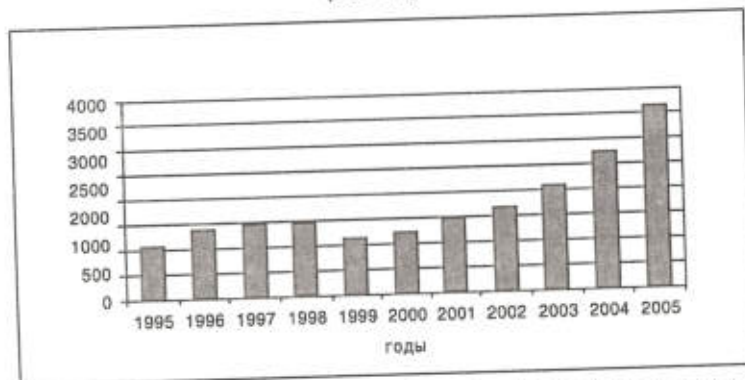
Обобщающим показателем, характеризующим состояние развития экономики республики, является размер ВВП на душу населения. Если в 1995 г. ВВП на душу населения составлял \$1052,1 и был более чем в 2 раза ниже показателя Российской Федерации, то в 2004 г. он увеличился до \$2713,8 и составил около 80% от уровня Российской Федерации. По итогам 2005 г. ВВП на душу населения в республике составил \$3620. В целом за 2003—2005 гг. ВВП на душу населения вырос в 1,7 раза. Динамика данного показателя представлена на рисунке 2.

Одним из приоритетных направлений экономической политики Казахстана является активизация привлечения финансовых ресурсов в развитие страны. В связи с этим при Президенте Республики Казахстан создан специализированный Совет

иностранных инвесторов. Приняты соответствующие нормативно-правовые документы в области инвестиционной политики: законы об инвестициях, ряд межправительственных соглашений о поощрении и взаимной защите инвестиций, об избежании двойного налогообложения.

Рисунок 2

ВВП на душу населения в Республике Казахстан
(в \$ США)

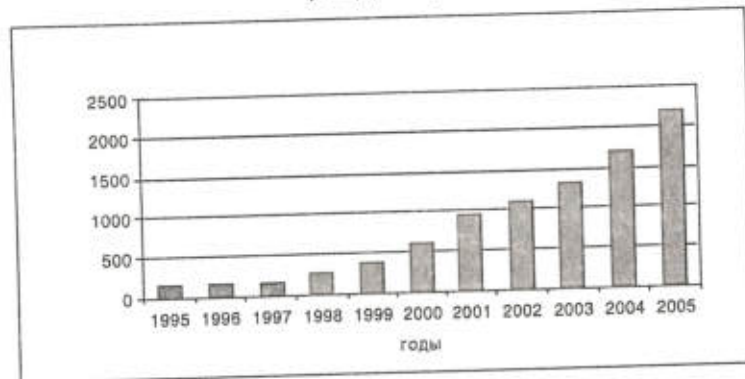
Источник: построено по данным Агентства Республики Казахстан по статистике.

За период независимости в экономику республики привлечено более \$40 млрд прямых иностранных инвестиций. По объемам освоенных прямых иностранных инвестиций на душу населения Казахстан в настоящее время является лидером среди стран СНГ. При этом собственные внутренние инвестиции в основной капитал составляют порядка \$70 млрд.

Казахстан первым из стран СНГ в 2002 г. получил рейтинг инвестиционного уровня от международного агентства Moody's Investors Services. В мае 2004 г. агентство Standard & Poor's повысило долгосрочные кредитные рейтинги по обязательствам в иностранной валюте с BB+ до BBV и кредитные рейтинги по обязательствам в национальной валюте с BBV до BBV.

Рисунок 3

Инвестиции в основной капитал
(в млрд тенге)

Источник: построено по данным Агентства Республики Казахстан по статистике.

20 декабря 2005 г. рейтинговое Агентство Fitch Rating's повысило инвестиционный рейтинг Республики Казахстан по долгосрочным облигациям в иностранной валюте до «BBV» и по долгосрочным облигациям в национальной валюте до уровня «BBV+».

Динамика привлечения инвестиций в основной капитал представлена на рисунке 3.

В Казахстане создана принципиально новая и современная двухуровневая банковская система, которая, по оценкам международных финансовых организаций, является лучшей в СНГ. Национальный банк стал независимым, что способствовало повышению эффективности денежно-кредитной политики государства. Широкое развитие получили банки второго уровня.

Сегодня совокупные активы банков выросли по сравнению с 2000 г. в 10 раз и составляют \$28 млрд. Казахстанская финансовая система уже переведена на международные стандарты бухгалтерского учета и регулирования. В республике поставлена задача вывода всех аспектов банковской деятельности на уровень европейских стандартов к 2007 г.

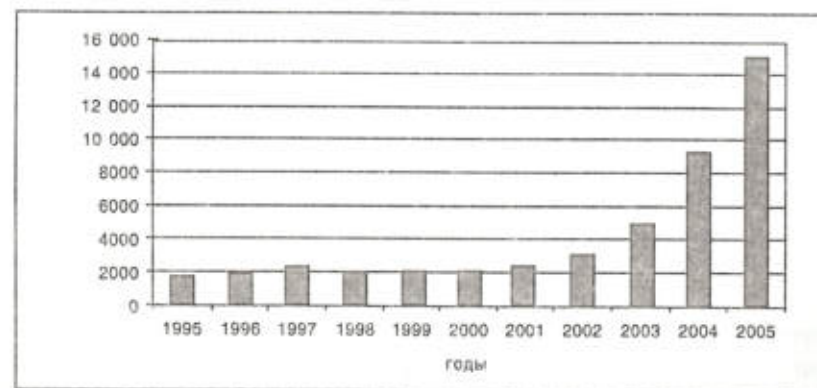
По индексу конкурентоспособности, опубликованному Всемирным экономическим форумом в Отчете по конкурентоспособности в 2005 г., Казахстан, участвуя впервые, занял 61 место, оставив позади все страны СНГ. В рейтинге экономической свободы, опубликованном в январе 2006 г., Казахстан за один год поднялся на 17 позиций и занял 113 место, опередив Российскую Федерацию (122 место) и приблизившись к Китаю (111 место).

В Казахстане увеличиваются объемы золотовалютных резервов, что делает страну нетто-кредитором. В частности, по итогам 2005 г. валовой объем золотовалютных резервов с учетом активов Национального фонда, по данным Агентства Республики Казахстан по статистике, составил \$15 085 млн. За период с 1995 по 2005 г. объем золотовалютных резервов увеличился более чем в 9 раз.

Динамика валовых объемов международных резервов Казахстана представлена на рисунке 4.

Рисунок 4

Валовые международные резервы Казахстана
(\$ млн)

Источник: построено по данным Агентства Республики Казахстан по статистике.

Таким образом, анализ социально-экономического развития республики позволяет сделать вывод о сохранении довольно устойчивых темпов роста экономики.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что экономический подъем Казахстана в основном обусловлен опережающим развитием горнодобывающей промышленности. Несмотря на определенные успехи, экономика республики продолжает оставаться преимущественно сырьевой.

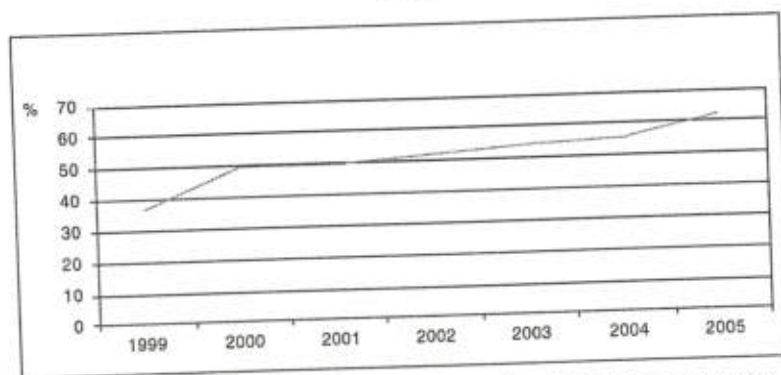
Динамичный рост в горнодобывающей отрасли стал возможным за счет быстрых темпов роста добычи нефти и газового конденсата. Средний темп роста добычи нефти и газового конденсата за 2000—2004 гг. составил 14,5%.

Опережающее развитие нефтегазового сектора по сравнению с другими отраслями экономики отразилось в увеличении размера нефтяного сектора в экономике, повышении его вклада в общий рост ВВП и увеличении доли экспорта нефти и газового конденсата в общем экспорте страны.

Если в 2001 г., по оценке Министерства экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан, доля нефтяного сектора в обеспечении роста ВВП составляла 25,4%, то по итогам 2004 г. она выросла до 49,5%. По итогам 2005 г. добыча топливно-энергетических ресурсов в общем объеме промышленного производства составляла более 50%.

Сохраняется тенденция роста нефтяной составляющей в экспорте республики. Так, доля экспорта нефти и газового конденсата в общем объеме экспорта Казахстана выросла с 36,5% в 1999 г. до 62,5% в 2005 г. (рисунок 5).

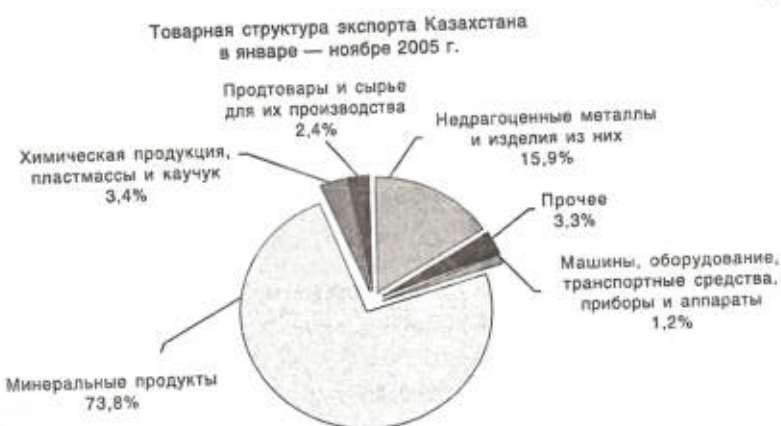
Доля нефти и газового конденсата в общем экспорте Казахстана (в %)

Источник: построено по данным Агентства Республики Казахстан по статистике.

Рисунок 5

Анализ товарной структуры экспорта республики также свидетельствует о значительной доле в нем минеральных продуктов (рисунок 6).

Источник: построено по данным Агентства Республики Казахстан по статистике.

Рисунок 6

В то же время величина несырьевого экспорта не изменяется и остается на уровне 1997 г. (около \$2 млрд).

Анализ инвестиций в основной капитал за 1999—2004 гг. также свидетельствует о том, что наиболее приоритетными сферами вложения капитала являются горнодобывающая промышленность и металлургия (таблица 1).

Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности в % к итогу

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал — всего	1999	2000	2001	2002	2003	2004
в том числе:	100	100	100	100	100	100
Сельское хозяйство	0,7	1,4	1,3	1,4	1,3	2
Горнодобывающая промышленность	42	49,8	44,3	41,5	35,5	38,5
Обрабатывающая промышленность	12,2	12	11,1	9,4	9,9	9,8
в т.ч. металлургическая промышленность	6,5	7,1	5,8	4,2	3,5	5,2
Производство электроэнергии, газа и воды	5,3	3	2,9	2,5	2,1	3,8
Строительство	3,7	3,6	4,3	4,6	6,2	1,3
Торговля	5,8	3,5	3,3	4,3	4,4	2,2
Гостиницы и рестораны	1,3	0,5	0,2	0,3	0,3	0,4
Транспорт и связь	7,5	9,5	11,1	11,1	12,3	15,2
Финансовая деятельность	1,8	1,6	1,3	0,9	0,9	0,2
Операции с недвижимым имуществом	8,8	9,7	11,5	12,6	14,4	18,5
Государственное управление	7,5	3,2	6,7	9,7	11	2,4
Образование	0,3	0,7	0,8	0,7	0,7	1,7
Здравоохранение	0,9	0,2	0,4	0,4	0,2	1,1
Прочие услуги	2,2	1,3	0,8	0,6	0,8	2,9

Источник: информация Агентства Республики Казахстан по статистике.

На две данные отрасли приходится около 50% всех инвестиций в основной капитал. Наблюдается также рост доли инвестиций в транспорт и связь, строительство, операции с недвижимым имуществом и прочие услуги. Однако указанные отрасли во многом связаны с развитием нефтяного сектора, и когда нефтяной бум пойдет на убыль, рост в данных отраслях может оказаться неустойчивым.

Кроме того, Всемирным банком отмечается, что норма инвестирования для нефтегазовых секторов экономики в Казахстане составляет лишь около 60% от уровня стран ЕС8 и около 70% от уровня Украины и России. С 2001 г. наблюдается тенденция роста, однако данная тенденция активизируется за счет государства. В действительности уровень инвестиций в несырьевой секторе не меняется и составляет примерно 3% ВВП.

Сложившаяся тенденция приводит к «старению» основных фондов в обрабатывающей промышленности, снижению производительности труда в перерабатывающем секторе экономики. В частности, коэффициент использования производственных мощностей в указанных отраслях приближается к своему пределу и составляет 70%, что приводит к существенному снижению конкурентоспособности казахстанской продукции.

И одной из главных причин сложившейся ситуации в обрабатывающей промышленности является неэффективное использование доходов от экспорта минерально-сырьевых ресурсов в реконструкции и модернизации промышленного сектора экономики страны. Стратегия рыночной трансформации в республике предполагала, прежде всего, то, что добывающие отрасли станут «локомотивом» разви-

тия высокотехнологичного машиностроения, металлообработки, легкой и пищевой промышленности, производственной и социальной инфраструктуры. Но в действительности все сложилось несколько иначе.

Национальный фонд, который аккумулирует доходы от экспорта нефтегазовых ресурсов, практически не играет никакой роли в инвестировании экономики страны и, в частности, перерабатывающего ее сектора. Средства Фонда конвертируются в ценные бумаги и полностью выводятся из внутреннего оборота республики. Недостаток инвестиционных средств для модернизации производственного аппарата обрабатывающей промышленности приводит к еще большему снижению темпов ее развития.

Таким образом, анализ социально-экономического развития Казахстана позволяет сделать вывод о том, что высокие темпы роста экономики республики обусловлены, прежде всего, благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой и высокими ценами на нефть, черные и цветные металлы, которые составляют основу казахстанского экспорта. Сложившиеся тенденции в привлечении инвестиционного капитала в промышленность способствуют закреплению, «консервации» сырьевой направленности экономики Казахстана, которая становится неустойчивой по отношению к внешним воздействиям на нее. И сегодня это одна из главных угроз для национальной безопасности республики.

В связи с этим руководством Казахстана еще в 2002 г. была поставлена задача о смене приоритетов в экономической политике республики и принятии активных мер по диверсификации казахстанской экономики, о развитии производств с высокой добавленной стоимостью.

В целях реализации указанной задачи правительством страны была разработана Стратегия индустриально-инновационного развития, которая была принята Указом Президента Республики Казахстан в 2003 г. Основной целью Стратегии являлись достижение устойчивого развития страны путем диверсификации отраслей экономики, способствующей отходу от сырьевой направленности, и подготовка условий для перехода в долгосрочной перспективе к сервисно-технологической экономике.

В республике были созданы соответствующие институты развития: Казахстанский инвестиционный фонд, Банк развития Казахстана, Инновационный фонд, корпорации по страхованию экспорта. Главной задачей их функционирования являлись финансирование совместно с частными инвесторами перспективных высокотехнологичных проектов и участие в создании основных элементов инновационной инфраструктуры (технопарков, бизнес-инкубаторов, технополисов).

Таким образом, принятие Стратегии индустриально-инновационного развития Казахстана, безусловно, имело важное значение в формировании промышленной политики республики. Реализация данного документа будет способствовать созданию эффективной структуры экономики Казахстана и, как следствие, повышению ее конкурентоспособности.

(Продолжение следует)

Железнодорожный транспорт в социально-экономической жизни страны

ИСИНГАРИН Н.К.

За 15 лет, прошедших после распада мировой державы — Советского Союза, новые независимые государства укрепили свой суверенитет и получили мировое признание, создали свои финансово-экономические системы, государственные и таможенные границы, свои бюджетные и налоговые системы, т.е. все, что присуще самостоятельности.

Новые государства разделили некогда единые транспортно-коммуникационные системы. Взаимоотношения — как торгово-экономические, так и в транспортной сфере — стали строиться на принципах межгосударственных отношений в части требований друг к другу.

В государствах прошли социально-экономические реформы с различной глубиной преобразований. Ряд из них свои планово-административные формы хозяйствования заменили на рыночно-конкурентные, что было признано мировым сообществом. В странах были проведены разгосударствление и приватизация, либерализация экономической жизни, получила развитие частная собственность на средства производства, рыночные цены и конкуренция производителей товаров и услуг пришли на смену отношениям, установленным государством. Другие же — в той или иной форме — сохранили широкое участие государства в управлении экономикой. В целом практически все государства затронул экономический кризис, разрыв прежних хозяйственных, производственно-технологических связей привел к поиску новых торгово-экономических отношений со странами дальнего зарубежья. Это потребовало формирования новых транспортных коммуникаций и направлений, более широкого взаимодействия транспортных организаций и систем не только с прежними традиционными партнерами, но и интеграции в мировые транспортные системы. Произошло в целом формирование новых требований к транспорту при сохранении основных положений, определяющих место и роль транспортных систем в социально-экономической жизни страны.

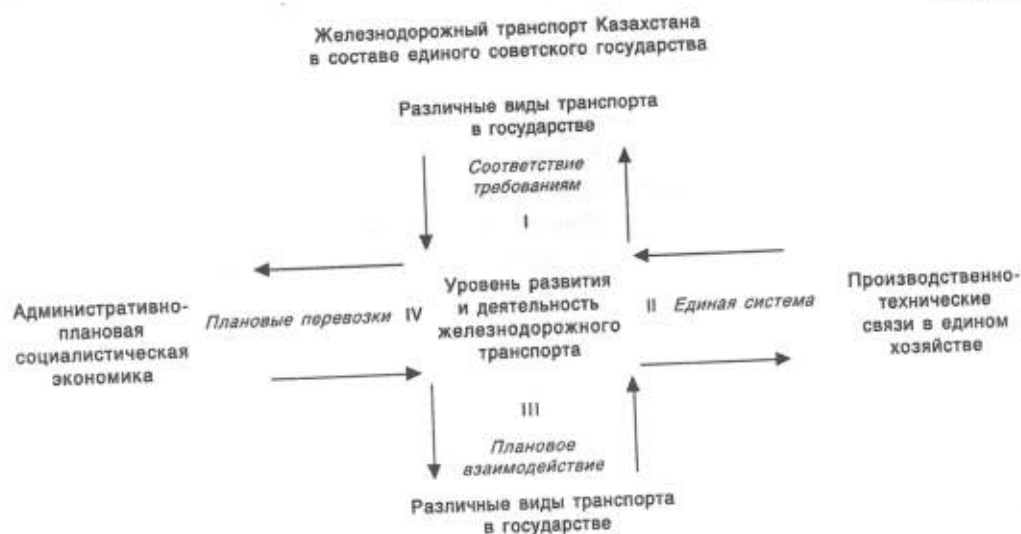
Требования социалистической экономики и общественно-социальных отношений к сфере реального производства, к его важнейшей составляющей — транспортно-коммуникационной системе отличаются от требований рыночной экономики и общества. Соответственно, должны произойти адекватные этим требованиям преобразования в развитии и организации деятельности транспорта.

Различные виды транспорта, в силу специфики своей организации, в разной степени восприимчивы к преобразованиям своей деятельности и внешнему воздействию. Наиболее консервативным является железнодорожный транспорт, но и он должен реформироваться адекватно требованиям меняющегося социально-экономического построения жизни общества. Эффективность работы железнодорож-

ного транспорта в решающей мере зависит от правильного понимания требований, предъявляемых социально-экономической системой государства, и точности, адекватности ответной реакции на эти требования и преобразования такой сложной системы, как железнодорожный транспорт.

Начнем с рассмотрения требований к железнодорожному транспорту Казахстана в условиях планово-административной системы прежнего государства (схема 1).

Схема 1

Казахстан был союзной республикой с крайне низким уровнем политической и экономической самостоятельности в составе единого тоталитарного государства. Жестко проводился в жизнь провозглашенный еще в первый год советской власти принцип экстерриториальности железных дорог, при котором интересы единого народнохозяйственного комплекса ставились выше интересов регионов или союзных республик, по которым были проложены эти дороги.

I. Социально-экономическая роль железных дорог в этих условиях заключалась в обеспечении потребности народного хозяйства и населения в перевозках. Строились новые железные дороги, прокладывались вторые пути, магистрали оснащались новым подвижным составом и техникой, велась автоматизация и электрификация действующих линий, исходя из общесоюзного построения грузо- и пассажиропотоков. Их направления и мощность определялись по всесоюзной кооперации и специализации, плановым развитием производительных сил и задачами освоения природных ресурсов, равномерным (насколько возможно) развитием всех регионов и союзных республик.

II. Железнодорожный транспорт в Казахстане так же, как и в других союзных республиках, был частью единой железнодорожной сети большой страны, развивался по единым планам, соответствовал единым техническим параметрам, функционировал по единой технологии на основе единых планов формирования и курсирования пассажирских и грузовых поездов. Эта система была в высшей степени интегрированной — и по сути, и по правовому построению единой, жестко иерархично организованной. В этой системе не было места для самостоятельности ни в основной перевозочной работе, ни в других видах деятельности, ни в установлении новых транспортных связей. Все — в рамках единого плана и системы действия.

III. В прежнем государстве функционировал транспортный комплекс, представленный всеми его видами. Развитие каждого из них определялось государственными планами, и они в своей деятельности дополняли друг друга, работая по заданным параметрам и показателям, в своей сфере перевозок. Так существовала целая система передачи грузов от одного из видов на другой, исходя из понимания социалистической себестоимости, эффективности, дальности перевозок. Естественно, показатели были плановые, валовые, характеризующие количественные объемы выполненных работ.

IV. Административно-плановая экономика заранее предопределяла привязки друг к другу производителей и потребителей сырья, продукции. Естественно, планово определялись, исходя из госплановских/госнабовских хозяйственных связей, и грузопотоки по всей стране для перевозки железнодорожным транспортом. При всей существовавшей системе научного планирования, межрегионального и межотраслевого баланса производства и потребления железнодорожный транспорт производил огромную и часто бесполезную работу. Коэффициент перевозимости многих грузов превосходил единицу, т.е. один и тот же товар несколько раз грузился и выгружался на различных снабженческих складах и базах. Известны факты, когда из Казахстана в Москву вывозилась пшеница и возвращалась обратно мука. Из Москвы вывозилось до 15 млн т оборудования и запасных частей, завозимых на центральные базы снабжения со всей страны. По приблизительным оценкам, встречные перевозки достигали 10—15% от общего объема, и эта транспортная работа оплачивалась из общего государственного бюджета, но это были плановые перевозки.

Железнодорожный транспорт общего пользования был представлен Министерством путей сообщения, которое:

- обеспечивало, совмещая в одном лице, выполнение функций государственного регулирования и хозяйственного управления. Ведомственные инструкции и положения являлись документами для обязательного исполнения всеми пользователями железнодорожного транспорта. Министерство же распоряжалось от лица государства всей собственностью;

- по своему составу было «государством в государстве», выполняя, кроме перевозочной (основной деятельности), еще и ремонтно-обеспечивающую работу, содержание социально-бытовой сферы, медицинских учреждений, школ, детских садов, обеспечивало подготовку и повышение квалификации кадров, занималось многими другими делами;

- обеспечивало финансово-экономическую деятельность, сосредоточивая все доходы от основной и значительной части вспомогательной деятельности на своих счетах, и оттуда распределяло средства железным дорогам и по статьям расходов, включая покрытие убытков пассажирских перевозок, содержание социально-бытовой сферы;

- получало в плановом порядке инвестиции на проектно-изыскательские работы и строительство новых железных дорог, вторых путей и других крупных объектов, а также на приобретение подвижного состава, оборудования и ряда других расходов для развития и модернизации железнодорожного транспорта.

В условиях обретения Казахстаном суверенитета и построения рыночной экономики, вхождения в мирохозяйственные связи, активного торгово-экономического сотрудничества как с бывшими союзными республиками, так и со странами дальнего зарубежья перед транспортно-коммуникационным комплексом, железнодорожным транспортом ставятся новые задачи.

За годы независимости характер реального производства практически не изменился — по-прежнему Казахстан остается основным производителем и поставщиком на мировой рынок нефти, угля, пшеницы и других видов сырья в огромном количестве. В этих условиях железнодорожный транспорт, как и прежде, является основным видом, обеспечивающим потребности экономики и общества в перевозках. На схеме 2 показаны требования, предъявляемые к железнодорожному транспорту в новых условиях.

Схема 2

Новые требования по основным направлениям представляются следующими:

I. При сохранении высокой социально-экономической значимости отдельной выделенной сети железных дорог Казахстана, да и других союзных республик, оказалась неподготовленной к эффективному функционированию в национальных государственных границах. Эта ситуация выражается в том, что:

- государственные границы не совпали с технологическими границами деятельности железных дорог. Участковые станции, участки курсирования локомотивов и локомотивных бригад и организуемый на этих станциях таможенный и пограничный контроль переместились во многих случаях в глубь страны, что вызвало необходимость строительства дополнительных обустройств приграничных станций или изменения технологических границ;

- железные дороги, проложенные по кратчайшему расстоянию и с учетом общесоюзной конфигурации транспортной сети, не совпали с территориальным разделением. Несколько участков между крупными узлами неоднократно пересекают территории соседних государств. На территории ряда областей с остальной части страны можно проехать по железной дороге только через соседние страны, например, в Восточно- и Западно-Казахстанскую области через Россию;

- центральные районы и север Казахстана не связаны с западом страны кратчайшими железнодорожными путями, функционирует множество тупиковых и малодейственных линий с высокой себестоимостью перевозок. Это вызывает необходимость круглым путем преодолевать большие расстояния по территории страны, увеличивает стоимость перевозок;

- разрыв хозяйственно-экономических связей между предприятиями и союзными республиками, стремление максимально использовать собственные сырье и

продукцию привели к резкому сокращению и изменению направлений грузопотоков. Железнодорожные администрации были вынуждены также менять направления грузопотока, стремясь направить их по своим линиям. В итоге целые участки превратились в малодейственные с огромным избытком основных средств. Однако такие линии играют важное социально-экономическое значение, и эксплуатация их не может быть прекращена.

Все эти обстоятельства потребовали формирования национальной сети железных дорог и строительства примерно 2000 км новых линий, из которых за последние десять лет уже построено около 700 км.

Изменились требования общества к формированию пассажиропотока и схеме курсирования пассажирских поездов. Усилилось значение внутренних перевозок, а в связи с переносом столицы Казахстана из Алматы в Астану потребовалось обеспечение выросшего потока пассажиров со всех регионов страны и из новой столицы.

Исключительно важное значение имеет формирование национального законодательства, четко определяющего место и роль, основные положения и принципы работы железнодорожного транспорта в государстве. В транспортном процессе проявляются интересы трех сторон — государства, производителя и потребителя услуг. Отношения между ними, безусловно, должны строиться на основе законодательных положений без ущерба для какой-либо стороны, общей взаимосбалансированной выгоде.

Безусловно, здесь обозначены только основные требования, вытекающие из новой социально-экономической роли железнодорожного транспорта в суверенном государстве. Необходимо углубленное изучение как этой, так и других сторон, определяющих уровень развития и деятельность железнодорожного транспорта.

II. Как уже отмечалось, формирование самостоятельных экономик новых государств потребовало от железнодорожного транспорта эффективных перевозок грузов и пассажиров в новых торгово-транспортных направлениях. Вместе с тем в рыночно-конкурентных условиях при стабилизации и росте экономик стали постепенно восстанавливаться значительная часть прежних производственно-технологических связей, специализации и кооперации по выпуску готовой продукции между предприятиями бывших союзных республик. Это потребовало от железнодорожного транспорта активизации работы, организации деятельности межгосударственных переходов на новом уровне, активного сотрудничества железнодорожных администраций новых независимых государств. И здесь можно выделить ряд основных моментов:

- железные дороги новых независимых государств должны сохранить в интересах восстановления и развития торгово-экономических связей единство функционирования, технико-технологического взаимодействия, параметров и нормативов производства, содержания и действия технических средств, сформировать единую нормативно-правовую базу. Требуется новый, более высокий интеграционный этап деятельности Совета по железнодорожному транспорту Содружества, его дирекции;

- железные дороги должны активно сотрудничать с железными дорогами других стран, имеющих иную колею, развивать потенциал международных переходов. Типичный пример — переход «Достык — Алашанькоу» на границе между Казахстаном и Китаем. Первые тонны грузов были перевезены в 1991 г., а через 15 лет — в нынешнем году через границу будет перемещено уже 13 млн т грузов как двух соседних государств, так и грузов регионального транзита. Однако и эти высокие темпы перевозок не удовлетворяют потребности экономик;

- железные дороги ряда новых независимых государств, в первую очередь России, Беларуси, Казахстана, Украины и других, обладают высоким транзитным потенциалом, включены в трансконтинентальные транспортные коридоры. Однако для реализации высокого потенциала крайне необходимы тесное сотрудничество и согласованные решения по формированию общего подхода к пропуску транзитного потока, оценке стоимости перевозок (сквозные тарифы) по общим и отдельным частям маршрута, срокам, доставки и многие другие единые меры;

- железные дороги наших государств, входившие в состав прежней единой железнодорожной сети, имели целью обеспечить растущие объемы перевозок. В новых условиях, кроме этой задачи, требуется еще и качество предоставления услуг по перемещению грузов и пассажиров — это скорость, надежность, информативность и другие параметры. Основная часть железных дорог требует реконструкции и модернизации, внедрения современной техники, а также технологий, основанных на автоматизации, информатизации, логистических подходах;

- успешность международных перевозок грузов и пассажиров во многом зависит от унификации документов, сопровождающих их, от принятия согласованных решений по транспортному сотрудничеству как между отдельными государствами, так и странами — участницами региональных организаций. Требуется совершенствование пограничных и таможенных процедур с целью их упрощения, снижения потерь времени транспортировки через границу. Для новых независимых государств важно присоединение к международным соглашениям и их неуклонное исполнение.

Безусловно, перечень требований, выдвигаемых глобализацией экономической деятельности, вхождением государств в международные организации, стремлением их к интеграции в мирохозяйственные связи, сказанным выше не ограничивается. Железные дороги должны интегрироваться в региональные и мировые транспортные системы с учетом национальных интересов — в этом залог и успешного развития наших государств.

Сохранение между новыми независимыми государствами согласованной технологии перевозочной деятельности дало возможность вагонному парку курсировать на всей постсоветской территории, где ширина колеи — 1520 мм. Но на границе между государствами появились таможи, пограничники и другие контролирующие службы. Перевозки между союзными республиками внутри единого государства стали международными, и осуществлять их надо как международные с соблюдением всех норм и правил пересечения границ и, соответственно, с новой системой оплаты для продвижения груза по территории других государств. Это требует новых подходов для исполнения перевозок между государствами с минимальными задержками.

III. Транспортный комплекс прежнего государства был условно поделен между союзными и республиканскими уровнями управления. Союзные министерства руководили деятельностью железнодорожного и морского транспорта, авиации, в ведении республиканских министерств и ведомств находились автомобильный и речной транспорт, а также внутригородские его виды. С обретением независимости ряд государств, в частности Казахстан, создали единое министерство, которое проводило в жизнь государственную политику и отвечало за деятельность всех видов транспорта. При этом три железные дороги в первой половине 1990-х гг. имели хозяйственную самостоятельность для решения финансово-экономических и производственных вопросов. В 1997 г. они были объединены в единое республи-

канское государственное предприятие, которое в 2002 г. преобразовано в акционерное общество — национальную компанию «Казахстан темір жолы».

В первой половине 1990-х гг. в Казахстане было проведено реформирование автомобильного транспорта — вначале обеспечивающего грузовые, а затем и пассажирские перевозки. Автомобильный парк был распродан с аукционов, рынок грузовых и междугородних пассажирских перевозок был полностью либерализован и стал осуществляться на конкурентно-договорных условиях и по договорным ценам.

Проведено реформирование и гражданской авиации. Система управления движением и использование воздушного пространства были переданы республиканскому государственному предприятию с одновременным предоставлением ему хозяйственной самостоятельности. Аэропорты перешли в коммунальную собственность. Образовалось полсотни авиакомпаний, выполняющих грузовые и пассажирские перевозки, в том числе и чартерными рейсами. Произошли серьезные перемены и на речном транспорте.

Органа управления, который распределял бы между видами транспорта перевозки, не стало, и это создало новую ситуацию, которую должны были учитывать перевозчики. Более того, если раньше существовали понятия короткопробежных и нерациональных перевозок, нельзя было делать переадресовку, то эти и другие неприемлемые для плановой экономики особенности перевозок сегодня уходят на второй план. Сегодня мерилom перевозок является только одно — оплата потребителем услуги выполненной работы. Один и тот же груз между различными пунктами можно перевозить любым видом транспорта, неоднократно. И это уже не забота того, кто предоставляет перевозочную услугу, а забота потребителя услуг.

Проведенное реформирование обеспечило конкуренцию между видами транспорта и в грузовых, и в пассажирских перевозках. Однако условия конкуренции были неравными, грузовые тарифы и стоимость пассажирских перевозок железнодорожным транспортом регулировало государство, в основном поддерживая их на достаточно низком уровне, особенно в кризисные для экономики 1990-е гг. Грузовой автотранспорт смог реализовать свое преимущество в обеспечении доставки «от двери до двери», на его долю приходится больше половины доставляемых в страну по импорту товаров народного потребления.

Задача расширения смешанных и мультимодальных перевозок, контейнеризация и развитие контейнерных терминалов, внедрение элементов логистики одновременно с конкуренцией потребовали и тесного взаимодействия экспедиторских и транспортных компаний, работающих в различных видах транспорта. Однако, пока новые формы сотрудничества не получили должного развития, нет еще и достаточной нормативно-правовой базы, научно-логистических разработок, экспедиторских компаний, оказывающих широкий спектр услуг. Особой проблемой остается эффективное взаимодействие с морскими портами.

По-видимому, недостатки во взаимодействии, формирование взаимоувязанного, работающего в равновыгодных условиях транспортного комплекса — вопрос времени. Железнодорожный транспорт как основной исполнитель перевозок и экспедиторские компании, работающие в этой сфере, могли бы выступить организатором процесса транспортировки «от двери до двери», как во внутреннем, так и международном сообщениях, используя правила мультимодальных и смешанных перевозок, логистические подходы к их организации.

IV. Рыночные преобразования в экономике: приватизация, разгосударствление, предоставление свободы предпринимательской деятельности, возможность частной собственности на средства производства — все это создало новые условия для деятельности железнодорожного транспорта и потребовало адекватных преобразований. На наш взгляд, можно выделить следующие основные требования:

- определение новой социально-экономической сути перевозок, превращение процесса перевозок в оказание перевозочной транспортной услуги. Объем перевозок, процесс их организации зависят не от запланированных показателей и схем снабжения, а от того, сколько грузоотправителями будет предъявлено грузов к перевозке, как то или иное промышленное предприятие заключило договоры на поставку своей продукции, на получение сырья, от потребностей в перевозках предприятий сферы реального производства, действующего в конкурентно-рыночных условиях при свободном выборе торгового партнера;

- изменение отношения к выполнению перевозок. У грузоотправителя появился экономический интерес к своевременной и сохранной доставке товара, чего не было прежде, в условиях предопределенности и полной гарантированности оплаты поставок. В новой ситуации все финансово-экономическое благополучие грузоотправителя зависит от того, что его груз — продукция или сырье — будет доставлен потребителю в полной сохранности и своевременно. Более того, он отслеживает процесс доставки и вмешивается в тех ситуациях, когда происходит задержка или несохранность перевозок;

- прекращение финансирования одних видов перевозок за счет других. Финансово-экономическое благополучие грузоотправителя зависит от того, какова цена перевозок. Он заинтересован в снижении транспортных расходов в общей цене продукции, поскольку они влияют на конкурентоспособность производимой продукции, и, естественно, грузоотправитель не намерен нести расходы, не связанные с перемещением его груза. Поэтому недопустимы прежняя система финансирования пассажирских перевозок за счет грузовых, одних видов продукции за счет других;

- допуск к деятельности железнодорожного транспорта, в том числе перевозочной, частных предпринимателей и инвестиций. В рыночной экономике вся сфера реального производства строится на деятельности частных предприятий, частных институтов собственности: приватизированы заводы, фабрики, шахты, рудники, сельскохозяйственные предприятия, то есть все, что предлагает грузы для перевозки. Частный предприниматель, наряду с другими сферами реального производства, хочет вкладывать свои инвестиции, участвовать в выполнении работ в различных сферах деятельности железнодорожного транспорта. В этой ситуации железнодорожный транспорт не может оставаться прежней монолитно-единой сферой, в которой действует только государственная собственность и государственные предприятия;

- изменение системы взаимоотношения между участниками перевозочного процесса, производителями, потребителями услуг на экономические и партнерские. В прежней системе пользователи услуги железнодорожного транспорта — грузоотправители — находились в зависимом положении от деятельности железнодорожного транспорта. Зачастую решение вопроса — получить или не получить грузовой вагон для отправки своего груза — зависело от железной дороги и его персонала. В новой ситуации железная дорога становится заинтересованной в оказании услуг, чтобы увеличить объем перевозок (за исключением отдельных технических огра-

ничений). Естественно, взаимоотношения грузоотправителя — потребителя услуг железной дороги с участниками перевозочного процесса как производителя услуг должны быть партнерскими, взаимовыгодными;

- изменение требований к перевозкам — от выполнения валовых показателей к качественному исполнению предоставляемых услуг. В прежней системе показатели отправления груза в тоннах, грузооборот в тонно-километрах были главным мерилом уровня выполнения транспортом стоящей перед ним задачи. Для этого требовалось увеличение пропускной и провозной способностей. В рыночной ситуации грузоотправитель требует иного подхода: чтобы его груз был доставлен своевременно, в полной сохранности при наименьших затратах, то есть его уже интересует не только количество, но и качество выполнения услуги, которую он оплачивает;

- новый уровень требований выявил техническую и технологическую отсталость основной части магистральной железнодорожной сети. Недостаточная мощность верхнего строения пути, морально и технически устаревшие системы автоматики, телемеханики и связи, высокая степень износа локомотивного и вагонного парка и другие причины не дают возможности поднимать скорость движения пассажирских и грузовых поездов. Не соответствуют современным требованиям автоматизация и информатизация. Все это потребовало принятия мер по модернизации.

В прежней планово-административной системе тарифы, цены, сборы, регулируемые государством, выступали своего рода экономическим рычагом воздействия на реальное производство. В условиях, когда транспорт должен сам зарабатывать (и на покрытие своих расходов на перевозку, и на развитие своей мощности), прежнее социалистическое требование сохранения на одном уровне тарифов не совместимо с рыночным подходом. Тарифы — плата за перевозку — неизбежно должны расти одновременно с ростом цен на товары производственного потребления. Пользователи услуг транспорта должны понимать, что, вводя рыночно-конкурентные отношения в сфере реального производства, нельзя сохранить государственное регулирование тарифной политики на транспорте. Тариф тоже должен подвергаться рыночным колебаниям, исходя из потребностей транспорта, что должно учитываться уполномоченными органами при его регулировании тарифа.

Естественно, железнодорожный транспорт своим уровнем развития и своей деятельностью должен дать адекватный ответ на все эти требования. Если транспорт не соответствует канонам рыночной экономики, то от этого теряют и транспорт, и экономика. Конечно, мы имеем случаи, когда переходная (транзитная) экономика с несложившимися полностью рыночными отношениями довольствуется тем, что железнодорожный транспорт остается государственным, не реформируется. Но однозначно рыночной экономике должен соответствовать реформированный железнодорожный транспорт.

Железнодорожный транспорт существует почти 200 лет. За это время он претерпел несколько серьезных этапов преобразования, как в части технического оснащения, технологии работы, так и исполнения своей роли в социально-экономической жизни общества. В свое время железные дороги были доминирующим видом транспорта, именно благодаря им свершилась индустриализация, промышленная революция. Главенствующая роль обеспечивала им и финансово-экономическое благополучие. Но в развитых странах стальные магистрали в значительной мере потеснены другими видами транспорта. Потеря позиций на рынке привела к

убыточности железных дорог, хотя при этом ни одна страна сегодня практически не может обойтись без железнодорожного транспорта.

Начиная с 80-х гг. прошлого века, возникло реформирование железнодорожного транспорта в экономически развитых странах, с целью повышения его конкурентоспособности, соответствия современным требованиям. Глубина реформирования железнодорожного транспорта зависит от многих обстоятельств. Практически нигде в мире нет полностью законченной реформы железнодорожного транспорта. Этот процесс весьма сложный, разноаспектный.

Особую роль в социально-экономической жизни страны играет и железнодорожный транспорт Казахстана, реформирование деятельности которого ведется в соответствии с реалиями рыночной экономики. И этот процесс реструктуризации идет ускоренными темпами. Анализ и оценка хода реформ — насущная задача для научных исследований.

Неформальная экономика как угроза экономической и продовольственной безопасности

КАЙГОРОДЦЕВ А.А.

Неформальные экономические отношения оказывают дестабилизирующее воздействие на национальную экономику, в результате чего представляют серьезную угрозу экономической и продовольственной безопасности Казахстана. Их расширение приводит к экономическим диспропорциям и разрушению связей между государством и личностью. Они вызывают экономические деформации, ухудшают качество государственного регулирования экономики, искажают связи между государством и хозяйствующими субъектами, ухудшают реакцию последних на «сигналы» социально-экономической политики.

Причиной возникновения неформальной экономики является иррациональный характер структуры отношений собственности, приводящий к существенному росту транзакционных издержек, связанных с обменом легально зафиксированными правомочиями.

Н. Видрицкая дает следующие определения теневой и неформальной экономики:

«Под *теневой экономикой* понимается совокупность хозяйственных отношений между субъектами всех уровней, включая производство, распределение, обмен и потребление благ и услуг, вступающих в противоречие с существующим законодательством, не поддающихся учету и контролю со стороны финансовых органов и не учитываемых в ВВП страны.

Неформальная экономика представляет собой хозяйственные действия, которые направлены на избежание издержек, связанных с соблюдением законов и административных правил по поводу отношений собственности, коммерческого лицензирования, трудовых договоров, гражданских правонарушений, финансового кредитования и систем социального обеспечения, и не подпадают под их защиту» [1].

Существование теневой экономики в Казахстане обусловлено следующими основными причинами: 1) высокий уровень налогообложения (60—80% прибыли); 2) высокий уровень издержек функционирования бизнеса в рамках «подчинения закону»; 3) экономическая нестабильность; 4) ограничение контролирующей роли государства; 5) несовершенство законодательства; 6) неблагоприятный «социальный фон» [2].

В таблице 1 приведена классификация различных видов теневой экономики, построенная автором на основе классификации, предложенной Н. Видрицкой [3]. Данная классификация имеет обобщенный вид, поскольку отдельные виды теневой экономики в настоящее время утратили то значение, которое они имели в условиях административно-командной системы управления*. Кроме того, можно четко обозначить только криминальную часть теневой экономики. Что же касается неформальной, фиктивной экономики и экономических преступлений, то они зачастую настолько пересекаются и переплетаются, что сложно отделить одно от другого. Например, уклонение от уплаты налогов является одной из целей неформальной экономики, а скрытое производство потому и является скрытым, что охватывает деятельность, разрешенную законом, и осуществляется производителем, имеющим на это право, но скрываемую от государственных органов с целью уклонения от уплаты налогов. В то же время уклонение от уплаты налогов является экономическим преступлением, за которое статьями 221 и 222 Уголовного кодекса Республики Казахстан (УК РК) предусмотрена уголовная ответственность. Взятничество, которое условно относится к фиктивной экономике, является в то же время основой неформальной экономики, а в соответствии со статьями 311—313 УК РК оно относится к уголовно наказуемым деяниям.

Структура теневой экономики

Таблица 1

неформальная («серая») экономика	Теневая экономика		
	фиктивная экономика	экономическая преступность	криминальная («черная») экономика
- домашняя; - социальная; - скрытая; - маргинальная; - сетевая; - «беловоротничковая»; - нерегулярная	- приписки; - хищения; - спекулятивные сделки; - взяточничество; - мошенничество, связанное с получением и передачей денег	- орговые преступления; - валютные преступления; - отмывание денег; - мошенничество в сфере кредитования; - мошенничество в банковской сфере	- контрабанда; - торговля наркотиками; - незаконная торговля оружием; - проституция; - торговля людьми; - азартные игры; - рэкет

Если фиктивная экономика, экономическая преступность и криминальная экономика не имеют собственной структуры и подразделяются лишь на виды деятельности, то неформальная экономика, представляющая собой самый обширный и сложный сегмент теневой экономики, имеет собственную структуру:

* Например, спекулятивные сделки, которые являлись в СССР уголовно наказуемым деянием, приобрели в условиях рыночной экономики законный характер.

1. *Домашняя экономика*, или экономика самообеспечения — неоплачиваемая деятельность по созданию продуктов или оказанию услуг, предназначенная для собственного потребления или для членов домохозяйства. Ввиду отсутствия рыночных трансакций домашняя экономика практически не подлежит измерению.

2. *Социальная экономика* — обмен трудом и продуктами производства домохозяйств на нерыночной основе и благотворительная деятельность.

3. *Скрытая экономика* — сокрытие деятельности, осуществляемой в рамках формальных организаций (например, сокрытие части заработка, получаемого в формальном секторе экономики, от налогообложения; скрытый объем производства и реализации продукции, товаров, работ и услуг).

4. *Маргинальная экономика* — мелкое производство товаров и услуг силами самозанятых или небольших (преимущественно семейных) предприятий. Распространена большей частью в развивающихся странах и в странах с транзитной экономикой.

5. *Сетевая экономика* — распространение продукции официальных фирм путем личной продажи посредством неформальных связей и контактов.

6. «*Беловоротничковая*» неофициальная экономическая деятельность работников «формальной» экономики, прямо и непосредственно связанная с их официальной профессиональной деятельностью. В основном этой деятельностью занимается руководящий персонал организаций — «белые воротнички» и чиновники. «Беловоротничковая» неформальная экономика не производит никаких товаров и услуг. Здесь происходит негласное перераспределение общественного дохода.

7. *Нерегулярная экономика* — производство легальной продукции, осуществляемое с нарушением норм права. К ней относятся: а) сокрытие деятельности незарегистрированных предприятий; б) уклонение от уплаты налогов; в) уход от бюрократических требований в виде правил регистрации, лицензирования, сертификации; г) уход от таких экономических регуляторов, как социальные гарантии работников, минимальная заработная плата и пр., что мотивирует работодателя осуществлять неформальный найм; д) обман службы социального обеспечения при неофициальном трудоустройстве безработных; е) использование труда нелегальных мигрантов [4].

По официальным данным, уровень казахстанской теневой экономики составляет 20—25% ВВП, а согласно экспертным оценкам — 4—550% ВВП, или \$10—11 млрд. В экономически развитых странах уровень теневой экономики в три-шесть раз ниже, чем в Казахстане: в Германии — 15,5% ВВП, Франции — 15,2%, Великобритании — 12,7%. Уровень теневой экономики США оценивается в 8,7% ВВП, а в Швейцарии он еще ниже — 8,6%.

В соответствии с международной практикой, пороговыми индикаторами теневой экономики являются превышение оборотом теневого бизнеса 1/3 ВВП и вовлечение в теневую экономику, в том числе в качестве наемных работников, 40% от числа занятых. В этом случае экономика страны теряет управляемость.

Основными способами ухода бизнеса в теневую сектор экономики являются: 1) производство и реализация поддельной алкогольной продукции, что, помимо ущерба зарегистрированным предприятиям-производителям (в качестве конкурентов) и государственному бюджету (в виде неуплаченных налогов и сборов), наносит огромный вред здоровью населения; 2) наркобизнес, связанный с широкомасштабными посевами наркосодержащих культур; 3) нецелевое использование бюджет-

ных средств, выделяемых для развития агропромышленного комплекса республики; 4) хищение имущества юридических лиц; 5) лжепредпринимательство, незаконные операции с недвижимостью и, особенно, с землей; 6) «отмывание» средств, добытых указанными путями [5].

В настоящее время внутренний рынок республики заполнен некачественной контрафактной продукцией. Низкая платежеспособность основной массы населения вынуждает его приобретать контрабандную, подпольную, фальсифицированную продукцию, поскольку она дешевле. В настоящее время фальсификация ряда товаров превращается в отдельную индустрию. Наибольшая доля такой продукции приходится на одежду и обувь (удельный вес на соответствующем рынке составляет 60—70%), парфюмерию, косметику и моющие средства (60—70%), безалкогольные напитки (60%), фармацевтические изделия (40—50%), игрушки, детскую одежду и обувь (до 80%), музыкальную аудио- и видеопродукцию (70%) [6].

Низкие цены фальсифицированной продукции обусловлены использованием дешевых некачественных материалов (сырье, красители и т.п.), нарушением технологических режимов и параметров, что представляет прямую угрозу для здоровья потребителей. Легальные товаропроизводители не могут конкурировать с поставщиками подделок из-за низких цен последних, что является серьезным препятствием развития отечественного рынка.

Поскольку спрос и предложение взаимосвязаны, то формирование массового спроса на высококачественную продукцию и, как следствие, отказ от приобретения контрафактной продукции должны обеспечиваться повышением жизненного уровня населения и его покупательной способности.

В целях защиты национальных экономических интересов в законодательстве Республики Казахстан четко оговорена ответственность за действия и решения: 1) провоцирующие резкое падение курса тенге, истощение золотовалютных активов государства, рост объемов государственного долга, которые могут привести к параличу экономики и денежного обращения в стране; 2) противоречащие интересам формирования и бесперебойного функционирования рыночного пространства в Казахстане; 3) препятствующие притоку инвестиций в экономику страны [7].

Обеспечение экономической и продовольственной безопасности Казахстана невозможно без резкого снижения уровня коррупции в стране, которая препятствует развитию малого и среднего бизнеса, приводит к расхищению природных ресурсов, осуществлению невыгодных для экономики республики инвестиций.

Подпольное производство и контрабандный ввоз в страну поддельной продукции, неправильное таможенное оформление грузов, как правило, сопряжены с коррумпированностью и криминогенностью экономики.

Деятельность коррумпированных чиновников способствует хищническому вывозу из Казахстана капитала и сырья. По некоторым данным, объем теневых капиталов, находящихся за границей, составляет от \$3 млрд до \$10 млрд. За последние годы из республики было вывезено сырья на сумму \$45—50 млрд [8].

Масштабное распространение коррупции является серьезной угрозой национальным интересам Казахстана, ставит под сомнение успех осуществляемых в республике социально-экономических преобразований. Коррупция в нашей стране, как и во всем мире, неразрывно связана с организованной преступностью, международным терроризмом. Она служит мощным рычагом влияния на экономичес-

кую политику руководства страны и институты гражданского общества. Высокий уровень криминализации экономики был бы не возможен без коррупционной поддержки теневой экономики, незаконной манипуляции с финансовыми активами и собственностью.

Значительный ущерб экономической и продовольственной безопасности республики наносят правонарушения в налоговой сфере. Высокий уровень налогообложения вынуждает товаропроизводителей скрывать действительные объемы производства и уходить в теневой бизнес, тем более что неразвитость судебной практики защиты прав потребителей создает благоприятную почву для расцвета последнего.

По данным Налогового комитета Министерства финансов Республики Казахстан, сумма налогов и платежей, уплаченных в бюджет по такому виду экономической деятельности, как «Производство молочных продуктов», за 2002 г. составила всего 1,2 млрд тенге, или 2,5% от оцениваемой емкости рынка [9].

Согласно оценкам Комитета по государственному контролю над производством и оборотом подакцизной продукции Министерства финансов Республики Казахстан, в 2004 г. незаконный оборот в алкогольном секторе экономики республики составил 40 млрд тенге (\$300 млн). В настоящее время 65,5% казахстанского рынка алкогольной продукции приходится на теневой бизнес, что значительно превосходит уровень теневого сектора в других отраслях национальной экономики. Около 10% общего объема нелегальной водки производится в подпольных цехах и кустарным методом, остальные 90% изготавливаются на официально функционирующих, имеющих лицензию ликероводочных заводах и на обычном оборудовании в ночное время. Из 202 предприятий, имеющих лицензии на производство алкогольной продукции, лишь 20 крупных предприятий уплачивают 80% акцизов. Широкое распространение получили контрабанда, изготовление фальсифицированной водки, использование фальшивых акцизных марок [10, 11].

В 1999—2003 гг. в структуре казахстанского экспорта на долю Бермудских островов приходилось 14—21%. Согласно официальным статистическим данным, Бермудские острова являются одним из основных торговых партнеров Казахстана, опережающим даже Россию. На самом же деле это не соответствует действительности, поскольку казахстанские нефть и металлы не востребованы на Бермудских островах и в других оффшорных зонах. Создаваемые там дочерние компании служат целям уклонения от налогов оперирующих на казахстанском рынке материнских компаний. Значительный объем экспорта в оффшорные зоны свидетельствует о том, что действующие в республике механизмы контроля трансфертных цен не работают, в результате чего оперирующие на казахстанском рынке иностранные компании, наряду с законными доходами, получаемыми вследствие сверхблагоприятных инвестиционных условий в добывающих отраслях, имеют не менее значимую криминальную прибыль в результате махинаций с налогооблагаемым доходом [12].

В настоящее время объем ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве Республики Казахстан, согласно оценкам статистических органов, составляет 4,8% ВВП, или 60% валовой добавленной стоимости (ВДС) отрасли. При переводе процентов в денежный эквивалент оказывается, что 79,4 млрд тенге в год не облагаются налогами, не используются для решения социально-экономических проблем [13].

Ненаблюдаемая экономика сельского хозяйства имеет наиболее высокий удельный вес в структуре теневой экономики республики (19—24%), официальный объем которой составляет, как было показано выше, 20—25% казахстанского ВВП. Второе и третье места занимают операции с недвижимым имуществом, аренда и услуги предприятиям 4% ВВП (16—20% ненаблюдаемой экономики) и торговля соответственно 3,3% (13—16,5%).

Из 4,8% ВВП, приходящихся на долю ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве Казахстана, неформальная экономика составляет 4,4% ВВП (91,7% ненаблюдаемой экономики отрасли), скрытая экономика — 0,4% (8,3%).

Наиболее распространенными способами осуществления неформальной деятельности в сельском хозяйстве являются занижение крестьянскими хозяйствами и сельскохозяйственными предприятиями сведений о реальной урожайности, сокрытие посевных площадей под теми или иными сельскохозяйственными культурами, искажение данных о поголовье и производительности скота. В результате у руководителей крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных предприятий появляются ресурсы, которыми они могут распоряжаться вне сферы видимости налоговых органов, осуществляя сбыт продукции через теневых посредников с оплатой неучтенными наличными деньгами.

Особая роль в развитии неформальных отношений в сельском хозяйстве отводится личным подсобным хозяйствам населения, на долю которых в 2004 г. приходилось 51,4% валовой продукции сельского хозяйства республики [14].

Владельцы личных подсобных хозяйств не желают официально регистрироваться в качестве предпринимателей, чтобы: 1) избежать исполнения бюрократических требований, применяемых по отношению к фермерам; 2) не осуществлять фискальный учет производства и сбыта сельскохозяйственной продукции и, следовательно, повысить уровень получаемых доходов; 3) иметь возможность сохранения мобильности в принятии решений в условиях неопределенности внешней среды.

Широкому распространению теневой экономики в сельском хозяйстве и агропромышленном комплексе в целом способствовали следующие факторы: 1) непродуманная аграрная политика государства, которая привела к спаду производства в АПК; 2) поспешность разгосударствления и приватизации, приведшая к тому, что лучшие сельскохозяйственные угодья оказались в руках отнюдь не лучших фермеров и зачастую используются не по назначению; 3) медленные темпы реформирования финансовой и социальной сфер, формирования рыночной инфраструктуры, приводящие к проблемам в сбытовой деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей и ухудшающих положение аграриев; 4) использование в результате взаимодействия криминальных структур с коррумпированными чиновниками средств, предназначенных для развития АПК, на другие виды деятельности; 5) бедственное положение значительной части сельского населения и обогащение руководителей крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных формирований за счет доходов, получаемых последними от деятельности в криминальном секторе экономики [15].

В процессе государственного регулирования экономики (в том числе в агропродовольственной сфере) следует учитывать, что такие сегменты теневой экономики, как фиктивная экономика, экономическая преступность и криминальная экономика, необходимо искоренять из хозяйственной практики, а элементы неформаль-

ной экономики следует легализовать, поскольку в случае выбора правильной формы их выведения из зоны неформальности они могут стать производительными и полезными для общества.

Система борьбы с теневой экономикой должна включать в себя репрессивные и побудительные меры, рассчитанные как на краткосрочный период, так и на длительную перспективу.

В краткосрочном периоде эффективными могут быть меры принудительного характера, поскольку подпольное производство и обычные типы уклонения от налогов достаточно легко выявляются при комплексном контроле со стороны таможенных и налоговых органов, а также органов внутренних дел. Однако использование только принудительных мер может привести к тому, что очень скоро найдутся пути для функционирования скрытой экономики в новом качестве.

В долгосрочном периоде необходимо разработать и реализовать государственную программу, содержащую комплекс мероприятий не карательного, а экономического, социального и правового характера. При этом следует учитывать, что многие отечественные предприниматели, задавленные налоговым прессом и бесконечными проверками исполнительных органов, издерганные часто меняющимися «правилами экономического поведения», зачастую вынужденно переходят в разряд теневиков. Их нельзя отождествлять с сугубо криминальными элементами теневой экономики и применять к ним одинаковые с последними меры.

Т. Бекжанова и Р. Ерманкулова предлагают следующую систему мер, способствующих сокращению теневого сектора экономики:

1. *Амнистия теневых капиталов.* Необходимо признать право неотъемлемой собственности всех хозяйствующих субъектов — резидентов Республики Казахстан на капиталы (за исключением полученных в результате совершения уголовных преступлений и осуществления запрещенных видов деятельности), которыми они обладают на дату завершения амнистии. Предпринимателям должна быть предоставлена возможность эффективного и безопасного вложения средств в официальный сектор экономики. В случае если мероприятия по легализации теневых капиталов будут приводить к изъятию последних из оборота, они должны уравновешиваться государственными инвестициями в официальный сектор экономики. Следует осуществлять гласное целевое перераспределение средств, полученных при ликвидации субъектов теневой и, прежде всего, уголовно наказуемой экономики, на финансирование государственных программ развития приоритетных отраслей экономики, инфраструктуры и социальной сферы.

2. *Усиление контроля над экономическими показателями предприятий.* Необходимо обеспечить кардинальное улучшение макроэкономических условий осуществления предпринимательской деятельности, поскольку усиление платежной и хозяйственной дисциплины может привести к «вымыванию» средств из реального сектора экономики, а форсирование насильственной легализации теневой экономики повлечет массовый вывоз из страны капиталов и, как следствие, уменьшение национального богатства и инвестиционного потенциала устойчивого социально-экономического развития.

3. *Активизация мероприятий по борьбе с коррупцией в органах государственной власти.* Предлагается освободить субъектов хозяйствования от ответственности за дачу взяток в прежние периоды, в случае раскрытия с их помощью фактов взяточничества государственных служащих [16].

Для вывода предпринимательства из «серой» экономики необходимо осуществлять:

- снижение налогового бремени;
- упрощение системы налогообложения и повышение ее стабильности;
- финансовую поддержку предприятий малого и среднего бизнеса;
- совершенствование финансово-кредитного механизма;
- снятие административных барьеров;
- создание условий для интенсивного развития производственной и инвестиционной деятельности.

Кроме того, необходимо постоянно повышать качество жизни населения республики, поскольку сложно бороться с криминализацией экономики в государстве, абсолютное большинство населения которого не имеет возможности для удовлетворения потребностей в индивидуальных и общественных благах, обеспечивающих физическое здоровье личности и ее доступ к тем невещественным благам, которые, в соответствии с принятыми в нашем обществе критериями, необходимы для нормального существования.

Реализация указанной системы мер должна привести к легализации теневого сектора экономики, повышению степени его подконтрольности, обеспечению занятых в нем хотя бы минимальных социальных гарантий, стимулированию развития малого и среднего бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Видрицкая Н.И. Этимологический аспект неформальной экономики // Аль-Пари. — 2004. — №2-3. — С. 30—33.
2. Зацепина Н.И. Теневая экономика в Казахстане // Актуальные проблемы образования и науки на современном этапе. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Том 1. — Кокшетау: Кокшетауский университет им. А.Мырзахметова, 2005. — С. 163—167.
3. Видрицкая Н.И. Этимологический аспект неформальной экономики...
4. Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы / Пер. М.С.Добряковой // Экономическая социология. — 2003. — Т. 4. — №5. — С. 34—53.
5. Видрицкая Н.И. Теневая и неформальная экономика в сельском хозяйстве // Аль-Пари. — 2005. — №1. — С. 91—94.
6. Рамазанов А.А., Барлубаев А.А. Теневые экономические отношения и собственность в сфере национальной безопасности // ANALYTIC. — 2004. — №2. — С. 43—47.
7. Толкумбеков С.М. Некоторые вопросы обеспечения экономической безопасности РК // Закон и время. — 2004. — №3-4. — С. 39—40.
8. Зацепина Н.И. Указ. соч.
9. Искандеров Р. Молочные реки, тупиковые берега: двусмысленное положение казахстанского животноводства // <http://www.centrasia.ru>.
10. Там же.
11. Бейсембаев Д.К. Проблемы легализации алкогольной отрасли в целях налогообложения акцизами // Вестник Казахстанско-Американского Свободного университета. — 2005. — Выпуск 4. — С. 148—153.
12. Нигматулина М. Приоритеты экономической безопасности в глобально-региональном контексте // Транзитная экономика. — 2004. — №5. — С. 89—95.
13. Видрицкая Н.И. Теневая и неформальная экономика в сельском хозяйстве...
14. Краткий статистический ежегодник. Статистический сборник / Под ред. К.С.Абдиева. — Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2004.
15. Видрицкая Н.И. Теневая и неформальная экономика в сельском хозяйстве...
16. Нигматулина М. Указ. соч.

Политическая реклама как фактор воздействия на поведение избирателей

УТЕШЕВ Д.А.

Демократизация общества, рост информационной активности, усовершенствование информационных технологий стали причиной и благоприятным условием развития политической рекламы в жизни общества. По мнению экспертов, политическая реклама — это форма политической коммуникации в условиях выбора, адресное воздействие на электоральные группы в лаконичной, оригинальной, легко запоминающейся форме [1]. Политическую рекламу можно рассматривать в различных плоскостях. Прежде всего, она представляет собой одну из сфер рекламной деятельности, наряду с экономической, социальной, юридической, профессиональной, личностной рекламой, рекламой услуг, межличностных отношений и т.д. Цель любого рекламного сообщения — побудить людей к конкретному действию, с желаемым и программируемым результатом, причем временной интервал между посланием и ожидаемой реакцией на нее должен быть как можно меньше, т.е. действовать следует «как можно быстрее, как можно энергичнее» [2].

Применительно к политической рекламе вполне определенно можно говорить о ее информационной функции, поскольку одна из задач, стоящих перед ней, — оповещение, ознакомление аудитории с политической акцией, кандидатом, партией, их программой, предложениями, преимуществами. Можно также отметить коммуникативные функции политической рекламы, так как она устанавливает контакт между носителями власти или претендентами на места во властных структурах и населением, осуществляет определенным образом направленную адресную связь между ними, используя предельно доступную для восприятия знаковую систему; она является своего рода проводником идей, ретранслятором образов, символов, мифов. Политическая реклама функционирует в условиях политической конкуренции, она выделяет собственный объект среди других (таким объектом может быть личность или партия, за которыми всегда стоит определенная система взглядов на социальные проблемы и способы их решения, на оптимальные пути устройства жизни в социуме), поэтому исследователи говорят о социально-ориентирующей, идеологической функции политической рекламы [3].

Политическая реклама функционирует не только в период избирательных кампаний, но и в промежутках между ними. Она служит, например, подспорьем для привлечения той или иной партией сторонников, вербовки новых членов, донесения до широких масс идеи или принципов новой партии, для побуждения людей к участию в какой-либо политической акции.

Субъектом политической рекламы является рекламодатель (политическая организация или отдельный деятель).

Объект рекламы — участники политического процесса, которым предстоит сделать тот или иной выбор, определить для себя ту или иную политическую ориентацию. В каждом конкретном случае эти участники составляют конкретную целевую группу.

Соответственно, цель политической рекламы заключается также в том, чтобы побудить людей к участию в каких-либо политических процессах, в частности, в делегировании тех или иных полномочий каким-то деятелям: иначе говоря, — побудить людей к тому или иному типу политического поведения, в том числе электорального [4].

Исходя из этого, политическую рекламу можно определить следующим образом: это форма политической коммуникации в условиях выбора, адресное воздействие на электоральные группы, имеющее целью преподнести «в крайне доступной, эмоциональной, лаконичной, оригинальной легко запоминающейся форме суть политической платформы определенных политических сил, настроить на их поддержку, сформировать и внедрить в массовое сознание определенное представление об их характере, создать желаемую психологическую установку, предопределяющую направление чувств, симпатий, а затем и действий человека» [5].

Методы рекламной деятельности относятся к числу коммуникативных методов, ориентированных на управление массовым поведением посредством воздействия на сознание людей. Реклама, в том числе политическая, пользуется как рациональными, так и эмоциональными способами воздействия на аудиторию. Эмоционально поданная информация усваивается быстрее. К тому же сами реакции людей зачастую непоследовательны, основаны на эмоциях.

Политическая реклама является одним из основных факторов, способных повлиять на формирование политического выбора избирателей. Политическая реклама играет существенную роль в предвыборной ситуации, она способна объединить различные ситуации, влияющие на электоральное поведение, структурировать их и подчинить избирательной стратегии. Она сводит воедино поведенческие реакции электората, задает им верное направление, которое может определить успех на выборах. Для того чтобы достичь этого, необходимо установить надежную связь между субъектом и объектом рекламы.

Как уже было отмечено выше, субъектом политической рекламы является рекламодатель или еще можно его назвать заказчиком, основная задача которого — создать и предоставить рекламную продукцию. Объектом являются участники политического процесса, которым предстоит сделать тот или иной выбор, то есть избиратели, они становятся потребителями рекламной продукции. Политическая информация как продукт по большей части доставляется потребителю «бесплатно», ее создание и доставку оплачивает заказчик, заинтересованный в формировании спроса на определенные товары и идеи. Потребитель расплачивается потом, когда покупает рекламируемую продукцию или способствует реализации рекламируемых идей.

Средний потребитель информации проводит перед телевизором и слушает радио минимум один-два часа ежедневно. Этого времени вполне достаточно, чтобы с помощью звука и видеоряда квалифицированные специалисты по нейролингвистическому программированию сформировали в сознании части зрителей и слушателей представления, нужные заказчикам, даже если эти представления противоречат реальности.

Для эффективного воздействия на избирателя разработчикам рекламы необходимо учитывать весь спектр интересов, запросов людей. Содержательное наполнение политической рекламы формируется под воздействием потребностей электората. В правильном сочетании запросов объекта и предложений субъекта и заключается ее основная коммуникативная задача.

Решение данной задачи — не быстрый и не последовательный процесс. Система факторов, формирующих политический выбор, — сложное, многоуровневое, но достаточно гибкое образование. Политический выбор, по мнению казахстанских экспертов, представляет собой подтвержденное действием политическое предпочтение, которое интегрирует в себе в той или иной степени различные аспекты политического сознания [6]. Причины, определяющие то или иное проявление электорального поведения, — это своего рода рычаги, управляя которыми по отдельности, комплексно или в различных комбинациях, можно варьировать как нюансы выборных ориентаций, так и общее их направление.

Однако, прежде чем рассматривать механизмы воздействия политической рекламы на систему факторов, формирующих политический выбор, необходимо проанализировать специфику электорального поведения людей. Специалисты по политическому маркетингу разделяют факторы, формирующие установки политического выбора, на субъективные и объективные. Данное деление достаточно условное: ни один из факторов не влияет на позицию избирателя однозначно и строго определено, не направляет его к выбору одним единственно возможным путем; каждый фактор срабатывает в комплексе с массой других. Кроме того, ни один из субъективных факторов, определяющих выбор, не является производной только внутренних установок избирателя — все они формируются под воздействием как сознания, так и бытия [7].

Психологические закономерности включения людей в политику можно раскрыть через общие потребности человека. Специалисты относят к ним физиологические потребности (в пище, одежде, жилье), потребности в самосохранении (в обеспечении безопасности, поддержании здоровья), в эмоциях (в обычной привязанности, в духовной близости, в отождествлении себя с другими, в желании не просто любить, но при этом чувствовать принадлежность к какой-либо группе), потребности в уважении со стороны других (в обладании престижем, в одобрении со стороны окружающих), в самоуважении (в чувстве собственного достоинства, самореализации, самовыражении) [8]. Хотя все эти потребности присущи подавляющему числу избирателей, у различных групп населения они развиты в разной степени и проявляются в разной форме. Например, удовлетворение физиологических потребностей в пище, одежде, жилище у одной группы населения может служить лишь поддержанию простого физического существования, а у другой — выражаться в стремлении рационально и вкусно питаться, красиво и модно одеваться, иметь удобное, комфортабельное жилье и т.д.

Наряду с потребностями, на выработку той или иной линии поведения оказывают влияние и более сложные причины или мотивы. Вообще «любая (или почти любая) деятельность является полимотивированной, то есть регулируется не одним, а несколькими мотивами» [9].

Мотивы формируются под влиянием ряда предпосылок — сознательных и бессознательных, рациональных и эмоциональных — и находятся в постоянном взаимодействии друг с другом. На их формирование влияет набор установок индивида,

то есть его предрасположенность к тому, чтобы определенным образом воспринимать обстоятельства, какими бы они ни были, и определенным же образом реагировать на них. Эти установки не являются врожденными, они возникают в результате разного рода отношений и взаимодействий, в которые человек вступает, начиная с детства и до зрелого возраста, — взаимоотношений в семье, школе, с друзьями, в рамках социального класса, к которому он принадлежит; его отношения к лицам, влияющим на формирование общественного мнения.

Соответственно, исследователи политической рекламы как «деятельности, формирующей общественные умонастроения, с психологической точки зрения сводят ее к процессам выработки установок» [10]. Включение механизмов рекламы на этапе осознания потребностей, совмещение их с предложением кандидата и дальнейшая кодификация в рекламных материалах могут стать одним из направлений ее воздействия.

Для успешного решения коммуникативных задач политической рекламы необходимо проводить детальные исследования политического пространства (законодательной, политической, демографической и экономической ситуации, системы власти, расстановки сил на политической арене, в экономической сфере и т.д.). Состояние этого пространства и ситуативные изменения во многом определяют направленность действий избирателей.

Чтобы достичь максимальной эффективности коммуникации политической рекламы, особое внимание следует уделять изучению общественного мнения, потребностей, мотиваций и предпочтений избирателей, определению целевых аудиторий. Очень важно обнаружить электоральную группу, принимающую кандидата в качестве лидера. Определение адресных групп необходимо, прежде всего, с коммуникативной точки зрения.

Обращение политической рекламы может быть адекватно воспринято только при условии, что авторы учитывают психологические, социальные особенности адресата, владеют его знаковой системой, имеют представление о характерных побудительных мотивах выбора и т.д. Трансляция на аудиторию однотипных сообщений не принесет желаемого результата, поскольку они не могут быть одинаково восприняты всеми.

Успешно решить коммуникативные задачи можно в процессе общения с аудиторией, отличающейся общностью различных характеристик, стереотипов восприятия, а также в процессе проведения социологического опроса. При этом фиксируется район проживания, пол, возраст, образование. Вопросы необходимо составить так, чтобы получить представление о степени политизированности респондента, его нацеленности на достижение результатов в предметной деятельности, во власти, в общении, временной ориентации на прошлое, настоящее или будущее. Выясняется также ориентация способностей респондента (интеллектуальная, эмоциональная, волевая).

Данные исследования необходимы для получения четкого представления о том, чего ожидает электорат от политического лидера. Поскольку каждый респондент принадлежит к одной из социальных групп, он является носителем групповых ожиданий. Эти ожидания, относящиеся к политическому лидеру, выявляются в результате последующих статистических обчислений. Зная электоральную группу, характерный для нее тип восприятия, можно приступить к планированию воздействия, к разработке комплекса приемов и мероприятий, а также моделированию точного образа, основанного на результатах опросов и ожидаемого электоратом.

Таким образом, при использовании тех или иных методов политической рекламы необходимо соблюдать эффективное равновесие, при выборе того или иного метода учитывать политическую ситуацию, состояние массового сознания в данный период времени, преобладание тех или иных механизмов восприятия в конкретной целевой группе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лисовский С.Ф. Политическая реклама. — М., 2000. — С. 27.
2. Ученова В.В., Старых Н.В. История рекламы: детство и отрочество. — М., 1995. — С. 3.
3. Лисовский С.Ф. Указ. соч. С. 49.
4. Шестопап Е.Б. Очерки политической психологии. — М., 1990. — С. 24—25.
5. Феофанов О.А. Что может политическая реклама // Коммунист. — 1991. — №12. — С. 57.
6. Абулкасова А.С. Влияние СМИ на политические предпочтения казахстанцев: опыт эмпирического исследования // Analytic. — 2004. — №2. — С. 20.
7. Ковлер А.И. Основы политического маркетинга. — М., 1993. — С. 8.
8. Лисовский С.Ф. Указ. соч. С. 81.
9. Школьник Л.С., Тарасов Е.Ф. Язык улицы. — М., 1977. — С. 168.
10. Старых Н.В. Специфика образности в публицистическом и рекламном типах текстов // Автореф. дисс. канд. филолог. наук. — М., 1993. — С. 62.

Влияние географического фактора на становление общественной структуры и формирование институтов государственности на Аравийском полуострове

АСАНБАЕВ М.Б.

Аравийский полуостров расположен на юго-западе Азии и является одним из самых географически замкнутых регионов мира. На западе омывается Красным морем, на юге — Аденским заливом и Аравийским морем, на востоке — Оманским и Персидским заливами Индийского океана. Ландшафт преимущественно пустынный и полупустынный (Большой Нефуд, Дехна, Руб-эль-Хали, Тихама и др.). Восточная часть представляет собой плато, которое начинается в пустыне Дехна и заканчивается крупной песчаной пустыней Руб-эль-Хали на юге.

К западу от плато раскинулась географически однородная центральная часть полуострова, в которой преобладают откосы, гравийные и песчаные пустыни. Цепь гор

проходит параллельно Красному морю. Годовые осадки составляют в среднем 100—200 мм. Дожди выпадают крайне неравномерно: от полного отсутствия осадков в течение десяти лет в пустыне Руб-эль-Хали до 500 мм в год в горах провинции Ассир. Подземные грунтовые воды, питающие редкие оазисы, в основном сконцентрированы на юге и юго-западе полуострова, в возвышенностях Ассира и Йемена [1].

В этих сложных природно-климатических условиях формирование развитого хозяйства было просто невозможным. Географический фактор Аравийского полуострова поставил местное население в зависимость от специфических природных условий региона, заставив большинство аравийских племен заниматься скотоводством в форме кочевничества. «Кочевое скотоводство было основным источником существования, основной отраслью производства у подавляющего большинства населения пустынной Аравии» [2].

Кочевой образ жизни большинства населения региона на протяжении многих веков не претерпевал каких-либо значительных изменений, поскольку испытывал на себе сильнейшее влияние географического фактора Аравийского полуострова.

Населявшие Аравийский полуостров семитские племена со временем стали отчетливо подразделяться на кочевников, заселивших большую часть полуострова, занятую полупустынями и пустынями, и на незначительное оседлое население, жившее в небольших живительных оазисах внутренних районов, а также в районах, выходящих к побережью Красного моря на западе, Персидскому и Оманскому заливам на востоке.

Сами кочевники, в свою очередь, делились на выходцев из «сильных» и «слабых» племен. Первые занимались преимущественно верблюдоводством и вели постоянный кочевой образ жизни. Скитаясь по бескрайним просторам Аравии, они стали известны как люди пустыни — бадауйун, т.е. бедуины. Вторые занимались разведением мелкого рогатого скота и кочевали только пять-шесть месяцев в году. В остальное время года они жили у колодцев и занимались оазисным земледелием. Арабы называли их людьми мелкого рогатого скота — ахль-аль-ганем.

У одних племен данной категории основой хозяйства было скотоводство, у других — земледелие. Племена, основой хозяйства которых было все же скотоводство, назывались шавийя, другие, отдавшие предпочтение земледелию, были известны как райя [3].

Иерархическое деление кочевников на «сильных» и «слабых» было не случайным явлением, а закономерным следствием природной адаптации. Дело в том, что в пустыне верблюд был для кочевника-бедуина не только единственным средством передвижения и пропитания, обеспечивающим его всем первым необходимым: молоком, мясом, жиром, шерстью, шкурой, но и самой надежной военной опорой. Мобильные и хорошо организованные отряды кочевников-бедуинов верхом на своих верблюдах были практически неуязвимой силой в этой среде. Даже небольшое войско бедуинов, которое за небольшое время могло покрывать огромные расстояния, представляло собой достаточно организованную грозную силу с быстрыми мобилизационными способностями. Этим, по большому счету, и обеспечивалось военно-политическое превосходство бедуинов над остальными, не верблюдоводческими племенами полукочевников и оседлых земледельцев.

Постоянная потребность в воде и бесконечный поиск новых пастбищных угодий заставляли кочевников-бедуинов жить обособленно в рамках строго ограни-

ченных небольших племенных образований и вынуждали племена делить между собой среду обитания на определенные племенные территории — дирахсы. Некоторые из этих племенных дирахсов по площади территории порой достигали довольно внушительных размеров [4].

Границы этих территорий носили условный характер и не имели четких фиксированных очертаний, так как определялись исключительно исходя из наличия в их недрах водных ресурсов в форме ручья или колодца, которые имели обыкновение периодически исчезать и появляться. Соответственно, каждое племя закрепляло за собой племенное право пользования водными источниками в пределах отведенной ему территории — дирахсы. Использование источника за пределами своей территории строго запрещалось. Нарушение этого традиционного пустынного закона, как правило, жестоко каралось хозяевами и часто приводило к возникновению ожесточенных межплеменных войн. «Использовать без разрешения колодец, принадлежащий другому племени, строго запрещалось, поскольку даже простое нарушение границы чужого дирахса могло привести к большой войне» [5].

В периоды сильнейших засух племена кочевников-бедуинов бросали насиженные места и в поисках источников воды проделывали огромные расстояния. Они были вынуждены выходить за рамки установленного для них района кочеваний, что провоцировало возникновение племенных войн за право обладания водоносными территориями. Причем такого рода миграции возникали с периодической частотой и были своего рода закономерностью в жизни кочевников-бедуинов.

Нерегулярное выпадение осадков во многих областях и неопределенная локализация пастбищ, наравне с расположенностью Аравии в жарком и засушливом поясе, приводили к тому, что маршруты перекочевков также являлись менее стабильными, а кое-где и менее регулярными, чем, например, в евразийских степях и на Среднем Востоке [6].

Основным видом хозяйствования оседлого населения Аравии было оазисное земледелие, для ведения которого люди издревле рыли порой стометровые колодцы, сооружали дополнительные подземные ирригационные системы и поднимали воду на поверхность с помощью подъемника, приводимого в действие верблюдом или самим человеком. Поднятая вода поступала в водосборный резервуар и оттуда растекалась по наземным каналам в оазисы. Ведение скромного оазисного земледелия было очень трудоемким занятием. Оазисное земледелие было основано на выращивании финиковой пальмы, поскольку данная сельскохозяйственная культура была наиболее рентабельным видом для выращивания в пустыни. Так, каждое дерево финиковой пальмы ежегодно приносит до 150 килограммов плодов и до 450—500 литров сока, а одна роща финиковых пальм насчитывает до сотни тысяч деревьев. Кроме того, «незначительные размеры оазисов покрываются возможностью заниматься здесь земледелием круглый год, получая по несколько урожаев» [7]. Таким образом, плоды финиковой пальмы были для оседлого человека тем же, что и верблюд для кочевника-бедуина. В свежем, сушеном и вяленом виде плоды финика шли в пищу, из его сока добывали сахар и делали местные напитки, а листья, волокна и ствол пальмы использовались в домашнем быту.

Полукочевники и оседло-земледельческое население Аравийского полуострова по отношению к кочевникам-бедуинам занимали подчиненное положение, поскольку в пустынных условиях, как уже отмечалось выше, военно-политическое преимущество традиционно было на стороне вторых. Отчасти это объяснялось и

тем, что сам тип оседлой жизни, сосредоточенный в условиях Аравии в редкостных оазисных полосах и окруженный огромным пустынным пространством, изначально обусловил неспособность полукочевого и оседлого населения сдерживать натиск быстро передвигающихся и выносливых отрядов кочевников-бедуинов.

Военно-политическая слабость полукочевого и оседлого населения проявлялась, прежде всего, в их неспособности отражать периодически практикуемые кочевниками-бедуинами грабежи и набеги. Тем не менее справедливости ради надо отметить, что кочевники-бедуины, как правило, практиковали грабежи и набеги не только в отношении полукочевого и оседлого населения, но и между собой. Для них это было даже в порядке вещей, своего рода кочевым обычаем — «газу». Однако этот бедуинский обычай имел мало общего с обычным грабежом. А.М.Хазанов полагает, что в известном смысле это скорее напоминает казахскую «барымту». В частности, он пишет: «Бедуинские “газу” и казахская “барымта” во многих отношениях отличались, например, от туркменских “аламанов”. Аламаны являлись ничем не прикрытым, не ограниченным и не регулируемым никакими правилами грабежом оседлого, в основном персидского, населения, на который оно практически не могло ничем ответить. Одной из его главных целей был захват рабов. Газу и барымта, когда они совершались между самими кочевниками, были явлением двусторонним и приводили к неэкономической циркуляции скота между различными кочевыми образованиями и их подразделениями, хотя и не без потерь» [8].

Однако в действительности «барымта» практиковалась в среде казахов только в случае возникновения между двумя казахскими родами вражды и означала насильственный захват принадлежащего вражескому роду скота [9]. Поэтому в данном отношении «барымта» несколько отличается от «газу», который некоторыми исследователями чаще всего характеризуется как узаконенный механизм перераспределения богатств среди богатых и бедных членов кочевого общества.

Кочевники-бедуины часто практиковали опустошительные набеги как на торговые караваны, так и в отношении полукочевого и оседло-земледельческого населения. Частенько они заходили в более отдаленные земли, доходя на севере до Сирийской пустыни и углубляясь на юге в пустыню Руб-эль-Хали. В результате набегов у кочевников-бедуинов время от времени появлялись пленные рабы — захваченные африканцы и азиаты. Бывали и арабы-невольники, но они, как правило, были из числа жертв долгового рабства. В основном много было выходцев из соседней Эфиопии. Небольшую их часть кочевники-бедуины оставляли у себя в прислугах в качестве нукеров-телохранителей, поскольку темнокожие молодцы обладали хорошими физическими данными, отличались выносливостью, атлетизмом и вообще считались хорошими воинами. «Чернокожие рабы-дружинники известны в Аравии еще с доисламских времен» [10]. Однако большая часть захваченных невольников переправлялась полукочевникам и оседло-земледельческому населению Аравии, поскольку «использование рабов для выпаса скота или в домашних работах обычно не давало существенного экономического эффекта, тем более что кочевое общество мало приспособлено для устранения возможности побегов» [11].

В оазисном же земледелии рабы были востребованы в качестве рабочей силы и поэтому охотно использовались в среде полукочевников и оседлого населения для выполнения самой тяжелой работы. Со временем их потомки получали свободу, хотя и оставались на самой низине социальной стратификации. Порой из их числа

формировались целые подгруппы родов и племен, постепенно растворявшиеся среди полукочевого и оседло-земледельческого населения аравийских оазисов. Бывали случаи, когда африканские вольноотпущенники оставались среди кочевников. Но эти случаи были крайне редки и относились к разряду исключений, поскольку кочевники-бедуины, кроме всего прочего, еще и ревностно соблюдали чистоту крови, считая себя выходцами из «благородных» племен.

В целом между кочевниками-бедуинами и полукочевым, оседло-земледельческим населением существовали различные формы взаимоотношений, складывающиеся в результате тех преимуществ, которые в данном смысле представлял собой кочевой образ жизни. Формы взаимоотношений зависели от характеристики природной среды определенной местности. В тех местах, где природа была особенно суровой и неприспособленной для жизни, бедуины были вынуждены практиковать частые набеги и грабежи в отношении полукочевого и земледельческо-оазисного населения. Там, где бедуины укладывались в экологическую нишу, без приложения особых усилий, вместо грабежей и набегов чаще практиковалась более разумная форма взаимоотношений, в виде навязывания бедуинами различных форм покровительства. В этом случае бедуины получали от жителей оазисов земледельческие продукты и необходимые для бытия ремесленные изделия, а взамен предоставляли своим данникам защиту и покровительство от возможных набегов других кочевых племен. Как правило, такая форма зависимости не мешала более или менее автономному развитию различных сегментов аравийского общества на протяжении многих столетий. Особенно наглядным была зависимость оседлого населения, которое платило кочевникам-бедуинам специальную дань за охрану и безопасность их земледельческих угодий и оросительных сооружений — хувву. В аналогичных взаимоотношениях с кочевниками-бедуинами были и полукочевые племена Аравии. Известно, например, что «еще в начале XX в. почти все полукочевые племена Сирии платили дань бедуинам анза, верхней Месопотамии — шаммарам, северо-западной Аравии и Хиджаза — бану сахр, бану хувейтат и некоторым другим, северо-восточной Аравии — мутейр и еще нескольким племенам» [12].

Кочевникам-бедуинам было выгодно установление и узаконивание такого рода подданныческих взаимоотношений с полукочевым и земледельческо-оазисным населением региона, особенно на долговременной основе. Надо признать, что аравийским кочевникам, благодаря влиянию географического фактора, это удавалось гораздо лучше, чем другим кочевым сообществам, поскольку сам тип оседлой жизни в небольших оазисах, разделенных бескрайними пустынями, изначально обрекал полукочевников и земледельцев на военно-политическую слабость. В этом отношении они сильно отставали от кочевников. К примеру, взаимоотношения казахов-кочевников с оседло-земледельческим населением южных регионов собственно Казахстана и Центральной Азии в целом складывались на совершенно ином уровне. Казахи-кочевники, так же как и бедуины, время от времени осаждали и захватывали оседло-земледельческие поселения, но у них не было той острой потребности в навязывании даннических отношений над оседлым населением, поскольку обширные степи Казахстана в сравнении с пустынной Аравией обладали идеальными условиями для ведения кочевого и полукочевого образа жизни и хозяйствования. Поэтому набеги были крайне редки, да и практиковались они, как правило, в отношении других кочевых родов, племен и народностей за право обладания новыми обширными пастбищными угодьями. Джунгарско-казахские

войны, длившиеся несколько столетий — наглядное тому свидетельство. В условиях же Аравии, как уже отмечалось выше, и первые, и вторые сильно зависели друг от друга. «Не случайно, что долговременные и стабильные отношения даннического типа между кочевниками и оседлым населением получили наибольшее распространение именно в Аравии и, особенно, в Сахаре» [13].

Вообще надо признать, что в навязывании и культивировании своего превосходства над оседло-земледельческим населением аравийские кочевники преуспели настолько, что оно проявлялось во всех сторонах жизни. Презрительное отношение к земледельцу среди кочевников существовало издревле. Эпитеты «раб», «сын раба», «дочь раба» и т.п., можно сказать, впитывались у молодых бедуинов с детства. Даже в наше время бывают случаи, когда молодым людям не разрешалось соединяться брачными узами, если родители одних являются выходцами из кочевого бедуинского племени, а родители с противоположной стороны исторически родом из оседлого сообщества.

Вплоть до XIX—XX вв., т.е. в период до трансформации кочевых родоплеменных образований в более устойчивые государственные образования, шейхи, правившие во внутренних районах Аравии (т.е. в землях, фактически никогда не бывавших в прямом подчинении у Османской империи), всячески подчеркивали свою принадлежность к кочевым бедуинам и разными путями стремились сохранить их лояльность. Например, к таковым можно отнести Аль-Хумайдов (шейхи племени бану халид, правившие в XVII—XVIII вв. Эль-Хазой и частью Неджда), Рашидидов (шейхи племенного объединения шаммаров в XIX—XX вв., правившие Джабаль-Шаммаром), Шааланов (шейхи племени руала, правившие в первой четверти XX в.). О своей принадлежности к кочевым племенам бедуинов любили напоминать даже такие оседлые правители, как саудовские Ас-Сауды, кувейтские Ас-Сабахи и бахрейнские Аль-Халифы [14].

Среди урбанизированного населения современных арабских стран также много тех, кто помнит и чтит свое кочевое происхождение. На этой почве в Египте местные бедуины противопоставляют себя земледельцам феллахам, в Иордании и Саудовской Аравии выходцев из бедуинских племен комплектуют в самые верные режиму королевские гвардии и элитные части войск.

Тем не менее, оценивая роль и значение различных сегментов аравийского общества, можно прийти к выводу, что все они тесно переплетены и взаимозависимы. Кочевники-бедуины, полукочевники и оседло-земледельческое население — все они являются единым социальным организмом. Их отношения строились на взаимосвязанности и взаимозависимости.

Постепенно племена стали образовывать сложную родоплеменную структуру, объединенную союзами ведущих родовых семейств-кланов (ахляф). Объединение племен доходило до уровня крупных племенных объединений, которые часто распадалась на отдельные ветви и ответвления. Между ними часто возникали кровопролитные межплеменные войны [15]. Самой известной является сорокалетняя война «Харб аль-Басус» между племенами таглиб и бакрит, произошедшая еще в доисламский период. Сведения об этой войне сохранились благодаря записям средневекового арабского историка Абу Убайды (конец VIII — начало IX вв.) в его исторической хронике «Дни арабов» [16].

Таким образом, сложные природно-климатические условия данного региона, объективно влиявшие на жизнь аравийских племен на протяжении многих столе-

тий, обусловили консервацию родоплеменной организации власти в аравийском обществе. Родоплеменная организация власти занимала не только важную роль в жизни аравийского общества, она еще являлась опорой всей государственности. Если же учитывать, что засухи, провоцировавшие подобного рода миграции, и вследствие этого постоянное движение племен были закономерностью для данной части мира, то столь сильная подверженность конъюнктурным изменениям политических образований региона становится вполне понятной. Как пишет знаток номадической культуры А.М.Хазанов, «отсутствие крупных ирригационных систем в Аравии, начиная со средневекового периода, и оазисный характер земледельческо-городской жизни всегда мешали ее объединению в единое государство. Помимо экологических препятствий, экономический потенциал полуострова был слишком невелик как для того, чтобы стимулировать возникновение крупных кочевых объединений, так и для создания больших и сильных оседлых государств. В отличие от кочевников евразийских степей, в Аравии сравнительно прочные объединения нескольких кочевых образований были редки и недолговечны» [17].

Становление и длительная консервация таких социальных единиц, как семья — род — племя, ставших структурообразующим элементом аравийского общества, на основе которого выстроена вся цепочка общественных отношений, также шло под мощным воздействием географического фактора. Так, в условиях ограниченной пустынной среды Аравийского полуострова и кочевой формы хозяйствования самым подходящим типом социальной организации аравийского общества был родоплеменной строй, поскольку именно существование в рамках небольшого родового или племенного объединения делало возможным соблюдение хрупкого экологического равновесия, при котором имело место сосуществование человека и природы. Этим отчасти объясняется поразительная живучесть указанных социальных единиц в аравийском обществе. Традиция родоплеменного деления в аравийском обществе существует и в наши дни, когда практически все население, за исключением незначительной части бедуинских племен, перешло на оседлый образ жизни.

Самым важным и значимым институтом аравийского общества была и остается семья, поскольку она основана на тесной экономической взаимосвязанности и взаимозависимости ее членов. Рост благосостояния одного члена семьи незамедлительно сказывался на благосостоянии всех остальных членов семьи. Потому каждый член в необходимый момент всегда готов прийти на помощь другому члену семьи. Семья была основана не только на экономических и родственных интересах, но и на принципе «асабийя» (верность родству по мужской линии).

Сегодня достойным примером семейной сплоченности являются палестинцы и иордано-палестинцы (палестинцы, имеющие иорданское гражданство), большинство из которых работает за пределами Палестинской автономии, в основном в богатых аравийских монархиях. Основную часть своих доходов они непременно переводят своим семьям, близким и родственникам на родине. Поэтому денежные переводы из-за рубежа — это одна из основных статей дохода всей палестинской экономики. В среднем один работающий палестинец содержит около десяти человек.

Тесная взаимосвязь и сплоченность также существуют на родоплеменном уровне. Молодые арабы — выходцы из кочевых бедуинских племен работают ныне на современных нефтепромыслах и постепенно оседают в городах, но непрерывно поддерживают связь со своими родителями и близкими родственниками, оставши-

мися в племени. Часть своей заработной платы они пересылают отцу семейства или вождю (аксакалу) племени.

Кстати, современное понятие слова «бедуин» указывает лишь на племенную принадлежность, а вовсе не на образ жизни той или иной группы населения. Иными словами, современный бедуин совсем не обязательно кочевник. Оседая в оазисах и городах, бедуины — выходцы из кочевых бедуинских племен становились торговцами, ростовщиками, земледельцами, шли на службу в армию и в полицию. В настоящее время этот процесс фактически завершен. Целые племена бедуинов давно уже перестали кочевать, осели в городах. Однако, став горожанами, вчерашние бедуины до наших дней в большей степени сохранили пережитки племенной организации, нежели другие сегменты аравийского общества.

Географический фактор оказал свое влияние и на формирование специфики экономических отношений местного населения, выраженное в том, что, в условиях родоплеменной организации власти и, соответственно, родовой взаимопомощи, в аравийском обществе соседствовали как частная, так и коллективная собственность. Так, каждая семья кочевника-бедуина могла иметь в собственности минимальное количество скотины, которое можно было содержать без ущерба для других семей. Однако закрепить собственность на пастбищные угодья было невозможно, поскольку в условиях скудной растительности от этого напрямую зависели экономические интересы других соплеменников. Поэтому вполне закономерным является закрепление за пастбищными угодьями коллективной собственности. Пастбища считались собственностью всего племени. Конечно, были исключения, когда шейхи и их семейства пользовались особой привилегией в применении пастбищных угодий внутри своего племени, но нерегулярность выпадения осадков и постоянная потребность в поиске новых пастбищных угодий всячески препятствовали формированию и закреплению достаточно четких принципов этой привилегии. Исключением был лишь четко отлаженный порядок доступа к питьевым источникам вследствие острого дефицита воды. Коллективная собственность, наряду с частной, сохранялась и у «оседлого населения оазисов — на обрабатываемые земли, источники орошения и участки для выпаса домашних животных» [18].

Хрупкое экологическое равновесие не позволяло жителям заниматься не только развитым хозяйством, но и интенсивным кочевым типом хозяйствования. Неудивительно, что политическая организация аравийского общества на протяжении многих столетий обладала признаками государственности лишь частично либо не в полной мере. В данном случае речь идет о признаках «кочевого типа государственности» как наиболее адаптированного к условиям природной среды региона, причем даже это определение можно дать с большой натяжкой. Эфемерные родоплеменные образования, как правило, не достигали соответствующего эволюционного уровня политической организации, в которой характерным было четкое разделение кочевого социума на господствующие и подчиненные классы. Члены общества, конечно же, имели различный иерархический статус, но это было связано с субъективно-личностными качествами отдельного индивида и зависело от могущества и авторитета его рода и племени, согласно военно-демократическим традициям. Классического социального расслоения как такового не было. Вместо этого было разделение по профессиональной принадлежности членов общества, например, на скотоводов, земледельцев, ремесленников, кузнецов и т.п. Отчетливым и значи-

мым было разделение родов и племен по линии «кочевники — оседлые», т.е. исходя из их образа жизни и типа хозяйствования.

Таким образом, можно сделать следующие взаимосвязанные и взаимозависимые между собой выводы.

Во-первых, географический фактор обусловил адаптацию к природным условиям данного региона не только образ жизни, тип хозяйствования, род занятий, культуру, менталитет и особенности общественной структуры, но и закрепил вплоть до позднего средневековья специфический характер общественного развития. Тем самым географический фактор оказал решающее влияние на длительную консервацию протогосударственной стадии общественной организации аравийских племен, поскольку для появления полноценных государственных образований* восточного типа в этой части Аравийского Востока отсутствовала благоприятная почва, в свое время обусловившая становление других восточных обществ. Поэтому с учетом того, что преобладающая часть региона имеет сухой климат с минимальным среднегодовым количеством дождевых осадков, когда вода являлась неотъемлемым императивом существования, никакое развитое хозяйство здесь в принципе не могло иметь место, не говоря уже о том, что Аравийский полуостров — это сплошные пустыни, по многим параметрам напоминающие безводную Сахару. Отсутствие потребности в осуществлении масштабных ирригационных работ сделало невозможным развитие поливного земледелия, следовательно, необходимость объединения в этих целях значительных масс людей, больших территорий и создания единого, централизованного руководства этими массами сама по себе отпала.

Во-вторых, при таком первостепенном влиянии географического фактора на жизнедеятельность человека самому сильному и значимому компоненту аравийского общества — верблюдоводческим племенам кочевых семитов — бедуинам приходилось постоянно мигрировать в поисках новых источников воды, плодородных оазисов и новых пастбищ для своего скота, что делало невозможным создание устойчивой централизованной государственности.

Кочевники-верблюдоводы в поисках питьевой воды практически постоянно находились в движении и проделывали огромные расстояния: из внутренних районов полуострова в сторону Сирийской пустыни на крайнем севере Аравийского полуострова, углубляясь в пустыню Большой Нефуд или перегоняя стада к окраинам пустыни Руб эль-Хали. В свою очередь, частое кочевание бедуинов приводило в движение оставшиеся компоненты аравийского общества, что создавало для полукочевых и оседлых насельников значительную трудность в закреплении в той или иной местности.

В-третьих, сказалась географическая удаленность Аравийского полуострова от материковой части Азии, где в разное время появлялись и исчезали различные цивилизации Древнего Востока, вследствие чего данный регион был лишен прямого воздействия со стороны древнейших цивилизаций. Как правило, первые государственные образования возникали на окраинах Аравийского полуострова: на территории современной Иордании, на севере Ирака и на юге Йемена (Вавилон,

* Исламский Халифат обладал чертами полноценного по тем временам государственного образования, но в таком виде он просуществовал сравнительно недолго, всего несколько десятилетий в период после зарождения ислама в VII в. и до окончания великих арабских завоеваний, т.е. при пророке Мухаммаде и трех его первых праведных халифах. Однако после раскола первой мусульманской «уммы» и вплоть до появления современных арабских монархических государств Персидского залива говорить о централизованном государственном образовании, функционировавшем во внутренних, преимущественно пустынных, районах Аравии, не приходится.

Набатей, Шеба, Химьяр и др.), в то время как политические образования внутренних районов полуострова были подвержены частым конъюнктурным колебаниям, при которых оседло-земледельческое население неизменно находилось в подчинении кочевников. Лишь в результате завоевания кочевниками отдельных оседло-земледельческих территорий на окраинах Аравийского полуострова на небольшой период времени возникали и исчезали государственные образования, поскольку для обеспечения растущих потребностей нового сообщества не хватало экономической возможности эксплуатации завоеванных земель.

Все эти причины в совокупности способствовали становлению специфической общественной структуры и длительной консервации политической организации аравийского общества, что растянуло переходный к государству период на многие столетия и оказало влияние на обособленное развитие аравийской государственности в целом. Перелом в общественном развитии наметился лишь с началом активной европейской экспансии в регион Персидского залива и появлением движения ихванов, под влиянием которых многочисленные родоплеменные объединения Аравии постепенно трансформировались в более стабильные государственно-политические образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советский энциклопедический словарь. Аравийский полуостров. — М., 1987. — С. 71.
2. Беляев Е.А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. — М., 1966. — С. 56.
3. Бодянский В.Л. Восточная Аравия: история и география. — М., 1986. — 339 с. (С. 66—67).
4. Ismail, I.N. Arabia And The Middle East. — Dhahran, 1995. — P. 291.
5. Ibid. P. 292.
6. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. — Алматы, 2002. — 604 с. (С. 136).
7. Бодянский В.Л. Указ. соч. С. 75.
8. Хазанов А.М. Указ. соч. С. 267.
9. Қазақ тілінің сөздігі. 2-ші том. — Алматы, 1976. — 109 б.
10. Хазанов А.М. Указ. соч. С. 273.
11. Там же.
12. Там же. С. 276.
13. Там же. С. 356.
14. Там же. С. 424—425.
15. Георгиев А.Г., Озолинг В.В. Нефтяные монархии Аравии. — М., 1983. — С. 10.
16. Ковырина Н.Б. Арабские страны. — М., 1999. — 144 с.
17. Хазанов А.М. Указ. соч. С. 136.
18. Бодянский В.Л. Указ. соч. С. 74.

Природа и специфика политического знания

ЖУМАКАЕВА Б.Д.

Если попытаться кратко определить сущностную особенность (можно сказать и так: дифференциальный признак — мы еще не единожды будем обращаться к понятиям, выработанным средневековой схоластикой) политического знания, то следует сказать: оно есть знание *практическое*. Причем если в большинстве естественных наук их первоначальный «практический характер» очень быстро эволюционировал в свою противоположность — то, что еще греки стали называть «теорией», или, шире, «эпистемой», то политическое знание, вплоть до конституирования в науку, так и осталось (опять используем греческий термин) «фронесисом».

Признанный авторитет, если не родоначальник, современной политической науки М.Вебер писал: «Наша наука, как и другие науки (за исключением разве что политической истории), занимающиеся институтами и процессами культуры, исторически вышла из практических точек зрения. Ее ближайшая и первоначально единственная цель заключалась в разработке оценочных суждений об определенных политико-экономических мероприятиях государства. Она была «техникой» в том же смысле, в каком таковой в области медицины являются клинические дисциплины. Известно, как такое положение постепенно изменялось, хотя принципиальное разъединение в познании «сушего» и «долженствующего быть сущим» не произошло» [1]. Если оставить последнее утверждение Вебера, целиком сводимое к его методологической позиции, в основном базирующейся на неокантианском «панметодизме» Баденской школы (заранее признаем все возможные ограничения, связанные с проблемой отнесения Вебера к этой школе), то можно сказать: за 2,5 тыс. лет, со времен Сократа, Платона и Аристотеля, понимание сущности политического знания в основе своей не изменилось: оно, скажем еще раз, прежде всего, «технэ», а не «эпистема».

Итак, с одной стороны, мы говорим об «эпистеме» (часто это греческое понятие переводят просто как «знание») и, с другой — противопоставляем ей «технэ» и «фронесис», не входя пока в весьма существенные различия между последними. В чем противоположность между первым и вторым типами *знания*? Опять же по необходимости упрощая, можно сказать: для греков прообразом всякого истинного знания (науки) было знание эйдетическое; Гадамер утверждает даже более решительно: «Для греков прообразом всякой науки является математика, знание о неизменном, знание, которое основано на доказательствах и которым поэтому может овладеть каждый» [2]. Конечно, между эйдетическим и математическим знаниями — «пропасть», едва ли меньшая в отношении установленной нами между «эпистеме» и «технэ»: достаточно вспомнить классификацию Лосева, сделанную им в «Философии имени» (а также и в «Античном космосе...»), но эту «пропасть» мы, памятуя о специфических задачах настоящего исследования, можем игнорировать.

Моральное знание, «фронесис» (чаще всего это слово переводится как «рассудительность»), тоже можно считать эйдетическим, но его никак нельзя считать

теоретическим. Моральное знание не стремится к установлению того, что есть (как бы оно ни было: как идеи Платона или как-либо еще). Будучи знанием о действующем человеке или, лучше, знанием действующего человека о себе самом, оно имеет дело не с тем, что есть, но с тем, что не только таково, как оно есть, но что еще могло бы быть другим. Человек «открывает здесь то, во что ему следует вмешаться. Его знание должно направлять его действия» [3].

Эту противоположность между практическим и теоретическим знаниями нельзя редуцировать до противопоставления истинного и вероятностного; практическое знание «фронесис» — это другой тип знания, оно «направлено на конкретную ситуацию» и, следовательно, «оно требует учета «обстоятельств» в их бесконечном разнообразии» [4].

Здесь нам представляется необходимым сделать еще одну оговорку, не лишнюю для современного читателя (и исследователя): где мы говорим о «моральном знании», предполагается его тождество со знанием политическим — в любой греческой школе, от ранних физиков (если они вообще об этом писали) до неоплатоников. Почему это так — здесь обосновывать не место; мы должны лишь напомнить, что таково было положение дел вплоть до самого недавнего (относительно) времени: различие, а тем более противопоставление, того и другого возникло лишь в XIX в., в тех течениях политической мысли, которые принципиально отталкивались от немецкой классики, то есть, прежде всего, в позитивизме (в какой-то мере — в немецкой исторической школе), и еще в XX в. не всем такое противопоставление представлялось даже просто научно корректным, не говоря уже о ее (противоположности) сомнительной моральной оправданности*. Во всяком случае, без веберовского различия «этики убеждения» и «этики ответственности» (о чем подробнее позже) такое противопоставление можно считать лишенным всякой (научной и какой бы то ни было другой) «респектабельности»**.

Итак, «фронесис», моральное знание, существенно отлично от знания теоретического. Но отличается оно и от знания технического. В различии «фронесис» и «технэ» лучшим проводником для нас послужит опять же Аристотель.

Начнем, однако, с Сократа (разумеется, каким он предстает в диалогах Платона). Когда Сократ искал истинного знания, единственное «место», где он нашел, пусть отдаленный, его прообраз — знание ремесленника. Ремесленник изготавливает некий предмет своего ремесла, руководствуясь его «идеями». Это — подлинное искусство, сноровка, а не просто высокая степень опыта. В этом смысле можно сказать, что «в политической области модель «технэ» играет значительную критическую роль, поскольку она раскрывает несостоятельность так называемого искусства политики — искусства, в котором всякий, кто занимается политикой, следовательно, всякий гражданин полагает себя сведущим» [5]. Конечно, это не так: политике, как и всякому «ремеслу», следует учиться, даже если эти мысли не принадлежат Сократу [современный политолог в значительно большей степени, нежели философ, вынужден быть осторожным в отождествлении «аутентичного»

* Наиболее ярким противником установившегося положения вещей можно считать профессора политической философии Чикагского университета Лео Страуса: его анализ политических отношений с опорой на классическое философское наследие, и прежде всего на «Никомахову этику» Аристотеля, демонстрирует нам научную плодотворность именно такого реализованного им подхода и в наше время.

** Склоки вокруг наследия Макиавелли, которого во многом еще и теперь не столько критикуют, сколько ругают, не столько исследуют, сколько «оценивают» возмущенным «моральным чувством», лучше всего иллюстрируют сказанное нами.

учения Сократа с тем, как оно изложено у Платона: несмотря на то, что мы не имеем других источников, нежели платоновские диалоги (не считать же серьезным источником написанное Ксенофонтом: во всяком случае, с философской точки зрения). К.Р.Поппер в своей знаменитой работе «Открытое общество и его враги» (к нему восходит влиятельная, особенно в англосаксонских странах, научная традиция «критического рационализма», причем влиятельная именно в области политических наук) попытался поставить под сомнение такую аутентичность. Спорить здесь с Поппером нет возможности, да и смысла в таком споре нет никакого: для того чтобы спор был продуктивным, надлежит иметь общую для него почву, каковой ни у автора настоящего исследования, ни, что, конечно, более важно и значительно, у научных традиций, на которые он опирается в настоящем исследовании и которые сделал предметом своего анализа, повторим, просто не существует, а принадлежат аристократически настроенному Платону, от этого высказанная мысль не становится менее истинной.

И все же у ремесленников платоновский Сократ не находит истинного знания. Гадамер пишет: «Существует в высшей степени своеобразное напряжение между "технэ", искусностью, мастерством, которому можно научиться, и тем знанием, которое приобретается благодаря опыту» [6]. Опытное знание не «ниже» и не «выше» — оно тоже просто другое. Соответствие, конечно, есть и «между совершенствованием нравственного сознания и совершенством в умении изготовлять что-либо, "технэ"... существует подлинное соответствие», но и «различия прямо-таки бросаются в глаза». Несмотря на то, что ни то, ни другое знание не является теоретическим, но и то, и другое — опытное знание, но для нравственного знания «опыт никогда не бывает достаточным, чтобы принять верное решение» [6].

Изначальная противоположность сводится к тому, что «человек не располагает собою так, как ремесленник располагает тем материалом, с которым он работает. Он не имеет возможности создавать себя самого таким же образом, как он создает что-то другое»* [7]. Аристотель ясно формулирует это различие, называя моральное знание знанием (блага)-для-себя. Здесь, по мнению Гадамера, происходит не только решительное отграничение морального знания от теоретического, но и от технического. Гадамер пишет: «Отграничение от технического знания представляет собой более сложную задачу, если, как это и делает Аристотель, определять "предмет" этого знания не как нечто всеобщее, всегда остающееся самим собою, но как нечто единичное, как нечто такое, что может быть и иным. Ведь, на первый взгляд, кажется, что в обоих случаях речь идет о вполне аналогичной задаче. Тот, кто умеет изготовлять что-либо, знает некое благо, и он обладает этим знанием "для себя", то есть знает, что он там, где есть такая возможность, действительно способен изготовить это. Он берет нужный материал и выбирает нужные средства для осуществления своего замысла. Он должен, следовательно, применить выученное им вообще к данной конкретной ситуации. Нельзя ли сказать то же самое о нравственном сознании? Также и тот, кто стоит перед нравственным решением, уже заранее нечто выучил. Воспитание и обычаи определяют его всеобщее знание о том, что правильно. Задача нравственного решения и состоит в том, чтобы поступать правильно в конкретной ситуации, то есть увидеть в конкретной ситуации

то, что правильно, и овладеть им. Следовательно, осуществляющий нравственное решение должен выбрать и пустить в ход надлежащие средства, и его действия должны быть столь же продуманными, как и действия ремесленника. И, тем не менее, это знание совершенно иного рода. Почему же?» [7].

Противоположность эта сводится к следующему.

Во-первых, «мы можем выучиться какому-либо "технэ", но можем и разучиться. Нравственному знанию мы не обучаемся и разучиться тоже не можем» [8].

Во-вторых, Гадамер выявляет «принципиальную модификацию понятийных отношений средства и цели, отличающую нравственное знание от технического», которая заключается в том, что «нравственное знание имеет не просто партикулярную цель, но относится к правильной жизни вообще и в целом — в противоположность чему, разумеется, всякое техническое знание является партикулярным и служит партикулярным целям». Техническое знание «инструментально» в точном смысле слова: там, где есть повод его применить, человек избавлен от необходимости обдумывания принципов такого применения, но должен лишь найти верный способ применения в соответствии (в ремесленном производстве, например) с особенностями материала и других, принципиально не отличающихся от названного, обстоятельств: «Там, где есть какая-либо "технэ", ей следует выучиться, и это одно уже позволяет найти верные средства». Напротив, «мы видим, что нравственное знание всегда и неизменно требует самостоятельного обдумывания»; «нравственное знание в принципе не может предшествовать действию, как предшествует ему то знание, которому можно научиться. Отношение средств и целей строится здесь иначе: знание верных средств не может быть заранее предоставлено в наше распоряжение, причем потому, что и истинные цели не являются в данном случае простым предметом знания» [9]. Последнее соображение весьма важно для области политики: именно она не знает однозначных целей, даже не в том расхожем и привычном смысле, когда различные партии и политические силы по-разному определяют цели своей деятельности в соответствии с различием своих идеологических (и любых других) установок: здесь как раз чаще всего все значительно проще, ибо предметом вождений подавляющего большинства активных политических сил является власть, она же — цель их политической деятельности, а различия программ и «принципов» (опять же чаще всего) — дело десятое. Дело как раз совсем в другом; оно начинает проясняться лишь в связи с вопросом о ценности самой власти и углубляется в связи с философским поиском смысла жизни, очень редко преобразующимся в поиск смысла жизни, что уже относится не столько к области философии, сколько религии. Однако и в политической теории сомнения в ценности власти открывают некую недоступную другим правду о ней: так было, например, в «апофатической социологии» Н.А.Бердяева, на Западе (во многом) — в «негативной диалектике» Т.Адорно, когда он «применял» ее к области политики.

Однако, возвращаясь к Аристотелю, следует сказать, что именно подобная неопределенность цели нравственного знания — то, что «не существует предварительной оправданности того, на что направлена правильная жизнь в целом», наконец, проблематичность содержания идеи Блага, критике платоновской концепции которого Аристотель посвятил в своих работах много места — приводит к тому, что определение понятия «фронесис» у Аристотеля «отличается характерной расплывчатостью, поскольку он подчиняет это знание то самой цели, то средствам, к ней ведущим». Это означает, что «цель нашей жизни вообще, а также ее раскрытие в

* Проблема «образования» и «образованности», как она анализируется Гадамером в связи с немецкими романтическими теориями и Гегелем, крайне важна именно для политической науки не только как проблема «образования гражданина», но и, что для нас важнее, как проблема «субъекта политического знания».

тех нравственных образцах, которые направляют наши действия и которые Аристотель описывает в своей этике, не могут быть предметом знания, доступного изучению». И Гадамер утверждает, что «скорее Аристотелево учение о добродетелях описывает технические образцы той середины, которой человеку надлежит придерживаться в его бытии и поступках, тогда как нравственное знание, ориентированное на эти образцы, суть то же самое знание, которое призвано ответить на требования конкретной и сиюминутной ситуации» [10].

Если внимательнее присмотреться к сказанному, то окажется, что политической науке хорошо известна эта проблема: учение о мере, о «золотой середине», примененное к учению о государстве, дало теорию лучшего государственного устройства у римских стоиков, прежде всего у Цицерона и Сенеки. Современная политическая наука в учении о формах государства ничего нового, в сущности, после римских стоиков не внесла. Это тем более интересно, что концепция, например Цицерона, явилась значительным упрощением учения Аристотеля о государственных формах; и это тем более странно и неожиданно, что значительная модификация данного учения, внесенная Кантом (прежде всего, в его разделении форм государственного устройства и форм господства), не была востребована политической наукой, что служило и еще до сих пор служит причиной как терминологической, так и предметной путаницы: еще Кант утверждал, что только монархическое правление реализует подлинную свободу и подлинный республиканизм, даже если не придавать значения той «юридической схоластике», которой он обставил доказательство этого положения как в «Метафизике нравов», так и в «Вечном мире».

Нравственное знание не «шаблонно», обдумывание средств в отличие от знания технического здесь само по себе «является размышлением нравственного порядка и со своей стороны конкретизирует нравственную правоту определяющих целей» [10].

В-третьих, «знание-себя, свойственное нравственной рассудительности, действительно характеризуется весьма своеобразной соотносительностью с самим собой. Это показывают модификации, вводимые Аристотелем в контексте его анализа понятия «фронесис». А именно рядом с «фронесис», добродетелью рассудительности, стоит сообразительность. Сообразительность суть модификация добродетели нравственного знания. Она возникает потому, что речь идет здесь не обо мне самом, но о другом. Она является, следовательно, разновидностью нравственного суждения. Мы говорим о сообразительности в тех случаях, когда, вынося суждение, один человек полностью переносится в конкретную ситуацию, в которой находится и должен действовать другой. Также и здесь речь идет, следовательно, не о знании вообще, но о его конкретизации в данное мгновение. Такое знание никоим образом не является техническим знанием или его применением. Опытный в житейских делах человек способен на истинную сообразительность в отношении того, кто действует, вовсе не потому, что он сведущ во всех делах и вообще во всем происходящем, но лишь потому, что он удовлетворяет одной предпосылке, а именно: он также стремится к справедливому и связан с другим этой общностью устремлений» [11]. Нравственное знание, таким образом, не просто есть основа социальности, но есть подлинная основа политики: как совместного дела, имеющего целью общее благо.

Интересен анализ Аристотелем процесса вырождения нравственного знания в «нравственную умелость». Он говорит о существовании людей, «умелых» в нравственной и политической области, которые настолько хорошо «знают» и «учитывают» особенности ситуации, что из любой могут извлечь выгоду лично для себя.

Это природное воплощение «фронесис» характеризуется, однако, тем, что «дейнос» использует свои способности, свою умелость, не руководствуясь нравственным бытием и потому и не ведая преград и вовсе не направляя их на нравственные цели. Отнюдь не случайно, что человек, отличающийся такого рода изобретательностью, обозначается словом, которое имеет также значение «страшный». В самом деле, «нет ничего более страшного, зловещего, даже опасного, чем использование гениальных способностей в дурных Целях» [11]. Излишне говорить, что именно в политике такие люди становятся особенно опасными.

Таким образом, из всего сказанного видно, что нравственное (политическое) знание, будучи практическим по своей сути, определяется моментом своего применения (аппликации), на чем нам представляется необходимым остановиться подробнее в наших дальнейших исследованиях.

Целью же данной статьи было определить как специфику политического знания, так и в общих чертах наметить ту границу, которую должно положить себе научное исследование политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. — Вебер М. Избранные произведения. — М., Прогресс. — 1990. — С. 346.
2. Гадамер Г.Г. Истина и метод. — М., Прогресс. — 1988. — С. 371.
3. Там же. С. 372.
4. Там же. С. 63.
5. Там же. С. 372.
6. Там же. С. 373.
7. Там же. С. 374.
8. Там же. С. 375.
9. Там же. С. 379.
10. Там же. С. 380.
11. Там же. С. 382.

Казахстан — Россия: социально-политический аспект взаимоотношений в первой половине XIX в.

ЗАВГОРОДНЯЯ С.В.

История взаимоотношений Казахстана и России насчитывает не одно столетие. Отношения наших стран на современном этапе показывают, что история и перспективы развития имеют под собой серьезные основания. Рассматривая взаимоотношения наших стран, следует учитывать, что политическая, социальная и культурная история тесно переплетены и требуют должного внимания к их изучению.

Наибольший интерес исследователей Нового времени связан с проведением реформ царизма в Казахстане в первой половине XIX в. Главной целью правительства в тот период было упразднение ханской власти и создание собственного аппарата управления на территории Младшего и Среднего жузов. Для анализа особенностей проведения данных реформ необходимо обратиться в первую очередь к характеристике социальной структуры традиционного казахского общества.

Социально-политическая структура Казахского ханства представляла собой условное деление на две основные группы — «ак сүек» («белая кость») и «кара сүек» («черная кость»). Данные группы имели существенные отличия в политическом, правовом и социально-культурном отношениях.

Первая социальная группа — представляла собой элитарно-закрытую часть номадного общества, в силу особого династического происхождения, и включала в себя четыре аристократических сословия: ханы, султаны, сайиды и кожа (ходжа). Представители данной социальной группы, имея высокий социальный статус, обладали наследственными правами.

Ханы и султаны вели свое происхождение от одной из правящих династийных линий потомков Чингис-хана — Урус-хана (1368—1377 гг.) [1]. Казахские султаны были освобождены от налогов и повинностей, за исключением военной, выполняли ее в качестве предводителя отрядов народного ополчения. Ханский титул мог быть приобретен только в результате официального избрания султана на курултае кочевой элиты путем вознесения на белой кошме [2]. Главным условием для провозглашения на ханский престол султанов была принадлежность данному сословию как по отцовской, так и по материнской линии.

Сайиды и кожа представлены в традиционном казахском обществе, начиная с XVI в. К сайидам относилась мусульманская элита, являющаяся потомками пророка Мухаммеда через его двоюродного брата и зятя, его дочери Фатимы четвертого «праведного» халифа 'Али б. Аби Талиба [3]. Сайиды явились распространителями ислама, имели не только привилегии, освобождавшие их от наказаний и смертной казни, беспрепятственно и на равных общаться с правителями, а также высказывать критику в их адрес за ошибки в решении политических вопросов и несправедливые поступки [4].

Социальная группа кожа также относилась к социально-привилегированным кругам традиционного казахского общества. На сегодняшний день существует несколько точек зрения по вопросу генеалогических корней данного сословия [5]. Бесспорным остается тот факт, что данная социальная группа не имеет общего предка. На территории Казахстана они были представлены в основном потомками духовных наставников суфийских братств, получивших распространение в Центральной Азии. Социальные обязанности кожа были определены распространением и сохранением в Степи мусульманского вероучения, совершения обрядов, обучения детей.

В социальной и политической жизни кочевников сайиды и кожа не играли столь заметной роли, как, например, в оседло-земледельческих регионах Центральной Азии. Главной задачей было определено поддержание культурно-религиозных традиций ислама в Степи. Они были хранителями литературы и письменности, часто выступали духовными наставниками казахских ханов и их наследников.

Вторая группа — «кара сүек» не являлась закрытой социальной структурой и не имела наследственных привилегий. Любой кочевник имел доступ в нее на основе имущественного положения и конкуренции в условиях кочевого хозяйства. К элите «черной кости» относились бии, батыры, выполнявшие функции народных судей и родоплеменных вождей; баи и старшины — лидеры родовых подразделений и аулов. Остальная часть казахского общества — шаруа, жатаки, кедеи — относилась к категории свободных общинников, однако по имущественному положению представители этой категории имели слабую дифференциацию и поэтому конкурировать с господствующими социальными группами казахского общества они не могли.

Наше внимание будет обращено к понятию «кочевая элита» и проблеме изменения ее определения в результате реформ царизма в Казахстане. На современном этапе ученые четко выделяют данную группу в традиционном казахском обществе, включая в нее ханов, султанов, сайидов и кожа.

Однако если обратиться к документам первой половины XIX в., то четко прослеживается тенденция изменения социальной стратификации казахского общества в результате реформ 20—40-х гг. XIX в., законодательной основой которых явились отмена института ханской власти и упразднение суда биев. Существенным отличием в реформах рассматриваемого периода было то, что в управлении территории Оренбургского ведомства могли быть исключительно представители султанского рода, происходившие из знатных и влиятельных ветвей чингизидов и выразившие стремление служить верно российскому престолу [6].

Изучение фондов архива Омской области указывает на то, что на территории Среднего жуза реформирование проходило несколько иначе. На службу царская администрация привлекала не только представителей элитных кругов казахского общества, но и активно сотрудничала с представителями второй социальной группы — биями и старшинами.

Царская администрация относилась внимательно как к их просьбам, так и предложениям, инициированным ими. Так, в «Записке» Старшего Султана Аягузского округа Сарты Ючина от 30 октября 1832 г. имеется ходатайствование по вопросу дозволения посещения главы государства для засвидетельствования ему верноподданнической преданности [7].

Спустя месяц после данного прошения в адрес генерал-губернатора Западной Сибири И.А.Вельяминова поступило еще одно прошение от Старшего Султана Кунуркульджи Худаменина: «...осмелюсь просить Ваше Высокопревосходительство удостоить иметь величайшее мне благо и счастье с избранными родоначальниками отправиться на собственном иждивении в Санкт-Петербург» для личного засвидетельствования императору «благодарных сердец народа» [8]. Оба Старших Султана были выходцами из социальной группы «кара сүек». Примечательным в данном случае является тот факт, что в середине декабря того же года Сибирский комитет удостоверяется о высочайшем рассмотрении и воле императора о согласии на прибытие ко двору Старшего Султана Сарты Ючина [9]. В марте были получены разрешения для прибытия в столицу Старшему Султану Акмолинского

округа К.Худаменину и чингизиду Старшему Султану Кокчетавского округа Сартаю Чингисову. Поездки Старших Султанов состоялись в течение 1834 г. [10]. Данные источниковые материалы указывают на заинтересованность российских властей в укреплении позиций в Степи и сохранении вводимых административно-правовых правил.

Политика администрации основывалась не только на привлечении к административным должностям представителей «ак сүек», но и любого индивида на основе имущественного положения и принципа меритократии, а также и на всяком поощрении элиты, принявшей подданство Российской империи. Документы, представленные генерал-губернатором Западной Сибири весной 1832 г. для представления к наградам офицеров, султанов, старшин, биев и мулл, четко подтверждают данный факт.

В частности, в списке, составленном генерал-губернатором Западной Сибири и далее представленном военному министру, указаны следующие представители кочевого общества для получения военных чинов и наград Российской империи: старшие султаны и султаны С.Ючин, Д.Шанхаев, К.Худаймендин, Я.Абдиллин; старшины Т.Базаров, К.Тезеков, И.Селитинов, Д.Сармантаев, М.Токтамышев, Т.Итемченев, К.Джантеков, Я.Янов, Т.Янгурчин; бии С.Таирбергенов, К.Искенин, Ч.Кучуков, Ч.Идыгин, Б.Турсунбаев. Обращает на себя внимание и тот факт, что указанные представители казахского общества администрацией Западной Сибири были рекомендованы к получению военных чинов русской армии, старшие султаны — к чином подполковников, а нижестоящие — от майора до поручика [11]. Привлекает в данном списке и тот факт, что в нем указаны военные офицеры из числа казахов, уже имеющие чин капитана (Т.Коченов, К.Сатыбалдин) и представленные военному министру для получения очередного чина — майора [12]. В данном случае можно предположить: если в списке отсутствует ссылка на принадлежность к какой-либо социальной группе кочевой элиты Турдунбека Коченова и Казангапа Сатыбалдина, то, следовательно, они находились на службе в царской армии на протяжении нескольких лет и, возможно, даже участвовали в военных экспедициях как подданные России. Это указывает на стремление властей сотрудничать с разными социальными группами казахского общества, где доминирующим фактором выступала верность империи.

Данные материалы дают возможность четко проследить условия сотрудничества Российской империи на территории Среднего жуза с местной аристократией в первой половине XIX в., а также наблюдать в некоторой степени «размывку» понятия «кочевая элита» в прежнем осмыслении данного понятия.

В вопросе взаимодействия и поддержки политики России на территории Младшего жуза ситуация складывалась несколько иначе. По реформе 1824 г. во главе частей Оренбургского ведомства поставило представителей «ак сүек».

Политическая стратегия в данном регионе была определена несколькими факторами:

1. В 1801 г. на территории междуречья Урала и Волги по указу императора Павла I было образовано новое административно-политическое объединение Внутренняя, или Буксевская, орда во главе с султаном Буксеем Нуралимовым, после смерти которого власть перешла к сыну — Джангиру. Провозглашая псевдогосударство, царизм стремился на его примере показать взаимную экономическую и

политическую выгоду, как для казахской элиты других регионов, так и для российских властей в целом.

2. На территории Казахстана наблюдалась локальность расселения таких социальных групп казахской кочевой элиты, как сайиды и кожа. В основном это были Чу-Таласское междуречье, Северное Приаралье и правобережная часть Южного Урала. В связи с этим можно сделать вывод, что царские власти четко определяли возможности и результаты сотрудничества как с представителями светской, так и духовной аристократии на территории Младшего и Старшего жузов, вплоть до вхождения последнего в состав империи.

3. Данные обстоятельства подчеркивали значимость в казахском обществе сословия сайид-кожа и его влияние на представителей «ак сүек».

Ярким представителем сословной группы сайид-кожа был сын Караул-кожа Бабаджанова Мухамад-Салих Бабаджанов. Сам Караул-кожа Бабаджанов был энергичным и влиятельным представителем сословия сайид-кожа, занимал важное место в политической и экономической жизни Западного Казахстана.

Мухаммад-Салих Бабаджанов (1832—1871 гг.) — талантливый этнограф, в 1862 г. награжденный за свои заслуги (работы по этнографии казахского народа) серебряной медалью Русского географического общества. Он явился первым автором, сообщившим ценные сведения по истории распространения суфизма в Западном Казахстане в середине XIX в.

Ахмет Жантурин (1810—1851 гг.) — внук хана Каипа, один из создателей генеалогического материала родословия султанов и кожа Восточной части Оренбургского ведомства, имевший чин полковника русской армии. В возрасте 20-ти лет самостоятельно изучил русский язык, прекрасно разбирался в вопросах управления и российского делопроизводства, коммерции. Кроме этого, им был составлен свод обычаев и законов в Степи, сохранивших свое значение до середины XIX в. Ученый-востоковед, член-корреспондент Петербургской академии наук В.В. Григорьев так отзывался об А.Жантурине «...султан нашел средства выучиться по-русски, не выезжая из степи, и знал русский язык в такой степени, что совершенно свободно читал и понимал "Отечественные записки" и другие журналы, которые постоянно выписывал. В Петербурге живы еще многие, могущие засвидетельствовать о том изумлении, в какое приводил он столичных ученых глубиной и проницательностью своих суждений и замечаний о явлениях европейской жизни и предметах науки» [13]. А.Жантурин выступал за развитие европейского светского образования в Степи, именно он положил начало обучению детей султанов, биев и старшин Младшего жуза в учебных заведениях Оренбургского края.

Полковник Мухамедгали Таукин (1809—1894 гг.) закончил Неплюевский кадетский корпус в Оренбурге и был одним из первых чингизидов, получивших классическое светское образование. На протяжении 20-ти лет правил Западной частью Оренбургского ведомства, пользовался уважением и характеризовался как добросовестный и эрудированный управленец. Круг его научных интересов был определен исследованиями в области народных ремесел казахов, торговли и хозяйства на территории Младшего жуза.

Несмотря на данные обстоятельства сотрудничества кочевой знати и царской администрации, детального изучения генеалогии, этнографии и истории казахского народа, царская администрация берет курс на постепенное отстранение элиты от дел в Степи.

Говоря о правящей элите Российской империи, следует заметить, что она была многонациональна, как само государство. Важным моментом в развитии политики на Востоке было включение ее в состав российского дворянства. Примерами данных действий могут выступать и присвоение военных чинов русской армии, и вручение наград представителям кочевой знати.

Так, после смерти Джангира (хана внутренней орды) все его дети были приняты на воспитание в Пажеский корпус. Самой заметной фигурой потомков Джангира был его четвертый сын — генерал от кавалерии Султан Хаджи Губайдулла Джангир-оглы Чингис-хан (1840—1909 гг.). За отличную учебу и примерное поведение из Камер-Пажей был внесен в Золотую книгу Пажеского корпуса. Офицерскую службу начал с чина корнета в Л.Гв. Казачьем полку отдельного Оренбургского корпуса.

В 1871 г. был назначен Флигель-Адъютантом Его Императорского Величества. Активный участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. За храбрость и личную отвагу, проявленные в сражении с турками под Плевной в августе 1877 г., был награжден золотой шашкой и в данную военную кампанию получил назначение начальника телеграфной корреспонденции в армии с подчинением ему телеграфов на театре военных действий и в тылу армии.

За боевые заслуги доблестный генерал был награжден практически всеми высшими орденами империи: Св. Анны I и II степени, Станислава I и II степени, Св. Владимира III и IV степени; иностранными орденами: сербским Большим офицерским крестом ордена Такова со Звездой, румынским Железным крестом, черногорской золотой медалью «За храбрость» [14].

Царизм, стремившийся закрепиться на территории Казахстана, был заинтересован в создании чиновничьего аппарата из числа казахов, так как это давало больше доверия чиновникам среди местного населения, а также знание родного языка, обычаев и традиций позволяло проводить более гибко политическую стратегию. Изменения в социальной стратификации казахского общества привели к сложению новой социальной группы — интеллигенции, которая явилась не только проводником идей Просвещения в Степи в XIX в., но и инициатором создания периодических изданий, политических партий в начале XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме // Потомки Чингиз-хана. — Алматы, 2001. — С. 129, 140.
2. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Изд. 2-е. — Алматы, 1996. — С. 347—349.
3. Ерофеева И.В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII—XIX вв. — Алматы, 2003. — С. 18.
4. Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтыншара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 гг. // Валиханов Ч.Ч. Собрание соч.: в 5-ти томах. Т. 3. — Алма-Ата, 1985. — С. 181—182.
5. Ерофеева И.В. Указ. соч. С. 22—23.
6. Там же. С. 43.
7. ГАОМО ф. 3, оп. 1, д. 1135. Л. 2.
8. Там же. Л. 4.
9. Там же. Л. 9.
10. Там же. Л. 129.
11. ГАОМО ф. 3, оп. 12, д. 17683. Лл. 44—44 об.
12. Там же. Л. 44 об.
13. Ерофеева И.В. Указ. соч. С. 48.
14. Арапов Д. Не посягать на религию и не стеснять обычаев // Родина. — 2004. — №2. — С. 70—72.

Источниковедческие и историографические проблемы военной истории Золотой Орды

КУШКУМБАЕВ А.К.

Наверное, не стоит доказывать, какое значение имела Золотая Орда в исторических судьбах народов и стран, располагавшихся на ее территории или вступающих с ней в разнообразные контакты. Примечательно, что историческая география Золотой Орды включала земли таких современных государств СНГ, как Россия, Казахстан, Украина, Молдова, Узбекистан и даже в отдельные периоды районы Закавказья. Без преувеличения можно сказать, что эта могучая кочевая держава была одним из самых крупнейших государств в средние века, а ее история стала целой эпохой в истории Евразии, которая надолго определила впоследствии вектор эволюции и внутреннюю природу их государственности. В этой связи хочется отметить, что без тщательного исследования этнополитической и социальной истории Золотой Орды (далее — ЗО) затруднительно будет понять и представить этногенез тюркоязычных народов (и не только) Поволжья, Северного Кавказа, Приуралья, Казахстана, Сибири и других регионов.

Источники. Основной массив сохранившихся письменных источников по ЗО написан за его пределами и самыми разноязычными авторами: арабскими, персидскими, русскими, монгольскими, китайскими, европейскими, армянскими летописцами, хронистами, историками, путешественниками, послами, чиновниками средневековых государств. В большей степени современники из сопредельных и отдаленных земель получали интересующие их сведения о ЗО в пересказе лиц (т.е. с их слов), посещавших ее территорию по разным причинам и в разное время или копировали уже имевшиеся данные. Собственно официальных золотоордынских документов сохранилось очень мало, так что исследователи, изучающие внутреннее положение ЗО, находятся порой в очень стесненном положении. К ним относятся грамоты, письма ханов ЗО, надписи на монетах. Тюркоязычные сочинения (например, написанные на «чагатайском тюрки») [1] более позднего периода (XVI—XVII вв.) также можно рассматривать, как хорошо информированные источники по золотоордынской эпохе. Ценность этого круга источников заключается в том, что они сохранили официальный (государственный) язык, военные титулы и термины, употреблявшиеся золотоордынской элитой, и исторические рассказы (взгляд изнутри на происходившие события) самих насельников Дешт-и Кыпчака. Это особенно важно тогда, когда присутствуют специфические понятия, которые со временем встречаются редко или вовсе не употребляются. Здесь необходимо также понять, что любой язык несет в себе и отражает этнический (свой) взгляд на окружающий мир, показывает особый менталитет и очерчивает свой ряд куль-

турных ценностей, присущих только им. Вникнуть в представления людей и что двигало человеком в ту эпоху — непростая задача.

Сохранившиеся письменные свидетельства по военной истории ЗО с учетом накопленного в них потенциала можно подразделить на несколько групп: 1) арабо-персидские сочинения; 2) русские летописи; 3) монголо-китайские источники; 4) тюркоязычные исторические произведения; 5) труды европейских авторов; 6) армянские хроники. Материалы героического (устного) эпоса тюркских народов (ногайцев, казахов и др.) можно выделить в отдельный дополнительный источник. При изучении военного дела особо важно, а иногда и первостепенное значение имеют вещественные данные (фрагменты, остатки вооружения и воинского снаряжения), выявленные в ходе археологических работ, экспонаты и материалы музеев и их хранилищ, обнаруженные в ходе раскопок фортификационные и оборонительные сооружения средневековых городов и городищ и другие артефакты. Помимо этого, большую информацию по боевому костюму воинов, характерных деталях военной экипировки и оружия, военного быта предоставляют изобразительные источники (особенно восточные миниатюры), которые отражают батальные сцены, изображают официальные приемы иностранных гостей и парадные выезды знати того времени. В данном сообщении речь пойдет только о письменных источниках, т.к. в нашу задачу не входит дать характеристику всему перечню указанных источников.

Особое и приоритетное место в источниковедении ЗО до сих пор занимает собрание арабских и персидских сочинений, извлеченных из ведущих западно-европейских хранилищ восточных рукописей в XIX в. и переведенных на русский язык известным российским востоковедом В.Г.Тизенгаузеном. Это «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» (СМИЗО) в 2-х томах, опубликованных в 1884 и 1941 гг. Второе переиздание этого труда, с включением некоторых дополнений, было осуществлено в Москве в 2003 г. Р.П.Храпачевским [2]. Стоит отметить, что при всем критическом взгляде и замечаниях специалистов по поводу переводов В.Г.Тизенгаузена, несомненно, что без этого сборника не может обойтись ни один исследователь монгольской эпохи и ЗО. Среди арабских сочинений выделяется летопись Ибн ал-Асира, в которой монгольские завоевания Средней Азии и стран Среднего Востока показаны на широком фоне и доведены до 1231 г. Данное произведение написано со слов очевидцев, свидетелей, лиц, принимавших участие в военных действиях, и дает реалистичную картину хода и результатов монгольского нашествия. К работе Ибн ал-Асира примыкают и разносторонне дополняют ее мемуары личного секретаря хорезмийского султана Джелал ад-Дина ан-Насави «Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны» — участника тех грандиозных потрясений, происходивших на мусульманском Востоке. Существенные (а порой уникальные) сведения содержатся в летописях и сочинениях арабского мира и Мамлюкского Египта, находившегося, как известно, в тесных военно-политических отношениях с ЗО. Это работы Ибн абд-Захира, ал-Муфаддала, Ибн Фадлаллаха ал-Омари, выписки из биографии султана Эль мелик ан-Насира, летописи Рукн ад-дина Бейбарса, Ибн Дукмака, ал-Мухибби, Ибн ал-Фората, история Ибн Халдуна, ал-Калкашанди, ал-Макризи, Ибн Арабшаха, Бадр ад-дина ал-Айни, энциклопедия ан-Нувейри, описания путешествия Ибн Баттуты и многие другие.

Персидские источники по истории монгольской империи имеют большое преимущество по сравнению с другими, особенно те, которые писались на ее политической территории и представителями официальных монгольских властей. Это «Таварих-и джахангушай» (История миропокорителя вселенной) Ала-ад-дина Ата-мелик Джувейни и «Джами ат-таварих» (Сборник летописей) Рашид ад-дина. Оба автора стоят на промонгольских политических позициях, т.к. являлись чиновниками высокого ранга в монгольской государственной администрации и освещают события с точки зрения своих заказчиков. В противовес им сочинение Джузджани «Табакат и-Насири» («Насировы разряды») написано явно противником монголов. Из персидских историков ведущее значение сохраняется за Рашид ад-Дином и его «Джами ат-таварих». Достоинством этого труда является не только обширность приводимого исторического материала, носящего, как отмечают востоковеды, характер подробной энциклопедии по истории и этнографии тюрко-монгольских народов средневековья, но и высокая степень достоверности представленных данных, т.к. Рашид ад-дин и его помощники пользовались закрытыми документами [например, «Алтан дэбтэр» («Золотая книга»), «Великая Ясса»], которые хранились в специальных фондах монгольских правителей и были недоступны для других. Кроме того, ценными информаторами Рашид ад-дина были сами монголы — знатоки старины. Из персидских сочинений по ЗО можно перечислить «Историю Вассафа», «Тарих-и-Гузиде» Хамдаллаха Казвини, «Тарих-и Шейх Увейс». Пожалуй, среди персоязычных источников стоит выделить сочинения, написанные в эпоху Тимура и тимуридов. Это «Зафар-намэ» («Книга побед») Низам ад-дина Шами, «Зафар-намэ» Шараф ад-дина Али Йезди, «Аноним Искендера» Муин ад-дина Натанзи, «Матла ас-садайн ва маджма ал-бахрайн» («Место восхождения двух светил и место слияния двух морей») Абд ар-раззака Самарканди, «Дневник похода Тимура в Индию» Гийас ад-дина Али и другие.

Из русских исторических известий надо назвать Лаврентьевскую, Ипатьевскую, Новгородские (1, 2, 3, 4), Галицко-Волынскую, Воскресенскую, Никоновскую, или Патриаршую, Псковские, Суздальскую, Тверскую, Троицкую летописи. Русские князья, вступая в близкие вассально-сюзеренные отношения с золотоордынскими ханами, так или иначе, вынуждены были следовать в фарватере монгольской политической и военной традиции. Поэтому русские летописи, являясь аутентичными источниками, имеют хорошую репрезентативность.

Из собственно монгольских источников главенствующее положение отводится всеми специалистами «Монгол-ун ниуча-тобчиан» («Сокровенное сказание монголов», или «Тайная история монголов» 1240 г.) по ранней истории монголов и периода формирования «Еке Монгол Улуса». Являясь по своей сути внутренним документом, подготовленным для чингизидской элиты, «Сокровенное сказание» по своему содержанию предоставляет специалистам обильные сведения по военно-политическому устройству монгольского государства и отражает мировоззрение господствующих социальных слоев. Из источников, написанных на китайском языке, называется хроника правления монгольской династии в Китае «Юань ши», подготовленная сразу после падения монгольского владычества в 1368—1369 гг.

Из тюркоязычных выделяются письменные произведения по истории ЗО, составленные в XVI—XVII вв. на основе ознакомления с уже имеющимися письменными материалами с интересными дополнениями исторических рассказов о своем прошлом «кары соз» самих кочевников Дешт-и Кыпчака. В современной востоко-

ведной научной литературе устное знание номадов о собственном прошлом широко привлекается в качестве важных источников и передается понятием «степная устная историология» (далее — СУИ), которое было введено известным казахстанским ученым В.П.Юдиным [3]. Таким ярким примером СУИ является сочинение хивинского историка XVI в. Утемиша-хаджи ибн Маулана Мухаммада Дости «Тарих-и Дост-султан» (более известное как «Чингиз-наме»), написанное по рассказам степных знатоков истории Улуса Джучи и его преемников. К их числу относятся также «Сборник летописей» Кадыргали-би Джалаири и «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази Бахадур-хана.

Из трудов западноевропейских авторов можно почерпнуть интересные факты, подробные описания быта, вооружения, способов ведения войны, нравов, взглядов средневековых монголов. Наиболее ранние известия о монголах сообщают в Европе записки венгерских миссионеров, в частности, письма монаха Юлиана, специально посетившего земли волжских болгар, башкир и русских в период и накануне великого западного похода Бату-хана. Правдивыми источниками о монголах до сих пор считаются «История монгалов» монаха францисканского ордена Плано Карпини, составленная в форме краткого отчета, «Путешествие в восточные страны» монаха-минорита Гильом де Рубрука и знаменитая «Книга» венецианского купца Марко Поло, изложенная в форме воспоминаний. Достоверность приведенных ими сведений не вызывает сомнений, т.к. они были свидетелями описываемых событий. К вышеуказанным источникам необходимо добавить сочинения: «Дневник путешествия ко двору Тимура (1403—1406 гг.)» испанского посланника Руи Гонсалеса де Клавихо, «Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г.» немецкого солдата-наемника Иоганна Шильберга, труд итальянского дипломата Иосифата Контарини «Путешествие в Тану и Персию», «Записки о Московии» австрийского посла Сигизмунда Герберштейна.

Армянские источники по монголам весьма значительны: «История Армении» Киракоса Гандзакети, «История инока Магакии» Григора Акнерци, «Летопись Себасци», «Летопись Степаноса», «Летопись Смбата Спарапета», «Летопись царя Гетума», «Хроника» продолжателя «Истории» Самуэла Анеци, «Хроника» Мхитара Айриванеци, «История» Гетума Падмича. Информационный потенциал армянских хроник достаточно высок и ничем не уступает другим.

Таким образом, взятые в совокупности вышеуказанные источники дают по интересующему нас периоду в целом достоверную информацию о событиях, происходивших внутри Улуса Джучи и его потомков.

Историография. Изучение ЗО имеет давнюю (преимущественно российскую) востоковедную историографическую традицию и насчитывает около двух веков. Более или менее освещенными (разработанными) можно считать процесс возникновения, основные этапы политического развития, внешнеполитические связи (особенно с Мамлюкским Египтом в XIII—XIV вв.), взаимоотношения русских княжеств и монголов, геополитические границы, административно-территориальное устройство, хронологию отдельных периодов, расположение городов и городскую культуру, этнический и племенной состав, язык населения ЗО. В то же время стоит обратить внимание и на то, что военное дело ЗО не стало объектом специального отдельного исследования в науке. Появившись в рамках единой Монгольской империи («Еке Монгол Улус»), ЗО, что интересно, не имела единого общепринятого названия, как

в период своего существования, так и позднее, что отмечено было ее исследователями (в источниках она фигурирует под самыми разными обозначениями)* [4]. Естественно, нельзя сказать, что вопросы военной истории ЗО вообще не рассматривались в трудах, затрагивающих ее историю. Это, наверное, выглядело бы нонсенсом. Историки, особенно те, кто изучал социально-политическую историю, прямо или косвенно касались военных аспектов (завоевательные походы, основы военной организации, оружие) ЗО. Более того, материальный состав вооружения, военное искусство кочевников ЗО плодотворно вовлекались в научный оборот специалистами, которые непосредственно занимались проблемами военного дела средневековых монголов. И, тем не менее, надо, видимо, признать, что военное дело этого государства вызывает большой интерес, т.к. ЗО возникла во второй четверти XIII в., прежде всего, в ходе и впоследствии ошеломительных военных триумфов монгольских рейдов на Запад. Именно фактор военного превосходства над другими государственными образованиями имел первостепенное значение в геополитическом господстве ЗО в этом районе Евразии в XIII—XIV вв.

Устойчивое внимание к военной истории монголов и их мировой державе наблюдается со второй половины XIX в., как в России, так и в других странах. Первым обобщенным трудом по военному искусству монголов в русской историографии является очерк, принадлежащий перу профессионального военного генерал-лейтенанта М.И.Иванина [5]. Несмотря на определенную ограниченность использованных источников, он смог дать разностороннюю характеристику боевым походам татаро-монгол XIII в. Вторая часть его очерка посвящена военному искусству среднеазиатских народов при Амуре Тимуре. Последующие общие описания по истории конницы базировались на его сочинении и не внесли ничего нового (А.С.Гринев, М.Н.Марков). Из исследований западных ученых можно указать на работы К.Д.Оссона, Х.Ховорса. Одной из самых удачных зарубежных работ по ЗО можно считать книгу немецкого востоковеда-тюрколога Бертольда Шпулера, который развенчал миф о «монголо-татарском иге» на Руси и убедительно доказал, что история русских княжеств XIII—XIV вв. — это неотъемлемая часть истории ЗО [6].

В 20-е гг. XX в. к монгольской военно-политической тематике обращается калмыцкий исследователь доктор Э.Хара-Даван (представитель евразийской научной школы). Его книга «Чингис-хан как полководец и его наследие» была скомпонована из ранее изданных и современных ему работ и представляет собой попытку на этой основе объяснить военную систему монголов XIII—XIV вв. [7]. Принципиальное значение для монголоведения, а если шире, то и для всего кочевниковедения, имеет серьезное аналитическое исследование Б.Я.Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», не утратившее своей актуальности и по сей день. Такое же положение в ориенталистике занимают многочисленные труды известного русского востоковеда академика В.В.Бартольда по истории Туркестана и монгольской эпохи.

В советский период внимание специалистов было сфокусировано на историю монгольских завоеваний и формирование татаро-монгольских государств. В це-

* В источниках и литературе встречаются следующие названия Золотой Орды: «Улус Джучи», просто «Улус», «Улуг Улус» (букв. «Великий Улус»), «улус Бату», «улус Берке», «улус Узбека»; или указывается имя правившего хана и его титул: «Берке, великий царь татарский», «Токта, царь татарский», «царь Токта, владетель Сарая и земель кипчакских», «царь Дешт-и-Кыпчака Токта», «Узбек, владетель северных стран» и т.д. Впервые термин «Золотая Орда» встречается в 1564 г. в русских летописях в форме «Златая Орда» и «Великая Орда Златая».

лом всемирная роль монголов в историческом масштабе в период с XII по XIV в. оценивалась как негативное явление, т.к. акцент делался на массовых убийствах гражданского населения, колоссальных разрушениях материальной культуры и ценностей завоеванных народов, создании концепции «монголо-татарского ига», социальном и политическом регрессе и всеобщем упадке торговли и ремесла и прочих. И, тем не менее, в СССР были опубликованы такие фундаментальные работы, как: «Монголы и Русь» (1940) А.Н.Насонова, «Золотая Орда и ее падение» (1950) Б.Д.Грекова и А.Ю.Якубовского, «Распад Золотой Орды» (1960) М.Г.Сафаргалиева, «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» (1966) и «Общественный строй Золотой Орды» (1973) Г.А.Федорова-Давыдова. Биография и деятельность Чингис-хана подробно изложена в книге «Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир» Е.И.Кычанова, выдержавшей несколько переизданий (1973, 1992, 1995). Нельзя не упомянуть академический сборник статей с участием ведущих специалистов-востоковедов «Татаро-монголы в Азии и Европе» (1977), в котором разнопланово рассмотрены и показаны глобальные монгольские завоевания в Евразии. В лучших традициях российского востоковедения сделано исследование В.В.Трепавлова «Государственный строй Монгольской империи XIII в.» (1993), где раскрываются механизмы государственного, административно-территориального и политического устройства монгольских улусов-государств.

Среди работ по ЗО, изданных за рубежом, необходимо отметить монографию яркого деятеля русского евразийства Г.В.Вернадского «Монголы и Русь», написанную на английском языке (Nev Haven 1953, переиздание на русском языке 1999 г.), в которой затронуты как военно-политические, так и социальные вопросы русско-ордынских взаимоотношений, влияние монголов на Русь и ее последствия.

На протяжении многих лет успешно и результативно работает по монгольской военной тематике специалист по вооружению древних и средневековых кочевников Евразии М.В.Горелик. Ему удалось реконструировать средневековый оборонительный доспех, военный костюм, оружие, боевое снаряжение коня монгольских воинов, представить организацию войска, секреты военного искусства киданей и монголов X—XIV вв. [8]. Исследования данного автора дают хорошую практическую и теоретическую основу для дальнейшего изучения военного дела в улусах чингизидов и их наследников.

Из разряда специальных оружиеведческих штудий нужно указать на работы неутомимого сибирского археолога и оружиеведа Ю.С.Худякова, посвященные вооружению и военному искусству кочевников Центральной Азии в эпоху развитого средневековья (XI—XIV вв.) [9].

Последней и наиболее крупной работой по военному делу монголов является книга Р.П.Храпачевского «Военная держава Чингисхана», опубликованная в серии «Военно-историческая библиотека» в 2004 г. На основе большого количества письменных свидетельств охарактеризованы особенности государственного функционирования монгольской империи; подробно описаны армия и тактическая разведка, осадные технологии, военная и внешнеполитическая стратегия, планирование военных операций монголов, завоевательные походы Чингис-хана и его последователей в первой половине XIII в., дан критический анализ источников и литературы.

Как видно из нашего краткого обзора источников и историографии по истории монголов и ЗО, в научной литературе существует сложившийся интерес к военному прошлому евразийских кочевников. Одновременно можно констатировать, что концептуального (целостного) подхода у специалистов к военной истории тюрко-монгольских государств чингизидов до сих пор не сформировалось. Изучение военного дела ЗО и населявших ее народов, на наш взгляд, имеет как научно-познавательную значимость, так и дает возможность понять и осмыслить цивилизационные и культурные особенности кочевников, создавших свою государственность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П.Юдина. — Алма-Ата: Гылым, 1992; Абу-л-Гази Бахадур. Родословное древо тюрков: Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана / Пер. и предисл. Г.С.Саблукова. — Казань, 1906.; Кадыр Али-бек. Сборник летописей. — Казань, 1854 (Библиотека восточных историков, издаваемая И.Н.Березиным. Т. 2. Ч. 1.); Бейсембиев Т. Среднеазиатский (чагатайский) тюрки и его роль в культурной истории Евразии (взгляд историка) // Рух-Мирас (Казахстанский культурологический альманах). — 2004. — №2. — С. 58—68.
2. Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. (Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г.Тизенгаузена). Ч. 1. Извлечения из сочинений арабских, Ч. 2. Извлечения из сочинений персидских / Составление, вводная статья и комментарии Р.П.Храпачевского. — М.: Наука, 2003.
3. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан. Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. — Алма-Ата: Наука, 1983. — С. 106—165.
4. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. — Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 1999. — С. 144—146; Егоров В.Л. Золотая Орда: мифы и реальность. — М., 1990. — С. 15—17.
5. Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. — СПб., 1875.
6. D'Ohsson, C. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusgu a Timour bey on Tamerlan, t. I—IV, ed. 3. — Amsterdam, 1892; Howorth, H.H. History of the Mongols from the 9th to the 19th century. — London, 1876. — Pt. I. The Mongols proper and the Kaimuks. — London, 1880. — Pt. II. The SO-called Tartars of Russia and Central Asia. Division. 1—11. — London, 1880; Spuler, B. Goldene Horde: die Mongolen in Russland. 1223 — 1502. — Leipzig, 1943.
7. Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV вв. — Алма-Ата, 1992 (переиздание).
8. Горелик М.В. Средневековый монгольский доспех // Третий международный конгресс монголоведов. — Улан-Батор, 1978. — Т. 2: Он же. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. — М., 1983; Он же. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XVI вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. — Новосибирск: Наука, 1987; Он же. Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1990; Он же. Армии монголо-татар X—XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. — М., 2002.
9. Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. — Новосибирск: Наука: 1991; Он же. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. — Новосибирск: Наука, 1997.

Рецензия

Нысанбаев А., Малинин Т. Нурсултан Назарбаев: Казахстан — территория мира и согласия. — Алматы, 2005. — 261 с.

АБИШЕВА М.А.

Перечень литературы, имеющей своей целью дать более или менее полную картину формирования современного полиэтничного и многоконфессионального казахстанского общества и роли Президента Н.Назарбаева в этом процессе, пополнился новым и ценным изданием — книгой видных казахстанских философов А.Нысанбаева и Г.Малинина «Нурсултан Назарбаев: Казахстан — территория мира и согласия».

Казахстан стоит сегодня на рубеже нового этапа социально-экономической модернизации и политической демократизации. Осуществляемая в стране стратегия сохранения и укрепления гражданского мира, межэтнического и межконфессионального согласия направлена на обеспечение социальной базы развития демократии.

Выступая с Посланием народу Казахстана «Казахстан на пороге нового рывка вперед в своем развитии. Стратегия вхождения Казахстана в число пятидесяти конкурентоспособных стран мира», Президент отметил: «...мы гарантируем и обеспечиваем полное равноправие всех религий и межконфессиональное согласие в Казахстане. Мы уважаем и развиваем лучшие традиции ислама, других мировых и традиционных религий, но строим современное светское государство... мы сохраняем и развиваем многовековые традиции, язык и культуру казахского народа, обеспечивая при этом межнациональное и межкультурное согласие, прогресс единого народа Казахстана».

Исследование А.Нысанбаева и Г.Малинина имеет целью представить картину формирования стратегии социально-этнической консолидации казахстанского общества сквозь призму идей и инициатив Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева по формированию и укреплению единства народа Казахстана, созданию такой общественной среды, в которой мирно сосуществуют различные этноконфессиональные группы. Рассматривается роль Президента в становлении казахстанской государственности, в реформировании казахстанского общества по пути демократических преобразований, в сохранении и укреплении гражданского мира и межэтнического согласия.

Президент Казахстана показан авторами исследования не только как выдающийся политический и государственный деятель, но и как крупный мыслитель, ученый-теоретик, который год за годом обосновывал и развивал в своих трудах, многочисленных публикациях и выступлениях концепцию межэтнического и межконфессионального взаимодействия и согласия. В итоге она обрела целостную форму казахстанской модели межэтнического и духовного согласия и стала основой для проведения выверенного курса государственной политики. Как справедливо отмечают А.Нысанбаев и Г.Малинин, «выдающийся, поистине неограниченный вклад в решение вопросов, определяющих социальное, культурное и политическое развитие

Казахстана, его смелое и необратимое продвижение в горизонты мирового сообщества, принадлежит Президенту Н.Назарбаеву».

В первой главе «Обретение государственной независимости и идеи Н.Назарбаева по стратегии этносоциального развития Казахстана» авторы анализируют идеи и инициативы Президента, определившие основные мировоззренческие и социокультурные основания межэтнического взаимодействия в условиях обретения независимости и перехода к рыночным отношениям. «В то сложное время Н.Назарбаев, на наш взгляд, являл собой политика наиболее честного в своих оценках происходящих событий, наиболее последовательного сторонника подлинно демократического переустройства всей системы общественных отношений, наиболее убежденного защитника тезиса, что только укрепление доверия между народами, консолидация всех здоровых сил общества могут привести к достижению поставленной цели».

Сегодня, по мнению авторов, можно говорить о системе мировоззренческих, политико-экономических, социальных и духовно-нравственных ценностей, оказывающих существенное влияние на все сферы жизнедеятельности казахстанского общества: реальный и действенный гуманизм; свобода и право выбора для каждого человека; политический плюрализм и социальная ответственность; любовь к своему народу, его истории и культуре, подлинный патриотизм; демократическое переустройство общества как основа всех изменений; общественная и духовно-нравственная культура; согласие, доверие и толерантность в отношениях между народами; прагматизм, твердость и последовательность в достижении поставленных задач; рыночная экономика на базе многообразных форм собственности, правовое государство и гражданское общество; общеказахстан-

ское единство как источник благополучия всех и каждого.

Эти ценности, по мнению авторов, оказались связанными воедино определяющим мировоззренческим ядром — концепцией межэтнического согласия, взаимодействия, консолидации всех этносов в целостный народ Казахстана. Именно решение этой основополагающей задачи стало условием претворения в жизнь социально-экономических и политических программ трансформации и модернизации казахстанского общества.

Вторая глава книги посвящена вопросам демократизации казахстанского общества и императивам социально-этнической консолидации. Одной из главных задач, стоявших в начале 1990-х гг. перед молодым независимым государством, был выбор стратегии этносоциального развития казахстанского общества. Как известно, в период с 1990 по 1993 г. существовали различные точки зрения в определении политической и национально-этнической идентификации Казахстана и выбора стратегии его развития.

Некоторые национал-патриотические силы обосновывали необходимость приоритетного развития титульного этноса, другие считали, что вопросы укрепления национальной общности казахов находятся в прямой зависимости от решения проблемы критической массы для коренного населения, т.е. достижения удельного веса казахов в составе населения до определенного минимума, например, свыше 50% и т.п.

Анализ складывавшейся тогда ситуации, по мнению авторов монографии, не был оптимистичным. Все говорило о возможном значительном увеличении отъезда из Казахстана русских, немцев, украинцев, евреев и представителей ряда других национальностей. В это сложное, противоречивое, наполненное политическими страстями и эмоциями время «наи-

более продуманную, взвешенную и конструктивную позицию занимал Президент страны Н.Назарбаев. Именно ему народ Казахстана обязан тем, что этот период не был отмечен острыми межэтническими и другими конфликтами и столкновениями. Он твердо продолжал политический курс в сфере межэтнических отношений, объявленный им в декабре 1991 г., на создание в Казахстане «высокоразвитой полиэтнической цивилизации, в которой возродится казахская нация, в которой будут свободно чувствовать себя все входящие в нее нации и народности». Эта мировоззренческая установка является тем основанием, которое определяет политические, культурные и духовно-нравственные приоритеты и ценностные ориентации на протяжении всей деятельности Президента Казахстана. На каждом конкретном этапе она обогащается, дополняется, уточняется, но сущностное содержание ее остается одним — в полиэтническом Казахстане каждый человек независимо от его этнической, религиозной, расовой и иной принадлежности должен чувствовать себя свободным, защищенным и уверенным в своем будущем».

В третьей главе своего исследования А.Нысанбаев и Г.Малинин акцентируют внимание на выдвинутых Президентом страны концептах согласия и толерантности как ценностных оснований межэтнических отношений в Казахстане. Авторы пишут о том, что в условиях развития суверенного и независимого Казахстана, перехода к рыночной экономике и демократическим формам организации общественной жизни Н.Назарбаев концептуально обосновал идею межэтнического согласия, углубил и развил ее в соответствии с требованиями времени и потребностями страны, обобщил бесценный опыт реально достигнутого в республике межэтнического согласия и взаимодействия.

По мнению авторов, «для Н.Назарбаева межэтническое согласие — это ценностное онтологическое основание существования полиэтнического социума, мировоззренческий принцип общения между людьми, народами, государствами. Такой подход очень продуктивен и конструктивен, поскольку, во-первых, способствует тому, чтобы система средств и способов нормативно-ценностной регуляции (традиции, обычаи, политика, право, мораль, мировоззрение, философия и др.), ее функционирование и развитие были ориентированы на становление человеческой личности во всей ее целостности и полноте; во-вторых, позволяет выйти за пределы опасной односторонности в понимании самой сущности преобразовательных процессов в обществе, заключающейся иногда в необоснованной гипертрофированности экономического рыночного фактора в ущерб культурно-духовным, нравственным и вообще гуманитарным ценностям; в-третьих, дает возможность обосновать механизм включения жизнедеятельности индивида в движение социального целого, раскрыть его отношение к миру, к другим людям, этносам и т.д., определить его ценностные ориентации, которыми он руководствуется и что в конечном счете определяет как характер и содержание его активности, так и выбор направленности и интенсивности его деятельности».

Политическое содержание межэтнического согласия выступает той основой, которая обеспечивает функционирование и развитие демократического общества, равенство всех перед законом, проявляет себя через социально-экономическую и политическую стабильность, гражданский мир, взаимопонимание и сотрудничество различных этнических образований, удовлетворение разнообразных потребностей человека, его развитие, которое осуществляется не в угоду ка-

ким-либо классовым, идеологическим, корпоративным, этническим интересам, а безотносительно к ним, т.е. свободно.

Среди тех институциональных структур, в функции которых входит обеспечение взаимодействия государственных органов и гражданского общества в деле упрочения гражданского и национального согласия, реализации национальной политики, по мнению авторов, особое место принадлежит Ассамблее народов Казахстана. Как отметил Президент в своем последнем Послании народу Казахстана, «Ассамблея народов Казахстана вот уже более десяти лет превосходно решает задачи единения многонационального народа Казахстана. Я не помню случая за это время, чтобы, принимая важное для страны и народа решение, мы бы обошли вниманием Ассамблею или не приняли бы в расчет ее позицию. Полагаю, что роль этого общественного института надо повышать».

Создание Ассамблеи, таким образом, стало одним из наиболее значительных достижений и яркой вехой того курса национальной политики, который проводит Президент Казахстана. Как пишут авторы, «была найдена достаточно эффективная форма взаимодействия государства и этнических групп, при которой осуществляется государственная поддержка процессов культурного возрождения народов, укрепления общенационального согласия, развития и интеграции культур».

Далее А.Нысанбаев и Г.Малинин отмечают, что Ассамблея народов Казахстана стала надежным союзником и партнером Президента в деле продвижения политики межэтнического согласия. При этом каждое выступление Н.Назарбаева на очередной сессии Ассамблеи является заметной вехой на пути развертывания стратегии согласия и взаимопонимания.

Таким образом, авторы книги делают вывод о том, что в Казахстане в результате реализации идей и инициатив Президента Н.Назарбаева создана модель полиэтнического общества, которая с полным правом может послужить примером для всего международного сообщества. Казахстан, по мнению философов, успешно переводит идеи согласия и толерантности из модуса «должного, идеального» в модус «наличного, реального», одним из первых являя всем другим бесценный опыт культуры сосуществования народов в полиэтническом и поликонфессиональном государстве.

Последнюю главу авторы посвящают вкладу Н.Назарбаева в формирование политики возрождения и развития национальных культур в полиэтническом обществе. С одной стороны, в стране созданы все необходимые условия и механизмы, способствующие развитию казахской культуры как фундаментального пласта общегражданской идентичности всех казахстанцев. С другой — государство одновременно решает задачи по сохранению и развитию языков, культурных традиций и обычаев всех народов страны.

По мнению авторов, модель межкультурного взаимодействия Н.Назарбаева, выстроенная на основе равноправной субъектности различных культур, позволяет снять возможность возникновения в общении этнических субъектов взаимной подозрительности, недоверия и отчуждения. Она способствует утверждению и закреплению в социально-политических структурах субъектно-субъектного принципа организации культурной жизни на всех уровнях посредством расширения демократического и правового пространства взаимодействия культурогенных субъектов, формирования гражданского общества, обеспечивающего свободную коммуникацию между культурами и субкультурами, диалоговый способ их общения.

Следуя логике Н.Назарбаева, считают казахстанские философы, под возрождением национальных культур надлежит понимать не просто возвращение к традиционно-этническим формам культурной жизни, что в некоторых случаях просто уже невозможно, да и не нужно, а наполнение современной функционирующей культуры национальным содержанием, актуализацию национально-этнического в ней, создание условий и механизмов для формирования национальной культуры как целостной системы, занимающей свою нишу в общечеловеческой культуре, обладающей своеобразием и уникальностью, способной к саморазвитию, самовоспроизводству и взаимодействию, а также утверждение такой культурной среды, которая включала бы в себя не только предметный мир ценностей традиционных, этнических культур, но и самого человека — мыслящего и созидającego.

Процесс возрождения национальных культур, к которому постоянно призывает Н.Назарбаев, должен осуществляться в форме трансформации и модернизации, исключая революционные скачки и конфликты, что означает отбор и включение в него того нового, что, став составной частью культуры в виде знаний, ценностей, системы норм и т.д. (в том числе и тех, которые относятся к традиционным формам культуры этносов), создает качественно новые возможности для деятельности человека, расширяет границы его развития как личности. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что овладение новым, внесение его в культуру имеет определенные границы, нарушение которых ведет к потере национальной самобытности культуры.

Для полноценного и конструктивного диалога конфессий и, соответственно, для поддержания стабильности и устойчивого развития независимого государства в Республике Казахстан сегодня

есть все предпосылки. К их числу, по мнению авторов монографии, относятся последние инициативы руководства Казахстана, и прежде всего Президента Н.Назарбаева, касающиеся продвижения отношений по линии ЕврАзЭС; важные перспективные решения нашего государства по проблеме правового статуса Каспия; предложения о создании в Алматы Международного штаба межконфессионального диалога, о принятии главами государств Евразийской хартии межконфессионального мира и согласия, проведении в Казахстане второго Международного съезда лидеров мировых и традиционных религий.

В настоящее время, как подчеркивает Президент страны, главной задачей казахстанской внутренней политики становится не только сохранение и укрепление межэтнического согласия, но сохранение и упрочение, прежде всего, межрелигиозной толерантности, межконфессионального диалога и согласия. Если эту сферу упустить из виду, не придав ей должного значения, то веками складывавшееся единство народов, населяющих Казахстан, может дать трещину, а это, конечно, повлечет за собой чрезвычайно опасные последствия, быть может, непоправимые. Другими словами, духовное согласие можно без преувеличения рассматривать как основание всех иных форм согласия, поскольку оно есть внутреннее мировоззренческое ядро межчеловеческих связей.

Таким образом, резюмируют авторы книги, в современном Казахстане во многом благодаря усилиям Президента Н.Назарбаева создана именно такая модель общественного устройства, где действительно реализован принцип свободы совести, государственного невмешательства в сферу мировоззренческих, нравственных, политических убеждений граждан. В своем Послании народу Казахстана «Казахстан на пороге нового

рывка вперед в своем развитии. Стратегия вхождения Казахстана в число пятидесяти конкурентоспособных стран мира» Президент отметил: «В международном сообществе уже получила признание наша последовательная политика, направленная на обеспечение толерантности, межконфессионального и межкультурного согласия представителей всех национальностей, проживающих в нашей стране и представляющих единый народ Казахстана. Народ, который активно строит современное и конкурентоспособное светское государство.

Именно поэтому я хочу еще раз подтвердить готовность Казахстана выполнять функции одного из центров межкультурного и межконфессионального диалога на международном уровне, тем более что мы уже располагаем подобным опытом».

Именно при таком типе взаимоотношений религии и государства, на практике реализованном в Казахстане, когда все конфессии, за исключением экстремистских, получают максимальную сво-

боду отправления религиозного культа и вместе с тем освобождаются от несвойственных им политических функций, межконфессиональный диалог становится действенным механизмом общенациональной консолидации, укрепления духовного и гражданского согласия в обществе.

Выявление и утверждение авторами концептов, на которых базируется государственная религиозная и национальная политика в Республике Казахстан в качестве универсальных и общечеловеческих ценностей, несомненно, будет способствовать дальнейшему укреплению гражданского мира и межэтнического согласия в Республике Казахстан.

Таким образом, монография А.Нысанбаева и Г.Малинина проясняет и обосновывает концепцию межэтнического и межконфессионального согласия с философских, мировоззренческих позиций и поэтому, на наш взгляд, будет интересна не только политическим деятелям и научным работникам, но и всем тем, кого интересуют проблемы развития современного Казахстана.

Daly J.C.K., Meppen K.H., Socor V., Starr F.S. Anatomy of a Crisis: U.S. — Uzbekistan Relations: 2001—2005. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2006. — 110 p.

ЛАУМУЛИН М.Т.

В ведущем мозговом центре США, занимающемся проблемами Центральной Азии, Институте Центральной Азии и Кавказа (Университет им. Джонса Хопкинса) в Вашингтоне увидела свет книга, а точнее, аналитический доклад «Анатомия кризиса», посвященный узбекско-американским отношениям в период с 2001 по 2005 г. Его авторы — группа аналитиков института во главе с известным специалистом по Центральной Азии проф. Фредериком Старром.

В докладе сделана попытка выявить причины кризиса в двусторонних отношениях, установить его влияние на геополитические интересы США в регионе и проанализирована общая ситуация в регионе. В докладе отмечается, что главной причиной ухудшения взаимосвязей и провала всей американской политики в отношении Ташкента была изначально неправильно выбранная стратегия, подразумевавшая формальный и нескорректированный подход различных ве-

домств США. Вашингтон чрезмерно сконцентрировался на проблеме Афганистана и борьбы с международным терроризмом и упустил момент, когда Ташкент начал сближаться с Россией и Китаем. Вместо того чтобы реально помочь И.Каримову в борьбе с собственными исламистами, США постоянно раздражали его своей критикой в области демократии и прав человека.

В связи с публикацией данного доклада, имеющего большое значение для анализа контекста всей американской стратегии в регионе, возникает вопрос не о том, что сказали авторы, а о том, о чем они умолчали. Анализ двусторонних отношений США и РУ наводит на многие вопросы, главный из которых звучит следующим образом: почему фактически закончилась провалом стратегия Вашингтона в отношении Ташкента, который с середины 1990-х гг. рассматривался в качестве перспективного партнера США и проводника американских интересов в регионе. Попытаемся ответить на этот вопрос.

Если Казахстан имеет для США геополитическое, «евразийское» значение, то Узбекистан — исключительно региональное. Поэтому с середины 1990-х гг. Соединенные Штаты концентрировали свои усилия на Узбекистане, исходя из того факта, что эта страна является «стратегическим ядром» Центральной Азии.

В начале 1990-х гг. американские политики и стратеги достаточно прохладно относились к Узбекистану, а ставка в то время делалась на Казахстан с его нефтяными перспективами и ядерным оружием. Каримов ассоциировался у клинговских стратегов с политикой противодействия рыночным и демократическим реформам, консервацией старой экономической модели, репрессиями в советском стиле, а также со слишком близкими отношениями с Россией. Правозащитные организации критиковали

Каримова за выборы и жесткую политику в отношении оппозиции.

В продвижении своих интересов в Центральной Азии американцы сделали главную ставку на Узбекистан. Обладая наибольшим военным потенциалом, занимая срединное географическое положение среди центральноазиатских республик и имея практически однородное в этническом отношении население, эта страна считается на Западе ведущей в Центральноазиатском регионе с точки зрения военно-стратегического характера и может играть активную роль в развитии военно-политической обстановки в Центральной Азии.

Но к середине 1990-х гг. ситуация начала постепенно меняться: в Вашингтоне обратили внимание, что Узбекистан обладает самой устойчивой культурно-исторической традицией в регионе, наибольшим количеством населения, самой боеспособной (по крайней мере, крупной) армией и в принципе может играть регионального гегемона. К тому времени Казахстан начал стремительно возвращаться в орбиту России, особенно по каспийской проблеме, а Узбекистан, наоборот, стал отдаляться от Москвы. Этому способствовали ряд причин, главная из которых состояла в том, что нормализовалась ситуация в соседнем Таджикистане. Более того, сознательно или нет, но Ташкент стал позиционировать себя в качестве противовеса России в Центральной Азии. В клинговской администрации, у которой не было внятной стратегии в отношении региона, кроме маловразумительной «доктрины Тэлбота», это поняли и оценили. В этот период начал набирать оборот узбекско-американский геополитический роман, агонию которого можно было наблюдать в 2005 г.

На определенном этапе Каримов стал понимать, что в угоду США можно не устанавливать реальную демократию, а

обойтись ее имитацией для успокоения западных либералов. Поворот в геополитических ориентирах Ташкента относится к июню 1996 г., когда И.Каримов нанес визит в США, в ходе которого У.Клинтон дал понять узбекскому партнеру, что его администрация рассматривает Узбекистан в качестве ключевого государства в Центральной Азии. В 1997 г. Американские инвестиции достигли \$800 млн; на повестке дня стояли проекты на общую сумму \$2 млрд. В Ташкенте планировали, что американские инвестиции пойдут в нефтегазовый сектор страны.

Своего апогея американо-узбекское сближение достигло в апреле 1999 г. на 50-летнем юбилее НАТО в Вашингтоне. Узбекистан был принят в ГУАМ — новый антироссийский геополитический проект, а США и его атлантические союзники не скупилась на комплименты в адрес Ташкента и занятой им жесткой антироссийской позиции. В мае того же года Узбекистан демонстративно вышел из Договора о коллективной безопасности.

Свою политику в отношении РУ Вашингтон строил, исходя из следующих задач: закрепить на долгосрочную перспективу свое военное присутствие, побудить Ташкент к радикальной либерализации экономики и крупномасштабным социально-экономическим и финансовым реформам, поддерживать «особую» позицию РУ в отношении СНГ, ГУУАМ, ОДКБ и ШОС, относиться с пониманием к интересам Узбекистана в Северном Афганистане, но при этом не сдерживать по мере необходимости внешнеполитические амбиции Ташкента, поощрять под своим контролем региональные претензии Узбекистана, не допустить нежелательного для США поворота событий в этой стране — крупных социально-политических потрясений, резкой смены власти, усиления исламистов и т.д.

В обмен на предоставление баз Соединенным Штатам Узбекистан в сен-

тябре 2001 г. получил военную помощь. Таким образом, Узбекистан превратился в глазах США из страны-изгоя, управляемой авторитарным диктатором, в важнейшего союзника Америки в борьбе с международным терроризмом. В январе 2002 г. новый стратегический союз закрепляется конкретными делами: на территории Узбекистана появляются три военных базы, которые в Пентагоне упорно называли «операционными опорными точками».

Ташкент на волне эффекта от 11 сентября стремился закрепить статус Узбекистана как привилегированного союзника Вашингтона в регионе, использовать возросший интерес США к республике для расширения гарантий ее безопасности, решения экономических проблем, а также нейтрализации группировок исламистов. По мнению лидера Узбекистана, формировались благоприятные условия для укрепления влияния этой страны во всем регионе, позволяющие Узбекистану стать «арбитром не только в Центральной, но и в Южной Азии».

Между тем Белый дом имел определенную и четкую информацию со стороны своих аналитических структур о том, что режим И.Каримова может со временем создать серьезнейшую угрозу безопасности США в Центральной Азии. В частности, в одном из докладов отмечалось, что «его жестокие репрессии в отношении мусульман не столько подавляют в Узбекистане исламский экстремизм, сколько способствуют его процветанию, а его застойная экономическая политика влечет за собой все большую изоляцию страны и ее обнищание».

Эти стратегические центры настойчиво советовали администрации Дж.Буша увязать продолжение военно-политического сотрудничества с осуществлением демократических реформ. Как бы ни были важны созданные на территории этих государств военные базы, США

были заинтересованы в принятии мер с тем, чтобы Центральная Азия не превратилась со временем в очередной Афганистан.

На определенном этапе (по-видимому, в 2003—2004 гг.) Белый дом пришел к выводу, что дальнейшее сохранение внутривосточного и социально-экономического курса, проводимого И. Каримовым, содержанием которого была не просто жесткая, но чрезмерно репрессивная политика, грозит дестабилизацией страны. В то же время И. Каримов упорно игнорировал сигналы, которые посылали ему Запад, о необходимости либерализации режима. Таким образом, США пришли к выводу, что режим И. Каримова не подлежит модернизации или либерализации. За политическими претензиями США к И. Каримову крылось в реальности недовольство его экономической политикой, которую американцы все более считали неэффективной и потому ведущей страну к серьезному кризису. А тем временем Каримов делал все, чтобы ухудшить отношения с США.

В целом американская стратегия в отношении Узбекистана страдала серьезными противоречиями. Рассматривая Ташкент в качестве своего важнейшего плацдарма в Центральной Азии, США одновременно были вынуждены критиковать режим И. Каримова, исходя из тактических (демократизация, права человека) и стратегических (опасение роста радикальных и исламистских настроений вследствие репрессивной политики режима) соображений. Это главное противоречие наглядно проявилось во время событий конца марта — начала апреля и терактов в июле 2004 г. Запад фактически обвинил И. Каримова в стимулировании своей политикой широко-го социального недовольства в стране.

После событий в Андижане в мае 2005 г. и, особенно, после Астанинского саммита ШОС в июле узбекско-амери-

канские отношения достигли кризисного состояния. Ташкент не только ограничился устной декларацией, как это сделал Бишкек, но вынудил США закрыть базу в Ханабаде, что произошло в конце ноября 2005 г. Со своей стороны Вашингтон не снижал давления на Узбекистан в связи с андижанскими событиями, нарушениями прав человека и общей ситуацией в стране.

В ходе событий в Андижане в мае 2005 г. режим И. Каримова продемонстрировал Западу (при полной политической поддержке Москвы и моральной — со стороны Астаны), с одной стороны, что он способен решительно пресекать любые попытки дестабилизации страны, с другой — Ташкент однозначно развернулся от Запада в сторону России. На первом этапе действия Вашингтона вошли в разрез с европейским предложением о предъявлении И. Каримову ультиматума, на который он должен ответить в течение строго определенного срока: либо он соглашается на проведение международного расследования, либо его ждут новые санкции в виде эмбарго на ввоз оружия и отказа в выдаче виз дипломатам. Но американская сторона не решилась загнать Каримова в угол, а предпочла попытаться расположить его к конструктивному диалогу о сотрудничестве.

Узбекистан превратился в ключевое противоречие американской внешней политики между госдепом и минобороны: что имеет большее значение — распространение демократии или борьба с терроризмом? Пентагон хотел бы сохранить доступ к авиабазе; в свою очередь, представители Госдепартамента отстаивают более жесткую линию поведения, предусматривающую политические изменения как ключевой фактор, способный предотвратить дальнейшие беспорядки.

В этой ситуации Вашингтон и Запад в целом оказались в сложном положении. Стало ясно, что форсированная

смена власти в условиях Центральной Азии чревата глубокими потрясениями и полной дестабилизацией обстановки в регионе. Однако И. Каримов доказал, что он не собирается проводить реальные экономические реформы и допускать либерализацию общества, а намерен законсервировать ситуацию в целях стабильности режима и общества. Более того, Ташкент стал подталкивать США к выводу их баз с его территории.

В настоящее время двусторонние отношения находятся в самой низкой точке со времени существования Узбекистана как независимого государства. Не исключалось, что США предпримут дальнейшие усилия по свержению И. Каримова. В то же время для Ташкента остается возможность пойти на сближение с США, если И. Каримов примет условия Запада по либерализации своего режима.

Несмотря на резкое охлаждение американо-узбекских отношений, в стратегических кругах США раздавались предупреждающие голоса (Национальный оборонный университет Минобороны, Военный колледж США), согласно которым Вашингтон делает стратегическую ошибку, покидая военные базы в Узбекистане и усиливая критику режима Каримова. Эти эксперты обращали внимание Белого дома, что режим Каримова доказал свою живучесть и готовность использовать силу для подавления оппозиции. С другой стороны, угрозы, с которыми Каримов сталкивается у себя в стране, — это не просто выдумка его пропагандистской машины, а реальность. Эта группа экспертов, работающая на Пентагон, предлагала также в качестве альтернативы больше внимания во внешней политике уделять Казахстану, который вполне способен выступить для Узбекистана и других государств региона в качестве примера страны, успешно осуществив-

шей экономические реформы (при поддержке США).

В рецензируемой книге подчеркивается, что Узбекистан по-прежнему имеет важное значение для американских геополитических интересов в Центральной Азии, и рекомендуется ограничить возможность Узбекистана балансировать с использованием Москвы и Пекина. В документе отмечается, что после окончательного разрыва стратегического партнерства с Узбекистаном его место занял Казахстан в качестве главного приоритета для администрации Дж. Буша. В этой связи Соединенным Штатам необходимо поддержать Астану в случае усиления давления со стороны России, которое, по мнению авторов, неизбежно будет нарастать. Американские аналитики больше всего опасаются, что Россия в ближайшей перспективе сможет возобновить военно-стратегическое присутствие в Узбекистане, что фактически уже подготовлено российско-узбекским соглашением от 14 ноября 2005 г.

Таким образом, авторы книги достаточно ясно озвучили дальнейшие перспективы развития ситуации в регионе с точки зрения стратегических интересов США. Однако следует отметить, что авторы не сумели, или же, скорее всего, не захотели четко указать истинные причины провала американской стратегии в отношении Узбекистана. Это может означать, что американский стратегический истеблишмент не усвоил уроков из своих сложных отношений с Узбекистаном и в будущем вполне может повторить подобную ошибку в другой стране региона, и не исключено, что в Казахстане.

К числу неоспоримых достоинств данной работы следует отнести богатый фактический материал, а также подробную хронологию американо-узбекских отношений, изложенную в форме комментариев и занимающую значительную часть книги.

Summary

Toward an Advanced Social Standards of Life

Abisheva M.A. — PhD in Political Sciences, Deputy Director of the KazISS under the President of RK

One of components of a new stage of Kazakhstan's development is "high quality and advanced social standards of life of all layers of population". Economic rise over last years has led our country on qualitatively new stage of development, but we need to set social determinant for the further growth of economic policy. Therefore, we should consider economic development of the republic in social-economic context.

As a whole, social policy is important adaptable mechanism of political system, therefore it should be considered in interaction "political" and "social". Thus, "social" is often considered as a synonym

"public". For this reason one of the problems of social policy is achievement of certain equilibrium level in the public life with use of influence and control mechanisms.

Our country possesses all necessary resources and opportunities for realization of priority directions of further modernization of social sphere. Their realization is aimed to achieve of final goal — all-round increase of well-being and quality of life of population. Today, it is the key formula of modernized state, providing its implementation by effective social policy, supporting the development of economy.

Russian Kazakhs and Problems of the Kazakhstan-Russian Humanitarian Cooperation

Sultanov B.K. — PhD in History, Assistant Professor, Director, KazISS under the President of RK

One of the main aims of Russia's policy is integration of the post-Soviet territory both within the frameworks of the Commonwealth of the Independent States (CIS) and by development of mutual relations with the Commonwealth countries. One of the key moments in this direction is humanitarian aspect of cooperation, promoting free development of national traditions, languages and cultures of people of the CIS and formation between them unified information-communicative, scientific-educational and cultural-language space and agreed approach in the immigration policy.

Socially, geography of resettlement of the Kazakh population is identical everywhere. Such nature of resettlement of Kazakh population is pointed out in the Altai territory, Republic of Altai, and in the Samara, Saratov, Sverdlovsk, Omsk, Oren-

burg, Tyumen and Chelyabinsk areas of the Russian Federation, excepting Kazakhs of the Astrakhan and Volgograd areas. The share of the urban Kazakh population in these areas makes 12.8 % and 11.6 %, respectively.

As a whole the Russian Kazakhs consider themselves as dwellers of the Russian Federation, regarding history of their staying and the present status in structure of the Russian state as natural stage in its development. Particularly, it concerns the Siberian Kazakhs. The majority of them dismiss any thought to come for neighboring Kazakhstan on national or religious motives. It is caused by "long and intensive nature of the Russian-Kazakh ethno-cultural contacts through which close economic, trade, cultural ties and inter-ethnic marriages were established between them".

China's New Strategy (on the Results of the Fourth Session of China's Tenth National People's Congress)

Syroyezhkin K.L. — Doctor of Political Sciences, Chief Research Fellow, KazISS under the President of RK

The Fourth Session of China's Tenth National People's Congress, which has been held during 5-14

March, 2006 in Peking, has summed up 10-th five years plan period and has confirmed the new strategy

taken on arms by "Hu — Wen" tandem. This strategy has not been formed suddenly.

Today, it is obvious for China as well as for many transit countries that economic and political imperious resources have concentrated in hands of narrow layer of population due to the carried out reforms. It is on the one hand those, who has adapted to market terms. On the other hand is bureaucracy, who use of party and administrative resources for the personal goals.

Turkmenistan Stands for Equal and Mutually Beneficial Cooperation in the Caspian Sea region

Kepbanov E.A. — PhD in Jurisprudence

The negotiating process on issue of a new legal status of the Caspian Sea between the coastal countries has started since 1992 and proceeds even today. Definition of a legal status of the Caspian Sea region remains one of the topical geopolitical problems of the region. Despite of significant changes in rapprochement of positions of the pre-Caspian states, the problem of definition of a new legal status of the Caspian Sea region remains unresolved.

The key problem of 11-th five years plan period define formation of new socialist village, which means to realize a number of events, directed not only on reduction of difference between city and village but also on qualitative transformation of village's face. Thus, someone may foresee to continue a policy of direct grants in agriculture and to raise their efficiency; to forbid any requisitions and peasant allotment, and by 2006 to repeal of agricultural tax on whole country.

The new status of the Caspian Sea region will develop precise game rules in the Caspian Sea region, will accelerate inflow of foreign investments to oil-and-gas sphere and will substantially reduce tense between pre-Caspian states.

Turkmenistan, being one of the participants of the Caspian Five, is located at eastern coast of the Caspian Sea. Turkmenistan owns more than the fifth part of the Caspian Sea region and possesses huge stocks of hydrocarbon raw material on its shelf.

On the Problem of Counteraction to Distribution of Hizb ut Tahrir ideas in Kyrgyzstan

Mirsayitov I.E. — Chief Expert, IISS under the President of the Kyrgyz Republic

The wide spread "Hizb ut Tahrir al-Islamiia" in Central Asia is caused by a number of subjective reasons. In our opinion, one of most important of them is underestimation of essence and consequences of actions of this organization that has led to polar approaches of the Central Asian countries to this problem. While Uzbekistan pursues the repressive policy against "Hizb ut Tahrir al-Islamiia", Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan until recently did not place special emphasis to it.

As a whole, there are favorable terms for distribution of ideas of "Hizb ut Tahrir al-Islamiia" party in the Central-Asian region. Unemployment, impoverishment of broad masses under the certain circumstances can become a detonator of activity of local members of "Hizb ut-Tahrir al-Islamiia". Under forecasts of experts, "Hizb ut Tahrir al-Islamiia" by virtue of economic and political instability of the region in the short term will remain one of the most active movements in Central Asia.

Development of New Model of Governing for Creation of Stable World

Nuradil G.N. — Director, Corporate Fund of People's Assembly of Kazakhstan

The human civilization is a chain of birth, blossom and withdrawal from historical arena of people and states. This process is frequently assuming global nature, such events passed at least three times during the 20th century. Firstly, after the First World War, when as a result of wreck of some empires, the sovereign states were formed. The second wave of emergence of new states has been connected with national-emancipating movement and wreck of colonialism.

Model of the future society of the country is precisely determined in the strategy and development of the Republic of Kazakhstan till 2030. Nowadays,

special attention is given to promotion of the Kazakhstan model of inter-ethnic interaction abroad through the international institutes.

Positive experience of regulation of inter-ethnic and inter-confessional relations is in the spot of many countries of the world, leaders and statesmen, who by the right are considered as the founder of the Kazakhstan model of inter-ethnic and inter-confessional consent of the Republic's President N.A. Nazarbayev.

Strategy of inter-ethnic consent, providing consolidation poly-ethnic and poly-confessional society is elaborated and actively enforce in Kazakhstan.

Local Self-Government as an Element of Political System of Society
Dosmagambetova G.I. — Senior Lecturer, Department of Philosophy, the Kokshetau State University named after S. Ualikhanov

Local self-government, possessing all attributes of political system — borders and population, the right of taxation, presence of public authority, defines that political space of this system. Institutions of local self-government act as the political center of this space.

The following tendency is traced in activity of local self-government of foreign countries: the more competence of local authorities, the less their independence and on the contrary. Unlike these practice, feature of political and economic development of Kazakhstan allow to hope

that local self-government institutes in our country will become active participant of political process.

The modern political system of Kazakhstan is transitive and transformed. Hence, the concept and transitive type of local self-government is needed. The aim of the reform of system of local authorities is attempts to regulate a number of positions of legal and economic nature and to provide capacity of all system of local self-government through changes in the structural organization of local authorities.

Structural Reorganization of the Kazakhstani Economy
Rakhmatulina G.G. — PhD in Economics, Chief Research Fellow, KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan

The analysis of social-economic development of Kazakhstan, the main problems and achievements in realization of industrial policy of the republic has allowed us to draw the conclusion that preservation of raw orientation of national economy is an objective fact.

Acceptance of active measures on stabilization of the macroeconomic situation, carrying out of productive market reforms allowed to Kazakhstan's economy gradually develop. Unfortunately, the neighboring countries of Central Asia have not reached this stage of development.

High rates of development are characteristic for Kazakhstan's economy. Therefore, the Head of the State sets the main problem on its diversification,

structural reorganization, development of manufactures with the high value added. Fulfillment of mid-term Program of the Government for 2006-2008 will promote the prompt modernization of the republic's economy; realization of the strategic goal of Kazakhstan's joining the world's 50 most competitive countries.

At the present time, Kazakhstan is a full and responsible member of the international community, where the republic carries out the important functions on providing the geopolitical stability and security in the region. Realization of integration initiatives of Kazakhstan on the post-Soviet territory becomes important factor of stable development of CIS states.

The Railway Transport in the Social-Economic Life of the Country
Issingar N.K. — Chairman, the Kazakhstan Association of Carrier Companies and Rail Cars (Containers), Association of National Freight Forwarders of Kazakhstan, Full Member of International Economic Academy of Eurasia and International Academy of Transport, Doctor of Economics

For the 15 years, which have been pass after the breakup of the Soviet Union, the new independent states have strengthened the sovereignty, have created the financial and economic systems, state and customs borders, budgetary and tax systems, i.e. all that is inherent in independence.

The reforming of railway transport in economically developed countries with the aim of increase of its competitiveness and conformity to modern requirements has begun since 80th years

of the last century. Nowhere in the world is completely finished railway transport reform. This process is a highly complicated and multi-aspect. Railway transport of Kazakhstan plays a special role in the social-economic life of the country, which reforming of activity is conducted according to market economy realities. This process of re-structuring goes by the accelerated rates. Analysis and estimation of course of reforms is pressing task for scientific studies.

Informal Economy as Threat to Economic and Food Security
Kaygorodtsev A.A. — Professor, the East-Kazakhstan State University named after S. Amanzholov

Informal economic relations render destabilizing influence on national economy that pose serious

threat to economic and food security of Kazakhstan. These relations induce economic deforma-

tions, worsen quality of government regulation of economy, deform contacts between the state and managing subjects and worsen reaction of the latter to "signals" of social-economic policy.

Maintenance of economic and food security of Kazakhstan is impossible without the decrease in a level of corruption in the country, which interferes with development of small- and medium-sized businesses, result to plunder of natural resources, imple-

mentation of hard investments for economy of the republic.

Activity of corrupt officials promotes injurious export of capital and raw material from Kazakhstan. According to some information, the amount of the shadow capital, which is beyond the country, makes about 3 billion to 10 billion dollars. For the last years, raw material for the sum 45-50 billion dollars has been taken out from the republic.

Political Advertising as the Factor that Influence Voting Behaviour
Uteshev D.A. — Head of the Department of Information Providing and Editorial-Publishing Activity, KazISS under the President of RK

Democratization of the society, growth of information activity, improvement of information technologies became the reason and a favorable term of development of political advertising in a life of the society. In opinion of experts, political advertising is a form of the political communications in terms of choice, address influence on electoral groups in original and easily remembered form.

For effective influence on the voter, advertising developers have to consider the whole spectrum of interests, people's inquiries. Political advertising is

formed under influence of electorate needs. Its basic communicative task consists in the correct combination of inquiries of object and proposals of the subject.

Thus, with the use of one or other methods of political advertising it should be observed effective balance, with choice of one or another method to take into account political situation, a state of mass consciousness during this period of time, dominating of one or other mechanisms of perception in the concrete target group.

Influence of the Geographical Factor on Formation of Public Structure and Institutes of Statehood on the Arabian Peninsula
Asanbayev M.B. — PhD in Political Sciences, Senior Research Fellow, KazISS under the President of RK

Formation and long-term preservation of such social units as family, parentage, tribe, become structural element of the Arabian society went under powerful influence of the geographical factor. In terms of desert environment of the Arabian Peninsula and the nomadic form of managing, the most suitable form of the social organization of the Arabian society was tribe community, because existence within the frameworks of small tribe association made possible observance of fragile ecological balance wherein coexistence between people and nature is prevailed. The tradition patrimonial-

tribe divisions in the Arabian society exists even today, when practically all the population except for a small group of Bedu tribes has chosen settled way of life.

The most important institute of the Arabian society was and remains family because it is based on close economic inter-relation and inter-dependence of its members. Growth of well-being of one member of family immediately affected well-being of the rest. The family has been formed by not only economic and related interests, but also fidelity to relationship of the male line.

Nature and Specificity of Political Knowledge
Zhumakayeva B.D. — Senior Lecturer, Department of Political Sciences, al-Farabi Kazakh National University

If one may try to define briefly essential feature of political knowledge it should be said: it is practical knowledge.

So, on the one hand, we speak about "episteme" and on the other hand, we oppose to this term "techne" and "fronesis", excepting essential distinctions between these terms. What is the contrast between the first and second type of knowledge? In this case, we can briefly say: pre-image of any true

knowledge (science) for Greeks was eidetic knowledge; Gadamer positively stated: "Pre-image of any science for Greeks is mathematics, knowledge, which is based on proofs, and everyone can attain this knowledge". Ultimately, the gap between eidetic and mathematical knowledge is rather bigger than the gap between "episteme" and "techne", established by us: it is enough to remember Losev's classification, made by him in the "Philosophy of Name"

(and in "Antique Space ..."), — but we can ignore this "gap", remembering about specific problems of the present research.

The aim of this article was to define both specificity of political knowledge and to outline its area for scientific research of policy.

Kazakhstan — Russia: Socio-Political Aspect of Mutual Relations in the first half of the 20th century
Zavgorodnyaya S.V. — Director, Public Association "Arkadiya"

The history of mutual relations between Kazakhstan and Russia is long. Relations between our countries at the present stage show that history and prospects of development have strong grounds for it. Considering mutual relations of our countries, we should consider that political, social and cultural histories are closely inter-related.

The greatest interest of researchers of New Time is connected with carrying out of reforms of Tsarism in Kazakhstan in first half of the 20th century. The main goal of the government during this period was an abolition of Khan's authorities and formation of own governing bodies in the territory of the Younger and Middle Zhuz.

The Tsarism, aspired to be powerful in the territory of Kazakhstan, has been interested in formation of bureaucracy of Kazakhs because it gave more trust to officials among local population, knowledge of native language, customs and traditions allowed to spend more flexible political strategy. Changes in the social stratification of the Kazakh society have led to formation of new social group the intellectuals who were not only the promoter of ideas of Education in the Steppe in the 20th century but also the initiator of creation of political parties at the beginning of the 20th century.

Source Study and Historiographic Problems of Military History of the Golden Horde
Kushkumbayev A.K. — PhD in History

Probably, it should be proved what importance the Golden Horde had in the historical life of people and countries, settled down on its territory or maintained various contacts with it. It is remarkable that the historical geography of the Golden Horde included the grounds of modern CIS states such as Russia, Kazakhstan, Ukraine, Moldova, Uzbekistan and Trans-Caucasian areas. This great nomadic power was one of the largest states in the Middle Ages and its history became the whole epoch in the history of Eurasia, which has subsequently defined a vector of evolution and the internal nature of their statehood for a long time.

As is clear from the brief review of sources and historiography of history of Mongols and Golden Horde, there is developed interest to the military past of the Eurasian nomads in the scientific literature. It can be ascertained that conceptual approach of experts to military history of the Turco-Mongolian states of Chingizids has not formed even today. In our opinion, studying the military schooling 30 and dwellers, living there, has both scientific-cognitive importance and attainability to understand civilization and cultural features of nomadic societies, who are created own statehood.

Сведения об авторах

Журнал «Казakhstan-Спектр» №2, 2006

- Абишева М.А.** — заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
Асанбаев М.Б. — старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
Досмагамбетова Г.И. — старший преподаватель кафедры философии Кокшетауского государственного университета имени Ш.Уалиханова
Жумакаева Б.Д. — старший преподаватель кафедры политологии КазНУ имени аль-Фараби
Завгородняя С.В. — директор общественного объединения «Аркадия», г. Астана
Исингарин Н.К. — председатель «Казakhstanской Ассоциации перевозчиков и операторов вагонов (контейнеров)», Ассоциации национальных экспедиторов Казахстана, действительный член Международной Экономической Академии Евразии и Международной Академии Транспорта, доктор экономических наук
Кайгородцев А.А. — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры «Менеджмент и маркетинг» Восточно-Казakhstanского государственного университета имени С.Аманжолова
Кепбанов Ё.А. — кандидат юридических наук
Кушкумбаев А.К. — кандидат исторических наук, г. Кокшетау
Лаумулин М.Т. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук
Мирсайитов И.Э. — главный эксперт МИСИ при Президенте КР
Нурдил Г.Н. — генеральный директор Корпоративного фонда Ассамблеи народов Казахстана
Рахматулина Г.Г. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
Султанов Б.К. — директор КИСИ при Президенте РК, кандидат исторических наук, доцент
Сыроежкин К.Л. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук
Утешев Д.А. — заведующий отделом информационного обеспечения и редакционно-издательской деятельности КИСИ при Президенте РК